

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

О.А. Климкович

**ФОРМУЛЯР СТАРОРУССКИХ
И СТАРОБЕЛОРУССКИХ
ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ
XIV–XVI ВЕКОВ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2015*

УДК 811.161.1'04+811.161.3'04
ББК 81.411.2-0+81.411.3-0
К49

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 24.12.2014 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 6 от 10.06.2015 г.

Автор: доцент кафедры русского языка как иностранного ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук
О.А. Климкович

Рецензенты:
заведующий кафедрой белорусского и русского языкознания
УО «БГПУ имени М. Танка», доктор филологических наук,
доцент *Т.Г. Трофимович*; заведующий отделом истории
белорусского языка ГНУ «Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси», кандидат филологических наук,
доцент *Н.В. Полещук*

Климкович, О.А.

К49 Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI веков : монография / О.А. Климкович. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 163 с.
ISBN 978-985-517-494-4.

В работе впервые предпринята попытка проанализировать старорусские и старобелорусские акты тексты XIV–XVI веков с позиций исторической стилистики в сравнительно-сопоставительном аспекте, что дает возможность выявить общие и специфические черты в развитии старорусской и старобелорусской деловой письменности. Издание адресовано ученым-лингвистам, аспирантам, студентам-филологам дневной и заочной форм получения образования, учителям русского и белорусского языков для подготовки к урокам и факультативным занятиям.

УДК 811.161.1'04+811.161.3'04
ББК 81.411.2-0+81.411.3-0

ISBN 978-985-517-494-4

© Климкович О.А., 2015
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	4
ВВЕДЕНИЕ	7
РАЗДЕЛ I. ЯЗЫК И СТИЛЬ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ИС- СЛЕДОВАНИЙ	14
1.1. Деловая письменность и литературный язык	14
1.2. Понятие жанра в деловой письменности	16
1.3. Состав субъектов деловой коммуникации	21
1.4. Принципы анализа структурно-смысловой организации актов	23
1.5. Принципы анализа вербальной презентации смысловых единиц в актах	29
1.6. Стилеобразующие ресурсы на уровне языка и текста в актах XIV–XVI вв.	34
РАЗДЕЛ II. СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ АКТОВ XIV–XVI вв.	40
2.1. Структурно-смысловая организация зачина актов	40
2.2. Структурно-смысловая организация концовки актов	46
2.3. Структурно-смысловая организация содержательной части актов	53
РАЗДЕЛ III. ФОРМУЛЫ, УСТОЙЧИВЫЕ И СВОБОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ТЕКСТАХ СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ АКТОВ И ИХ ТЕК- СТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ	75
3.1. Формулы в актовых документах	75
3.2. Устойчивые сочетания в актовых документах	84
3.3. Свободные сочетания в актовых документах	88
3.4. Формулы, устойчивые и свободные сочетания при именовании субъектов деловой коммуникации	91
РАЗДЕЛ IV. СИНТАКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ АКТОВ	97
4.1. Стилистические функции средств связности в актовых документах	97
4.2. Синтаксико-стилистические ресурсы простого предложения	104
4.3. Стилистически значимые структурно-семантические разно- видности предложений	108
4.4. Стилистические ресурсы делового, бытового и книжного ре- гистров в синтаксисе актовых документов	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ	123
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	124

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Список использованных источников и словарей

АВК – Акты, издаваемые Коммиссією, высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ : в 39 т. – Вильна : Тип. А.К. Киркора, 1865–1915. – Т. 1 : Акты Гродненскаго земскаго суда : [1540–1795 гг.]. – 1865. – 401 с.; Т. 2 : Акты Брестскаго земскаго суда : [1431–1793 гг.]. – 1867. – 372 с.; Т. 3 : Акты Брестскаго гродскаго суда : [1401–1699 гг.]. – 1870. – 436 с.; Т. 5 : Акты Брестскаго и Гродненскаго гродскихъ судовъ, съ присовокупленіемъ привилегій на землевладѣніе въ Брестской и Кобринской экономіяхъ : [1388–1783 гг.] / предисл. С. Шолковича. – 1871. – 513 с.; Т. 6 : 1) Акты Брестскаго гродскаго суда (поточные), 2) Акты Брестскаго подкоморскаго суда, 3) Акты Брестской магдебургіи, 4) Акты Кобринской магдебургіи и 5) Акты Каменецкой магдебургіи / предисл. И.Я. Спрогиса. – 1872. – 739 с.; Т. 8 : Акты Виленскаго гродскаго суда : [1755–1790 гг.] / предисл. И. Спрогиса. – 1875. – 760 с.; Т. 9 : Акты Виленскаго земскаго суда, магистрата, магдебургіи и конфедерации : [1493–1797] / предисл. С. Шолковича. – 1878. – 665 с.; Т. 17 : Акты Гродненскаго земскаго суда : [1539–1565 гг.] / предисл. К. Снитко. – 1890. – 633 с.; Т. 22 : Акты Слонимскаго земскаго суда : [1555–1570] / предисл. К. Снитко. – 1895. – 535 с.

АЕ – 57 Археографический ежегодник за 1957 год / Акад. наук СССР, Отд-ние ист. наук Археогр. комис. ; под ред. М.Н. Тихомирова. – М. : Наука, 1958. – 520 с.

АЕ – 67 Археографический ежегодник за 1967 год / Акад. наук СССР, Отд-ние истории Археогр. комис. ; под ред. В.И. Шункова. – М. : Наука, 1969. – 366 с.

АМСМ – Акты феодального землевладения и хозяйства : акты Московскаго Симонова монастыря (1506–1613) / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. Л.И. Ивина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. – 352 с.

АСМ – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Акты Соловецкаго монастыря 1479–1571 гг. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. И.З. Либерзон. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. – 274 с.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол. : Б.Д. Греков (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – 3 т.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: С.В. Бахрушин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1961. – 3 ч.

АЮЗР – Акты, относящиеся къ истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссіею : в 5 т. / СПб. : Тип. Э. Праца, 1863. – Т. 1 : 1361–1598. – 1863. – 301 с.

БА – Беларускі архіў = Archivum alboruthenicum = Weissrussisches archiv : у 3 т. / Ін-т беларус. культуры, Гіст.-археал. каміс. – Мінск : Ін-т беларус. культуры, 1927–1930. – Т. 1 : XVI–XVII ст. : матэрыялы і дак. да гісторыі Беларус.-Літоўс. дзяржавы і г. Магілёва з архівасховаў Магілёва, Масквы і Кракава / Ар. Смоліч (адк. рэд.) [і інш.]. – 1927. – 299 с.; Т. 2 : XV–XVI ст. : матэрыялы і дак. да гісторыі Беларус.-Літоўс. дзяржавы і г. Магілёва з архівасховаў Магілёва, Масквы і Кракава / Ар. Смоліч (адк. рэд.) [і інш.]. – 1928. – 391 с.

БФ – Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов : в 3 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. М-ва внутр. дел БССР ; редкол.: А.И. Азаров [и др.]. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959–1961. – Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века / сост. З.Ю. Копыцкий. – 1959. – 516 с.

ВН – Великий Новгород во второй половине XVI в. : сб. док. / Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. древ. актов ; сост. К.В. Баранов. – СПб. : Дм. Буланин, 2001. – 274 с.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; под ред. С.Н. Валка. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 407 с.

ГБ – Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах : у 4 т. / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1936–1954. – Т. 1 : IX–XVIII стст. / склад.: В.К. Шчарбакоў, К.І. Кернажыцкі, Д.І. Даўгяла. – 1936. – 694 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : вып. 1–32 / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэдкал.: А.І. Жураўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2012. – 32 вып.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: С.В. Бахрушин (отв. ред.) [и др.]. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 587 с.

ДНД – Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – 2-е изд. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 867 с.

КЗ, XXV – Lietuvosmetrika / Lietuvos istorijos inst. – Vilnius, 1998. – Кн. 25: 1387–1546 : užrašymų kn. 25 / parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. – 436 s.

КЗ, XLIII – Метрыка Вялікага Княства Літоўскага = Метрыка Vialikaha Kniastva Litouskaha / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: Г.Я. Галенчанка [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – Кн. 43 : Кніга

запісаў (1523–1560) : копія канца XVI ст. / падрыхт. В.С. Мянжынскі. – 167 с.

НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси.

ПГ – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI веков : вып. 1–3 / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Ин-т истории Акад. наук СССР, 1977–1980. – Вып. 1. – 1977. – 228 с.; Вып. 2. – 1978. – 219 с.; Вып. 3. – 1980. – 214 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. : вып. 1–27 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1975–2006. – 27 вып.

Срезн. – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. Акад. наукъ, 1893–1912. – 3 т.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева [и др.] ; под общ. ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 694 с.

ТБ – Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. : А.Ф. Аляксандрава, В.У. Бабкова, І.М. Бобер ; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2012. – 736 с.

Список сокращений

ВКЛ – Великое княжество Литовское,
ВКМ – Великое княжество Московское,
НК – Новгородское княжество,
СБ – смысловый блок,
СФ – смысловой фрагмент,
УК – устойчивая конструкция.

ВВЕДЕНИЕ

Роль языка деловой письменности, к которой относятся «документальные тексты ... как государственные, так и частные» [286, с. 7], в становлении и развитии национальных языков подчеркивалась в работах В.В. Колесова [218, с. 121], Ф.П. Филина [398, с. 16–17], В.В. Виноградова [93, с. 21], Б.А. Ларина [255, с. 94–108, с. 255–258], С.П. Обнорского [303, с. 9–31], А.М. Селищева [341], Б.А. Успенского [397, с. 60–64], В.М. Живова [168, с. 6], Л.П. Якубинского [421, с. 284–288], С.И. Коткова [236, с. 111], А.И. Журавского [171, с. 4], Л.М. Шакуна [415], И.И. Кремко [244, с. 58–59].

Значительное место в восточнославянской деловой письменности XIV–XVI вв. занимали акты, в которых зафиксированы сделки между частными лицами или между частными лицами и государством. Основной причиной эволюции их языка являлось развитие государственности, изменение общественных отношений и социальных институтов. Вместе с тем в актах прямо или косвенно находят свое отражение мысли, желания и чувства людей, от имени которых создается текст. Большой корпус сохранившихся текстов, их полифункциональность и взаимодействие «народно-разговорной и “славянской” стихий» [239, с. 6] предопределяют многоаспектное исследование языка деловой письменности с конца XVIII – начала XIX в.

Особенности русской деловой письменности являются объектом исследования в многочисленных работах ученых-лингвистов.

Фонетические единицы характеризуются в исследованиях Н.Е. Поповой [326], А.П. Майорова [277], Л.Ф. Копосова [225], Е.А. Галинской [112; 113] и др.

Особенности морфологической системы рассматриваются в работах А.М. Кузнецова [248], Л.Л. Мазитовой [274], И.Г. Соколовой [348], Е.А. Колтуновой [220], С.Э. Мазо [275], О.В. Боярской [77], М.В. Биньковской [60; 61; 62], Г.С. Политовой [319], Т.С. Калмыковой [192], Н.А. Новоселовой [301], Е.А. Догушевой [160], Ю.В. Биктимировой [55; 56; 57; 58; 59] и др.

Описанию синтаксиса посвящены труды Т.П. Ломтева [267; 269], В.Б. Крысько [246], В.И. Борковского [74; 75; 76], О.В. Владимировой [96], Л.А. Глинкиной [124; 125], М.А. Соколовой [349], И.В. Богдановой [67], С.И. Коткова [242], В.С. Мордвинцевой [288; 289], О.В. Трофимовой [380] и др.

Характеристика словарного состава деловых текстов приводится в исследованиях О.В. Никитина [294; 295], Л.Ф. Копосова [224], А.А. Назаревского [291], А.А. Баландиной [40], В.А. Цыбиковой [402; 403], Н.Г. Благовой [64; 65], А.П. Майорова [278], Т.В. Кортавой [226],

Е.А. Кудрявцевой [247], О.В. Бараковой [41; 42; 43], С.С. Волкова [98; 99], Л.В. Поповой [325], М.В. Тропниковой [375], С.И. Коткова [240; 241], Л.Ю. Астахиной [32; 33; 34; 36; 37], Е.А. Чащиной [408; 409; 412], Е.Н. Поляковой [323] и др.

Источниковедческие и региональные этнолингвистические аспекты изучения деловой письменности отражены в трудах Л.Я. Костючук [230; 234], О.В. Борисовой [72; 73], Н.И. Тарабасовой [368], С.И. Коткова [238], В.Я. Дерягина [155; 157], Л.М. Городиловой [134], Т.Ф. Ващенко [89], Н.С. Бондарчук [68], Н.В. Глухих [127], Р.П. Сысуевой [365], И.С. Филипповой [399], О.В. Никитина [297; 298] и др.

Исследования ономастики деловых памятников выполнены О.Е. Афанасьевой [38], Р.А. Вафеевым, М.С. Выхрыстюк, Г.Ч. Файзуллиной [88], С.Н. Смольниковым [347], А.В. Пироговой [316], Ю.И. Чайкиной [404; 405; 406; 407], Г.Н. Стариковой [356], Л.М. Городиловой [136] и др.

Характеристика языка деловых памятников с позиций отражения в нем языковой картины мира проводится в работах Н.А. Тупиковой [394], А.Е. Бельковой [54], Е.И. Зиновьевой [184], С.А. Шилиной [418].

В рамках исторической стилистики проанализированы челобитные (С.С. Волков [99; 100] и А.П. Майоров [279; 280]); двинские купчие и важские порядные записи (В.Я. Дерягин [157]); кабальные книги (Е.И. Зиновьева [182]); таможенные книги (О.В. Баракова [41; 44], И.А. Малышева [282; 283], Ю.Г. Захарова [178; 179]); переписные книги (И.Н. Попова [324]); росписные списки воевод (Л.М. Городилова [137]); рукописные документы Знаменского монастыря (М.С. Выхрыстюк [106]); приходно-расходные книги монастырей (Е.Г. Ганькова [116], Ю.В. Безбородова [47], А.В. Волынская [101]); поручные записи (И.Б. Токмачева [373]), дозорные книги городов Московского государства первой трети XVII в. (А.В. Пирогова [315]).

Язык белорусских деловых документов становился предметом исследования с XIX в. К этому периоду относятся работы Е.Ф. Карского [195], словари И.И. Носовича («Алфавитный указатель древних белорусских слов, выбранных из «Актов, относящихся к истории Западной России»»), И.П. Новицкого («Словарь для объяснения юридических терминов старого актового языка»), Н.И. Горбачевского («Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского»), значительная часть материала в которых извлечена из актовых документов.

Рассматривая лингвистические работы XX – начала XXI в., можно обозначить несколько направлений в изучении старобелорусской деловой письменности: 1) определение роли деловой письменности в развитии белорусского литературного языка; 2) проблемы дефиниции канцелярского языка ВКЛ; 3) изучение отдельных уровней языковой системы памятников деловой письменности; 4) характеристика лексического со-

става деловых памятников; 5) изучение деловых памятников с позиций ономастики и особенностей номинации; 6) комплексный лингвистический анализ отдельных памятников; 7) историко-стилистические исследования деловой письменности.

Определению роли деловой письменности в истории развития белорусского литературного языка посвящены работы А.И. Журавского [171, с. 4; 172, с. 502–503], А.М. Булыко [81, с. 157–158], Л.М. Шакуна [414, с. 97–105; 416, с. 20–21]. Проблемы дефиниции канцелярского языка ВКЛ рассматриваются в научных статьях О.И. Дерновича [152; 159], В.М. Свежинского [337].

Значительное число работ связано с описанием различных языковых уровней старобелорусского делового языка. Так, *фонетика* характеризуется в исследовании А.К. Антоновича [26]. Особенности *графики и орфографии* освещены в трудах А.М. Булыко [84], А.К. Антоновича [27]. *Словообразовательные процессы* в деловых памятниках становятся предметом анализа в работах Н.Г. Пригодича [328]. Изучению *морфологического уровня* в языке деловых памятников посвящены работы В.В. Аниченко (глагольные формы прошедшего времени) [24], М.Г. Булахова (прилагательные) [80], А.П. Груцо (категории вида и времени) [143], Г.П. Пивторака (инфинитив) [314] и др. *Синтаксические единицы* характеризуются в работах И.И. Кремко [245], А.П. Груцо [142; 144] и др.

Многочисленны исследования лексики памятников белорусской деловой письменности. Лингвистами а) охарактеризован лексический состав памятников (Н.А. Новик [300, с. 5–16], В.П. Сташайтене [360], М.М. Закарьян [174]); б) описаны фразеологизмы деловых памятников в работах А.С. Аксамитова [3], Т.Г. Трофимович [382; 383; 385; 389; 393], Е.С. Дедовой [158], Н.В. Полещук [312; 313], Е.С. Бубновой [78]; в) выявлены заимствования в деловой письменности в трудах А.М. Булыко [81; 82; 83], Р.Й. Дайлиденас [150], О.М. Галай [110], А.Ф. Литвиновой [260; 263] и др.

Интересны исследования делового языка с позиций ономастики (И.Л. Копылов [194, с. 5–9]) и теории номинации (Т.Г. Трофимович [391], А.А. Дерунова [153]). Вопросы текстологии отдельных актов Полотчины рассмотрены в статье И.В. Будько и Э.В. Ермоленко [79].

Комплексный лингвистический анализ деловых памятников осуществлен в работах В.Э. Зиманского [180, с. 3–15] (язык Вислицкого статута XV в.) и Н.В. Полещук [309, с. 5–16] (язык «Трибунала обователемь Великого князства Литовского» (1586)).

Вопросы исторической стилистики при анализе привилеев Метрики ВКЛ рассмотрены в работах Н.В. Полещук [306; 307; 308; 310; 311]. В статьях Т.Г. Трофимович [384; 387; 388] характеризуются направления историко-стилистических исследований, однако последний аспект в белорусском языкознании является малоразработанным. Срав-

нительно-сопоставительное лингвостилистическое исследование актов документов – это новое направление как в русском, так и в белорусском языкознании.

Основы исторической стилистики были заложены в работах Г.О. Винокура [94] и развиты в исследованиях В.В. Колесова [219], З.К. Тарланова [369], М.Н. Кожинной [217]. Г.О. Винокур подчеркивает, что 1) стилистика относится к дисциплинам, изучающим употребление языка [94, с. 224]; 2) стилистика имеет право на существование только при условии, что «она имеет своим предметом те языковые привычки и те формы употребления языка, которые действительно являются коллективными» [94, с. 222]; 3) основная ее функция состоит в непосредственном соединении истории языка с историей других областей культуры [94, с. 226]. Историко-стилистические исследования связаны с изучением процесса формирования стилистико-речевых разновидностей языка, «структурные своеобразия» которых, «количественные, а тем более качественные различия между ними, их состав исторически изменяются и различны в разные эпохи развития национального литературного языка» [92, с. 7], при этом «тексты выступают не как “языковой материал”, из которого “выводятся” языковые единицы, а как самостоятельный объект исследования» [138, с. 6].

Понятие стиля исторично, в донациональную эпоху соотносится с отдельными жанрами текстов, в которых постепенно складываются черты современных функциональных стилей. По отношению к этим текстам термин стиль следует определить как совокупность композиционных и языковых средств, используемых в определенной ситуации.

Исследования актов документов в области исторической стилистики пересекаются с исследованиями этих текстов в рамках текстологии, источниковедения, дипломатики, архивного дела и документной лингвистики. С.П. Кушнерук обозначает следующие компоненты анализа делового текста: «1) понимание коммуникативного процесса применительно к деловой активности ...; 2) определение субъектного состава деловой коммуникации и лингвистического варьирования, вызванного субъектными причинами; 3) представление структуры полевой организации ... деловой документации и разработка лингвистических принципов структурирования деловых текстов; 4) выработка принципов многомерной стратификации лексико-фразеологических и грамматических средств ... деловой документации и установление корреляционной связи между лингвистической типологией документов и стратификационными особенностями входящих в них лексико-фразеологических и грамматических средств» [251, с. 7].

В сопоставительном аспекте историко-стилистических исследований изучаются «стилистико-текстовое своеобразие сравниваемых языков, закономерности функционирования языковых средств со стилевой

значимостью, особенности композиции, текстовых единиц ... с учетом сопоставления сравниваемой экстралингвистической основы стиля» [СЭС, с. 427]. Это до сих пор не разработанное направление в современной лингвистике [387, с. 66–67; 388]. В. Гумбольдт называет два аспекта сравнительного исследования языков: изучение организма языков и изучение языков в состоянии их развития [149, с. 311]. Основными факторами развития стилистической системы являются экстралингвистические: «изменения в материальной, политической, духовной жизни общества» [СЭС, с. 417]. При этом любые изменения стиля отражают изменения в мышлении человека, так как «стиль – это всегда следствие состоявшихся изменений по линии “язык – мышление”» [219, с. 22].

Хронологические рамки представленного исследования нуждаются в дополнительном пояснении. История развития деловой письменности параллельна истории развития национальных языков. С этой точки зрения целесообразным является рассмотрение актов документов XI–XVII вв. (донациональный период) или XIV–XVII вв. (период формирования восточнославянских языков). Период XIV–XVI вв. интересен для изучения как время, когда письменный документ «становіцца неабходным атрыбутам аператыўнага і эфектыўнага кіравання, гарантам правоў жыхароў дзяржавы» [145, с. 77]. Связан этот процесс «са значнымі зменамі ў сферы грамадскіх адносін: секулярызацыяй свядомасці і мыслення, фарміраваннем рацыянальных адносін» [148, с. 28]. В XIV–XVI вв. на территории восточных славян происходило становление и развитие самостоятельных государств, среди которых наиболее значимыми являются Великое княжество Литовское (далее ВКЛ), Великое княжество Московское (далее ВКМ) и Новгородское княжество (далее НК). Складывание традиций русского делопроизводства, накопление опыта создания документов и их хранения началось в НК и продолжалось в ВКМ. В XV в. процесс централизации русского государства привел к формированию государственной системы делопроизводства, созданию специальных учреждений, которые сначала назывались столами, а потом приказами [200, с. 17]. Чаще всего документы писались дьяками, площадными и церковными подьячими [200, с. 32–35]. Подчинение НК в конце XV в. власти московского князя повлекло за собой изменение правил оформления документов на этой территории, но существовавшая ранее новгородская делопроизводственная традиция прервалась не сразу.

В истории развития белорусского языка период XIV–XVI вв. – это время, когда складывается язык белорусской народности [423, с. 43]. В ВКЛ литературно-письменный язык белорусов являлся официальным языком «канцылярый, устаноў, справаводства і заканадаўства» [415, с. 64]. В конце XIV в. документ «уступіў у фазу свайго актыўнага развіцця» [148, с. 58], получили распространение акты, в которых

оформлялись пожалования разного типа, письменно подтверждались сделки частных лиц. При Витовте возникла канцелярия ВКЛ, которая со временем приобрела общегосударственное значение [145, с. 79]. Дьяки и писари оформляли чистовики документов, делали копии и переписывали тексты документов на отдельные листы или в копийные тетради, которые стали составной частью книг Метрики ВКЛ [145, с. 80; 146, с. 44]. Метрика явилась основой сначала великокняжеского, а потом и государственного архива ВКЛ [111, с. 121]. Собрание содержало разнообразные финансовые документы, пожалования княжествам, городам, отдельным лицам [161, с. 16]. Частные акты сохранились в книгах городских и земских судов.

В XIV–XVI вв. появляются разные жанры актов; складывается их формуляр; происходит становление оформляющей и содержательной частей документа. И если к началу XIV в. следует отнести небольшое число частных актов, подлинность которых не вызывает сомнений [210, с. 88], то в деловой письменности «XV–XVI вв. уже намечается устойчивая дифференциация языковых средств» [252, с. 68], позволяющая говорить об особенностях разных коммуникативных форм.

На белорусских территориях происходит процесс трансформации древнерусского языка через насыщение его «мясцовыми моўнымі рысамі і замену імі архаічных старажытнарускіх і царкоўнаславянскіх моўных рыс» [173, с. 5]. С конца XVI в. начинается вытеснение белорусского языка из сферы делопроизводства польским языком [173, с. 6], что не позволяет расширить рамки исследования до XVII в.

Создание нового делового текста представляло собой следование уже существующему образцу, что было характерным признаком культуры средних веков, когда «норма – это образец, т.е. текст, а не парадигма или отдельное слово» [218, с. 11]. Но исторически норма «есть выбор инварианта на основе многих вариантов, выработанных системой в ее развитии» [218, с. 7]. Для восточнославянской деловой письменности эпохи средневековья характерен особый тип нормы, «содержательно ... противоположный строгой норме церковнославянского языка, но типологически аналогичный ей» [332, с. 7].

В монографии рассматриваются тексты разных жанров, что делает возможным употребление по отношению к ним нескольких терминов. При указании конкретного жанра в работе используются термины *духовные грамоты*, *жалованные грамоты*, *купчие грамоты*. Задачи историко-стилистического исследования определяют изучение стандартизованности структуры актовых документов; описание различного типа устойчивых единиц, условий варьирования; выявление закономерностей отбора и организации языковых средств в определенных группах текстов. Датировка новгородских актов уточнена согласно исследованию В.Л. Янина [422].

Актуальность представленной работы определяется нерешенностью до настоящего времени вопроса об эволюции языка отдельных жанров деловой письменности и отсутствием лингвостилистической характеристики значительного корпуса деловых текстов, созданных на территории ВКЛ.

В монографии представлены принципы сравнительно-сопоставительного лингвостилистического исследования, которые могут быть использованы как при характеристике документов разных жанров, так и при характеристике документов, созданных на разных территориях; выработан один из возможных способов описания структурно-смысловой организации актов документов в историко-стилистическом аспекте; установлена связь между жанром памятника и системой входящих в него лексико-фразеологических и синтаксических средств, составляющих стилевую специфику актов документов; в аспекте сравнительно-сопоставительного стилистического исследования рассмотрен значительный корпус актов ВКЛ, ВКМ и НК.

Было проанализировано 1449 текстов, из них купчих грамот – 574 акта, духовных грамот – 207 актов, жалованных грамот – 668 актов.

РАЗДЕЛ I

ЯЗЫК И СТИЛЬ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Деловая письменность и литературный язык

Историко-стилистические исследования деловой письменности связаны как с общими, так и с частными проблемами исторического языкознания. К общим проблемам следует отнести проблему определения объема понятия «литературный язык». К частным – проблему жанровой классификации деловой письменности, субъектной и структурно-смысловой организации текста, клишированности изложения, особенностей употребления стилистически значимых средств различных языковых уровней.

В русистике известны три основные концепции места делового языка в истории русского литературного языка донационального периода.

I. В концепции двуязычия 1) литературным языком признается только церковнославянский язык, а язык деловых документов стоит за пределами литературного языка, так как его использование обусловлено практическими целями; 2) наряду с церковнославянским языком признается существование в Древней Руси своего собственного оригинального и многожанрового литературного языка, церковнославянское влияние на который первоначально отсутствовало или было незначительно. Его существенными чертами, по мнению С.П. Обнорского, являются «близость к разговорной стихии речи и полное отсутствие следов взаимодействия с болгарско-византийской культурой» [302, с. 30]. Взгляд на языковую ситуацию Древней Руси как на ситуацию литературного двуязычия высказывали Г.О. Винокур [95, с. 30], Б.А. Ларин [255, с. 23], М.И. Шапир [417, с. 297–298], Ф.П. Филин, отмечавший в деловых памятниках наличие четкости и последовательности изложения, «не выдерживающихся в разговорно-бытовой речи» [398, с. 251], В.В. Колесов, мотивировавший отнесенность деловой письменности к литературному языку тем, что этот язык отражает «то же видение мира, то же отношение к слову и тот же всегда функционально оправданный набор речевых формул» [218, с. 115].

II. В концепции диглоссии предполагается сосуществование двух языков, дополняющих друг друга. Для книжного языка характерна нормированность, он «эксплицитно усваивается в процессе формального обучения» [397, с. 6], в то время как некнижный язык «в принципе

не может быть кодифицирован» [397, с. 6]. Деловой язык представляет собой особую сферу письменности, которая ассоциируется «с мирским, бытовым началом» и поэтому недостойна «применения книжного языка» [397, с. 15]. Тексты деловой письменности стоят за пределами литературного языка, несмотря на значительную степень их обработанности.

III. В концепции регистровой стратификации древнерусской письменности, высказанной В.М. Живовым [164, с. 232; 165, с. 107; 169, с. 31–41], регистр деловой письменности относят к некнижной стратегии языка наряду с бытовым регистром и противопоставляют книжным регистрам: собственно церковнославянскому и гибриднему, который характерен для языка летописей. Однако регистр делового языка отличается от «общей совокупности некнижной письменности своей нормированностью» [164, с. 232].

В белорусском историческом языкознании общепринятым является положение о том, что старобелорусский деловой язык – неотъемлемая часть литературного языка. Л.М. Шакун пишет, что деловая письменность была наиболее важной сферой использования старобелорусского литературного языка, так как «у практыцы дзелавой перапіскі і заканадаўства выпрацоўваліся і вызначаліся характэрныя рысы старабеларускай літаратурнай мовы» [414, с. 104–105]. Известный лингвист А.И. Журавский обращает внимание на то, что самой широкой сферой употребления старобелорусского языка была деловая письменность [170, с. 240]. Роль деловой письменности ВКЛ в формировании старобелорусского языка подчеркивается в работах Б.А. Успенского [397, с. 69], Е.Ф. Карского [197, с. 134–135; 198, с. 258], ее особенности рассматриваются в исследованиях З. Зинкявичюса [181], В.В. Аниченко [24; 25], О.И. Дерновича [152; 159]. Интерес к изучению старобелорусских актов в лингвистическом и историческом аспектах повышается в начале XXI в. [117; 307; 308; 345; 381].

Вопрос о соотношении понятий деловой язык и литературный язык в донациональную эпоху обусловлен: 1) жанровым многообразием деловых текстов; 2) значительной стилистической неоднородностью актов, в которых проявляются элементы книжной, народно-разговорной и собственно деловой стихии; 3) наличием территориальных вариантов делового языка даже в пределах одного государственного образования, что находит отражение в языковом оформлении текстов. Историко-стилистические исследования актов позволяют уточнить жанровые и собственно языковые особенности деловых текстов и определить их место в истории русского и белорусского языков.

1.2. Понятие жанра в деловой письменности

Под *актом* нами понимается определенный тип исторического источника, фиксирующий соглашение между двумя сторонами: адресантом и адресатом, в роли которых могли выступать как частные лица, так и представители светской или духовной власти. По отношению к старорусским документам принято использовать термин *грамота*. В старобелорусских документах до первой половины XV в. использовался термин *грамота*, со второй половины XV в. использовался термин *лист* [147, с. 60]. В данной работе будут использованы термины *актовый документ*, *акт*, *грамота*.

По отношению к разным группам актов в науке применяются понятия *жанра*, *вида документа* или *типа текста*. Использованное нами понятие *жанра* основано на традиционном применении указанного термина в лингвистических исследованиях (см. работы М.С. Выхрыстюк [108], А.Н. Качалкина [200; 201], О.В. Бараковой [44], А.Е. Бельковой [53], А.Г. Косова [228; 229], О.И. Головановой [128; 129], О.Р. Семеновой [342], А.В. Волынской [101], Л.М. Городиловой [135], О.В. Трофимовой [376; 377; 378], Н.В. Полещук [307], С.Ф. Рудневой [333; 334]).

Т.В. Шмелевой обозначено семь признаков, помогающих охарактеризовать жанр: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) тип диктумного (событийного) содержания; 7) языковое воплощение [419, с. 89–97].

Согласно определению А.Н. Качалкина под жанром актовых текстов будем понимать «класс документов, объединенных общей текстовой модальностью» [201, с. 19], т.е. отношением текста к действительности.

Одно из возможных определений жанра актов XIV–XVI вв. основывается на самоназвании документа. Под названием понимается «определенный знак вида документа, реализующего жанр» [199, с. 72], но имя документа не тождественно понятию жанра, которое значительно его шире [199, с. 72]. По причине того, что в отличие от жанра «имя обычно зависит от идеологии общества данного периода его развития, а нередко и напрямую отражает эту идеологию» [199, с. 72], возможно существование документов одного жанра, имеющих разные названия. Это особенно ярко проявляется в актах, созданных на разных территориях. Таким образом, название документа может совпадать с названием жанра, а может не обнаруживать таких совпадений, что не является препятствием для жанровой классификации актов. В рассмотренных нами текстах отражаются две тенденции: документы одного жанра имеют разные названия и, наоборот, документы разных жанров могут иметь одинаковое название. Анализ документов, созданных на разных территориях, предполагает также учет таких явлений, как 1) возникно-

вление в диахронии новых названий актов [207, с. 74]; 2) изменение названия акта при составлении двух письменных текстов, так как «один и тот же документ, сохраняя сущность и смысл, менял названия, которые каждый раз оказывались более нужными и более точными с точки зрения субъекта и объекта, адресанта и адресата» [205, с. 87]; 3) взаимодействие документооборота русского центра с документооборотом соседних государств, в частности ВКЛ [203, с. 74].

При исследовании значительного корпуса текстов представляется целесообразным определить жанр на основании коммуникативной целевой установки акта. В исследованных актах таких установок три: 1) закрепить права перехода собственности от одного лица к другому на основании сделки купли-продажи; 2) определить распоряжения относительно всей имеющейся собственности или ее части по причине возможной смерти лица; 3) закрепить за каким-либо лицом привилегии (имущественные, налоговые, судебные) путем передачи новых или подтверждения уже имеющихся. Первая целевая установка реализуется в текстах, представленных следующими самоназваниями: *купчая, продажная, купчая с отводом* (ВКМ, НК), *лист продажный* (ВКЛ); вторая целевая установка представлена в текстах с названиями *духовная, душевная, духовная память, память, рукописание, духовница* (ВКМ, НК), *духовная, тестамент, дастамент, дэстамент* (ВКЛ); третья целевая установка реализована в текстах с названиями *жалованная, данная* (ВКМ, НК), *даравальная грамота, даравальны лист, привилей, потверженье* (ВКЛ). Для первой группы текстов будем использовать термин *купчие грамоты*, для второй группы текстов – термин *духовные грамоты*, для третьей группы текстов – *жалованные грамоты*.

Отметим также, что купчие, духовные и жалованные грамоты имели некоторые внутрижанровые подгруппы, обусловленные содержательной стороной документа. Так, среди купчих грамот, представляющих собой документы, оформляющие переход собственности от одного лица к другому путем купли-продажи, можно указать собственно купчие, купчие с отводом и купчие-продажные (ВКМ, НК, ВКЛ). Среди духовных грамот – полные духовные (ВКМ, НК, ВКЛ), духовные, содержащие распоряжения только относительно имущества, завещанного церкви (ВКМ, НК), духовные, содержащие только упоминания о долгах (НК) [23, с. 103–106].

Разнообразны разновидности жалованных грамот. К старорусским жалованным грамотам относятся акты, содержащие информацию о дарениях земельных угодий, привилегии судебного характера, фиксирующие свободу привилегированного землевладения от различных податей и повинностей, охранные (заповедные) грамоты. Особенностью старорусских жалованных грамот является совмещение в одном акте нескольких разновидностей. Существуют такие грамоты, как тарханно-несудимые, несудимые и одновременно льготные или оброчные грамо-

ты, определяющие норму волостельных кормов или устанавливающие свободу от постоев и кормов, данные на определенные селения и одновременно содержащие освобождение от податей или податную льготу и фиксирующие неподсудность зависимого населения феодальных вотчин наместникам и волостелям.

Старобелорусские жалованные грамоты, с помощью которых оформлялись дарения на «землі і людзей, пасады і шляхецтва, дамы, двары і фальваркі, дазваленні на будаўніцтва замкаў, корчмаў; вызваленні ад розных плацяжоў і павіннасцей і г.д.» [147, с. 60], могут быть обозначены как грамоты или привилеи «даравальныя, фундушавыя, бласлаўлёныя, земскія, устаўныя, дазвольчыя, вызвольчыя, ільготныя, ахоўныя, апякальныя, пацвяржальныя, застаўныя, юргельтныя» [147, с. 60–61]. Некоторые жалованные предоставляют дополнительные привилегии городам, областям или определенным группам населения [401, с. 23–25].

В исследовании проанализированы старорусские и старобелорусские жалованные грамоты, адресованные отдельным частным лицам или группам лиц, церквам, монастырям, в которых оформляются имущественные привилегии; определяются привилегии судебного характера; фиксируется освобождение от податей или льготы на выплату податей; подтверждаются ранее выданные акты.

Указанные тексты представляют особый интерес для исследователей, так как купчие грамоты являются одним из самых распространенных жанров частных актов; духовные грамоты имеют важное общественно-правовое значение, ярко отражают определенную эпоху и место человека в окружающем его мире; в жалованных грамотах отражаются взаимоотношения носителей светской или церковной власти и их подчиненных.

Сложность самого термина жанр, наличие большого числа актов, совмещающих в себе признаки нескольких жанров, наконец, существование отдельных групп среди текстов одного жанра ставят вопрос о трудностях классификации. В историческом языкознании и различного рода собственно исторических работах упоминается около 20 наиболее известных классификаций, в которых определение места одного и того же жанра документов может быть абсолютно различным. Так, например, среди исторических классификаций наиболее известными являются классификации А.С. Лаппо-Данилевского [254, с. 40–68], Л.В. Черепнина, А.А. Зимина [413, с. 62–63], С.М. Каштанова [212, с. 21–22]. Согласно этим классификациям купчие, духовные и жалованные грамоты могут быть отнесены как к одной, так и к разным группам. А.С. Лаппо-Данилевский относит духовные и купчие грамоты к актам частного права, а жалованные – к актам публичного права, указывая на возможность переходных случа-

ев [254, с. 61–68], А.А. Зимин и жалованные, и купчие, и духовные относят к актам социально-экономических отношений [413, с. 62].

В лингвистике предложено деление документов деловой письменности на официально-деловую, которая включает в себя общегосударственную и правительственно-административную, и частную, которая включает в себя частно-деловую и эпистолярную [99, с. 8].

Наиболее авторитетным в последнее время становится положение о том, что невозможно создать единую классификацию письменных памятников делового стиля, так как признаки для классификации должны быть разными. Они не являются универсальными и могут быть изменены в соответствии с задачами и целями конкретного исследования [130, с. 12–14]. С.П. Кушнерук в качестве классифицирующих признаков называет следующие: 1) способ фиксации информации; 2) содержание; 3) наименование; 4) степень сложности и особенности организации текста; 5) метод составления и каналы передачи; 6) сроки исполнения; 7) происхождение; 8) степень гласности; 9) юридическую силу; 10) назначение; 11) сферу деятельности [251, с. 43]. Л.Ф. Копосов строит классификацию документов на основе таких признаков, как: 1) датированные и недатированные акты; 2) оригиналы и списки; 3) документы, содержащие сведения о писцах и не дающие таких сведений; 4) по назначению – общегосударственные и частноправовые; 5) тексты, написанные в центре, и местные документы; 6) стандартизированные документы и памятники, содержащие переменный материал. При этом предельно важным является пятый признак, классификация по которому «частично совпадает с делением текстов по целевому назначению» [224, с. 28]: в первую группу включаются царские грамоты, во вторую «документы, оформляющие на местах имущественные и другие права» [224, с. 28].

А.Н. Качалкин указывает 6 признаков: «1) время составления документа по отношению ко времени его действия; 2) отношение государственного и частного права; 3) место документа в документообороте; 4) история текста документа, его источник; 5) отношение содержания текста к предметной ситуации; 6) воспроизводимость в документе текста другого документа или упоминание в одном документе другого» [201, с. 45].

Жалованные, купчие и духовные грамоты, с одной стороны, закрепляют передачу имущественных прав, с другой стороны, согласно классификации А.Н. Качалкина [201, с. 45–53], они отличаются по таким признакам, как отношение частного и государственного права, принадлежность адресата и адресанта к определенной социальной группе (таблица 1). Это позволяет, во-первых, выявить общие для всех исследованных текстов структурно-смысловые и языковые особенности, а во-вторых, описать совокупность структурно-смысловых и языковых характеристик, присущих актам конкретных жанров старорусского и старобелорусского языков.

Таблица 1 – Классификация купчих, духовных и жалованных грамот

<i>Признак</i>	<i>Купчие</i>	<i>Духовные</i>	<i>Жалованные</i>
1. Время составления документа ко времени действия акта	прошедшее время;	будущее время;	будущее время;
2. Отношение государственного и частного права	а) адресант и адресат – частные лица; б) адресант – частное лицо, адресат – официальное лицо; в) адресант – официальное лицо, адресат – частное лицо;	а) адресант и адресат – частные лица; б) адресант – частное лицо, адресат – официальное лицо; в) адресант – официальное лицо, адресат – частные лица;	а) адресант – официальное лицо, адресат – частное лицо; б) адресант и адресат – официальные лица;
3. Иницируемость и движение документа по иерархии	инициируемые: как между лицами, стоящими на одной ступени, так и в направлении снизу-вверх;	инициируемые и иницирующие: как между лицами, стоящими на одной ступени, так и в направлении сверху-вниз, снизу-вверх;	инициирующие: направление сверху вниз, когда адресант был выше адресата;
4. История текста документа, его источник	устный источник;	устный источник;	устный и письменный источники;
5. Отношение текста к предметной ситуации	конкретность;	конкретность;	конкретность;
6. Воспроизводимость в тексте другого документа или упоминание о другом документе	документы, содержащие отсылки на устные указания и письменные распоряжения;	документы, содержащие отсылки на устные указания и письменные распоряжения;	а) документы, содержащие отсылки на устные указания и письменные распоряжения; б) документы, воспроизводящие текст другого документа.

Хотя в деловой письменности может быть выделено большое число разнообразных жанров, все они «репрезентируют текстологические единицы с приблизительно одинаковой стилистической актуализацией» [229, с. 45]. Специфика документа состоит в том, что в нем более жестко, чем в любом другом тексте, определены жанровые особенности. Коммуникативная цель жалованных, духовных и купчих грамот включает в себя и информативность, и императивность, однако их соотношение в разных жанрах не одинаково. Характеристика образа автора и образа адресата соотносится с понятием состава субъектов деловой коммуникации и является важнейшим признаком при сравнении отдельных жанров.

1.3. Состав субъектов деловой коммуникации

Исследуемые нами документы созданы как речевые акты в пределах особого типа коммуникации, который может быть обозначен как деловая коммуникация. Субъектами деловой коммуникации традиционно в историко-стилистических исследованиях называются автор (адресант) документа, его адресат и составитель / писец грамоты. Важными параметрами для их характеристики являются «социальное положение ...; особенности взаимных отношений при речевом общении; формы их связи при осуществлении речевого акта; отношение участников коммуникации к высказыванию» [229, с. 19].

К названным субъектам следует, очевидно, добавить и свидетелей, присутствующих при совершении сделки. Установлено, что влияние субъектов на особенности стилистической организации текстов не является равнозначным. Упоминание свидетелей определяет только юридическое закрепление акта и не сказывается на жанрообразующих лексико-фразеологических и синтаксических компонентах текстов. Грамотность писца оказывает влияние на выбор одного из возможных вариантов оформления документа и проявляется в традиционности написания акта больше на морфологическом и орфографическом уровнях. Среди писцов принято выделять профессионалов (подьячие, писари), полупрофессионалов (церковные дьячки) и непрофессионалов (помещики, крестьяне и т.п.), но «многие тексты, написанные непрофессиональными писцами, ничем в языковом отношении не отличаются от документов, составленных наиболее опытными профессионалами» [224, с. 10]. Социальные роли адресантов и адресатов актов документов, традиции этикета определяют набор лексико-фразеологических и синтаксических средств в деловых памятниках. Во многом расхождения в стилистическом оформлении актов зависели от направления текста. «К равноправному обращались так, как это отражено в формулах бере-

стяных грамот, к высшим – как в челобитных, к низшим – иначе, и в последнем случае высокий стиль заимствованной терминологии становился ритуальной формой воспроизведения мысли и нужной информации» [218, с. 122].

Каждый субъект может быть охарактеризован по значительному числу разнообразных признаков. Анализ особенностей, связанных с субъектами актов, требует определения параметров сравнения. Относительно исследованных текстов целесообразным является учет социальных и правовых ролей субъектов документов, выделение официальных или частных лиц, индивидуальных или коллективных субъектов, так как это влияет на стили- и жанрообразующие признаки исследованных актов. Корреляция субъектной организации текста и его жанрового параметра отражена в таблице 2.

Таблица 2 – Субъектная организация актовых документов XIV–XVI вв.

	<i>Купчие</i>	<i>Духовные</i>	<i>Жалованные</i>
Адресанты	<ul style="list-style-type: none"> ✓ официальные коллективные и индивидуальные лица; ✓ частные коллективные и индивидуальные лица; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ официальные индивидуальные лица; ✓ частные индивидуальные лица; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ официальные индивидуальные лица; ✓ официальные коллективные лица;
Адресаты	<ul style="list-style-type: none"> ✓ официальные коллективные лица; ✓ частные коллективные и индивидуальные лица; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ официальные коллективные и индивидуальные лица; ✓ частные коллективные и индивидуальные лица; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ официальные коллективные и индивидуальные лица; ✓ частные индивидуальные лица;
Свидетели	<ul style="list-style-type: none"> ✓ частные индивидуальные лица; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ частные официальные и индивидуальные лица; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ официальные индивидуальные лица;
Писцы	<ul style="list-style-type: none"> ✓ непрофессионалы; ✓ полупрофессионалы; ✓ профессионалы; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ непрофессионалы; ✓ полупрофессионалы; ✓ профессионалы; 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ профессионалы.

Организация субъектного поля актов показывает, что в духовных его состав наиболее неоднороден. В качестве адресанта выступали лица самых разных социальных рангов: от великого князя до небогатого го-

рожанина. В качестве адресатов выступали как официальные коллективные лица (общины монастырей), так и официальные индивидуальные, частные коллективные и индивидуальные лица, вплоть до зависимых крестьян, которые могли быть освобождены после смерти завещателя. Соответственно, в тексте одного документа могут совмещаться элементы как книжного, так и бытового регистров, и при этом сам текст должен сохранять языковые особенности документа. Кроме того, принадлежность составителей духовных грамот к разным социальным слоям и жизненные ситуации, предшествующие составлению завещаний, могут определять появление в документах этого жанра отступлений от стандартного формуляра. Купчие грамоты характеризуются большей однородностью стилистического оформления, так как в основном сохранились документы, определяющие передачу собственности от частных коллективных или индивидуальных лиц. Однородность стилистического оформления характерна и для жалованных грамот, так как адресантом всегда было официальное лицо, чаще всего индивидуальное. Однако стилистическая организация купчих и жалованных не является идентичной, поскольку их адресанты полярны в социальном отношении. Степень сходства этих текстов позволяет говорить о том, насколько проявляемые в них языковые особенности являются общими для деловой письменности эпохи средневековья или насколько они обусловлены жанром акта.

Состав субъектов оказывает влияние, прежде всего, на структурно-смысловую организацию текста.

1.4. Принципы анализа структурно-смысловой организации актов

Вопросы анализа структурно-смысловой организации и формуляра старорусских актов рассматривались в работах С.С. Волкова и В.Я. Дерягина. Учеными высказаны положения о трехчастной структуре актов, формульности изложения как стилеобразующем факторе делового письма; рассмотрены этикетные средства деловой письменности [99; 100]; использованы методы дипломатического исследования для описания формуляра актов и деления их на отдельные клаузулы [156, с. 100].

Теоретическое обоснование филологического анализа документного текста с позиций исторической стилистики представлено в работе Г.И. Багрянцевой [39]. Исследователь отмечает, что для проведения комплексного анализа документов выбранной группы, выявления общих признаков документного текста и определения черт, присущих такого рода текстам на определенном этапе их функционирования, необходимо описание структуры (композиции) документа с целью выявле-

ния специфических особенностей их построения, вычленения и исследования формул, т.е. устойчивых сочетаний, образующих формуляры документов. Это помогает «определить традиционные элементы их лексико-синтаксического состава и совокупность стилеобразующих средств на лексико-фразеологическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка как показателей официально-делового стиля» [39, с. 1–2]. А.П. Майоровым обозначена необходимость дифференцированного подхода к деловым памятникам, «так как в них находят отражение те или иные лексические и грамматические элементы народно-разговорного или книжно-письменного языка, употребление которых зависело от функциональной направленности документа, состава и выучки писцов, места составления акта» [280, с. 1]. Е.И. Зиновьева [182, с. 65–68], И.Н. Попова [324, с. 8–9] и др. подчеркивают необходимость структурной характеристики деловых текстов.

В лингвистике на современном этапе не выработан четкий понятийный аппарат историко-стилистических исследований деловой письменности. Используются понятия внутренней формы источника (Ю.Г. Захарова), протокола (И.П. Медведев), трафарета (О.В. Трофимова, Н.И. Тарабасова), шаблона (Е.Г. Ганькова), структуры (Ю.Г. Захарова, С.С. Волков, А.Н. Качалкин, Е.Г. Ганькова, О.И. Голованова), формуляра (А.Н. Качалкин, Г.И. Багрянцева, С.М. Каштанов, С.С. Волков).

Так, Ю.Г. Захарова под внутренней формой источника понимает «структуру и стилистические особенности (формуляр) документов» [179, с. 6]. И.П. Медведев протоколом называет «совокупность формул, которыми открывается и закрывается акт» [284, с. 45]. Е.Г. Ганькова определяет шаблон как «форму текста в самом общем виде» [116, с. 27]. О.В. Трофимова характеризует трафарет как «“жесткие” документы с формализованной структурой и фиксированным лексическим составом, переменными в которых выступают собственные имена и детали экстралингвистической ситуации» [378, с. 10–11]; И.Б. Токмачева указывает, что трафарет – это набор устойчивых и обязательных словосочетаний, предложений, формул, в которые облекалось основное содержание акта и которые отличали данный вид актов от других [373, с. 3]; а Н.И. Тарабасова считает, что трафарет – это «своеобразный остов документа, куда как бы вкладывалось переменное содержание» [366, с. 162].

Распространенным является употребление понятия структуры. Ю.Г. Захарова дает следующее определение: структура – набор и расположение отдельных частей; в структуре выделяется начальная часть, содержательная часть и заключительная часть [179, с. 6]. С.С. Волков пишет, что «характерные особенности каждого вида актов в соответствии с его информативным или же эмоционально-

экспрессивным назначением могут проявляться в его структуре – соотношении и расположении отдельных частей» [100, с. 4], «в структуре выделяется три части: заголовок, основная часть, концовка» [100, с. 12]. А.Н. Качалкин характеризует структуру как «соотношение и расположение отдельных содержательных и формулярных элементов» [206, с. 6]. Е.Г. Ганькова считает, что в структуру приходно-расходных книг входит три части: начальная, основная и заключительная. «Каждая из них включает в себя целый ряд традиционных формул, образующих формуляр делового документа» [116, с. 9]; О.И. Голованова указывает, что «структура документа состоит из блоков» [130, с. 15].

Наиболее частым является понятие формуляра, относительно которого также дается несколько определений: 1) «стандартная языковая структура, позволяющая сопоставлять деловые тексты на высшем языковом (филологическом уровне)» (А.Н. Качалкин) [200, с. 5]; 2) «совокупность расположенных в установленной последовательности реквизитов документа» (А.Н. Качалкин) [206, с. 6]; 3) «языковая оболочка (набор устойчивых и обязательных формул – словосочетаний и предложений), в которую облекалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель» (С.С. Волков) [100, с. 11]; 4) «совокупность формул» (Г.И. Багрянцева) [39, с. 14]; 5) «схема построения текста, структура текста» (С.М. Каштанов) [212, с. 26]; 6) «набор языковых формул, которые употребляются в начальной и заключительной части статьи и различают статьи разных типов» (Ю.Г. Захарова) [179, с. 6]; 7) «набор реквизитов официального письменного документа, расположенных в определенной последовательности», «последовательность клаузул, отражающих последовательность человеческих действий» (О.В. Трофимова) [377, с. 54–55]; 8) «количество и порядок следования частей документа» (Е.Г. Ганькова) [116, с. 27]; 9) «линейная система блоков: начальный блок – от одного до десятков блоков основного содержания – конечный блок» (Н.В. Глухих) [126, с. 32]; 10) «последовательность блоков, состоящих из формул, определяющих модальное значение жанра» (О.И. Голованова) [130, с. 16].

В большинстве работ используется термин формуляр в значениях, предложенных С.С. Волковым и А.Н. Качалкиным, но иногда делаются ссылки на типы формуляров, которые предложены С.М. Каштановым. Выделяется четыре типа формуляров: условный формуляр – наиболее общая схема построения документа в целом; абстрактный формуляр – схема построения документов определенной разновидности (в лингвистической литературе – жанра); конкретный формуляр – схема построения небольших групп документов внутри разновидности (жанра); индивидуальный формуляр – схема построения отдельного текста [213, с. 170]. В представленном исследовании под формуляром будем понимать определенный состав и поряд-

док следования смысловых блоков (СБ), конструкции, используемые для их вербализации в тексте.

В то же время при исследовании русских и белорусских актов документов следует использовать понятия условного, абстрактного, конкретного и индивидуального формуляров. Изучение совокупности индивидуальных формуляров позволяет вывести конкретные и абстрактные формуляры документов разных жанров. Изучение абстрактных и конкретных формуляров позволяет проследить эволюцию внутренней формы актов определенного жанра документов, которые созданы в одном государстве. На основе последних строятся общие схемы условных формуляров и, соответственно, осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ структурно-смысловой организации купчих, жалованных и духовных грамот, созданных на территории ВКЛ, ВКМ и НК.

Таким образом, характеристика формуляра актов представляет собой двухэтапное описание документа. Во-первых, нужно установить структурно-смысловую организацию текста, включающую в себя изучение композиции документа и отдельных его смысловых элементов. Во-вторых, необходимо описать вербальные модели, используемые для выражения того или иного значения, поскольку в акте они регламентированы.

В формуляре актов документов на основе исследований А.Н. Качалкина нами характеризуется оформляющая, или протокольная, часть и содержательная часть, или собственно текст [201, с. 22]. Оформляющая часть – «часть текста, в которой перечисляются авторы, исполнители документа, свидетели, подтверждается истинность дела, изложенного в содержательной части» [201, с. 22], содержательная часть – «часть текста, в которой излагается замысел, сущность документа» [201, с. 22].

В оформляющей части определены элементы, предваряющие основной текст, и элементы, следующие за основным текстом. Первые получили название зачина, а вторые – название концовки. Используемые в лингвистических работах понятия начального и конечного протокола, заимствованные из дипломатики, могут совпадать или не совпадать с применяемыми нами терминами зачина и концовки. Согласно принципам дипломатического анализа к начальному протоколу должны быть отнесены такие элементы, как *invocatio* (богословие), *intitulatio* (обозначение лица, от которого исходит документ), *inscriptio* (обозначение адресата), *salutatio* (приветствие); к конечному протоколу – *datum* (дата и место выдачи) и *apprecatio* (заклучение); к основному тексту относятся *arenga* (преамбула), *promulgatio* (публичное объявление), *narratio* (изложение обстоятельств дела), *dispositio* (распоряжение), *sanctio* (запрещение нарушения документа), *corroboratio* (сведения об удостоверительных знаках документа) [213, с. 170; 250, с. 37; 310, с. 297–301; 311, с. 109; 318, с. 82–84]. Это не всегда соотносится с принципами грамма-

тического членения текста, которые положены в основу лингвистического исследования.

Чтобы охарактеризовать формуляр актов, необходимо выделить и описать отдельные смысловые единицы делового текста, получившие название статей (С.М. Каштанов [213, с. 173], И.Н. Попова [324, с. 9], Ю.Г. Захарова [179, с. 6]); клаузул (В.Я. Дерягин [157, с. 4], Е.И. Зиновьева [182, с. 66]); разделов (Г.И. Багрянцева [39, с. 12–13]); блоков (М.С. Выхрыстюк [108, с. 31]); ходов (А.А. Зализняк [177, с. 160]); реквизитов (О.В. Трофимова [377, с. 54]).

Терминологическая неупорядоченность и сложность сравнительно-сопоставительного анализа требуют обоснованного выбора терминов.

Клаузула – это «словесно выраженное и письменно запечатленное в данном акте действие (символическое или реальное), отдельно воспринимаемое сознанием составителей акта». Термин был предложен в начале XX в. В.И. Веретенниковым и использован в работах В.Я. Дерягина [154; 156; 157], Е.И. Зиновьевой [182], Л.Э. Комаровой [222]. Не имея общих названий, клаузулы в отдельных жанрах документов определяются порядковыми номерами. Рассматривается первая, вторая и т.д. клаузула купчих, кабальных, челобитных грамот, что не позволяет при описании структурно-смысловой организации отразить внутреннее содержание отдельного элемента.

Статья – это «отдельные простые и сложные предложения». Термин предложен С.М. Каштановым [213, с. 173–174], который делит предложения на обороты, обороты – на элементы, а элементы – на характеристики. При этом членение формуляра на статьи не совпадает с членением условного формуляра на части. Элементы условного формуляра могут входить в статью, могут быть равны статье или могут состоять из нескольких статей. На основе функций выделяются сакральные, мотивировочные, уведомительные, договорные, просительные, процессуальные, удостоверительные и другие статьи. Ю.Г. Захарова называет статью «самостоятельный, единый по оформлению и содержанию текст таможенной книги» [179, с. 6].

М.С. Выхрыстюк использует понятия клаузулы и блока. В качестве структурно-функциональных единиц делового письма указываются начальный блок, блок основного содержания, конечный блок [108, с. 32]. Понятие блока применяется в исследованиях О.В. Морковиной [290, с. 6], А.Г. Косова [229, с. 114], Н.В. Викторовой [91, с. 5], О.В. Зуевой [187, с. 4]. О.В. Морковина называет блоком единицу текста, которая «обладает смысловой цельностью, законченностью и имеет определенную функцию (бытовую, религиозную, юридическую и др.)» [290, с. 6]; О.В. Голованова понимает под блоком «законченные в смысловом отношении части, выполняющие строго определенные, экстралингвистически обусловленные текстообразующие функции» [130,

с. 15–16]. Дефиниция понятия блок также не является строго определенной, однако, «поскольку для языковой диахронии не вполне релевантны некоторые из понятий (фраза, строфа), наиболее адекватно ... отражает суть явления термин “структурно-смысловой блок”» [1, с. 429]. В качестве рабочего принимаем определение смыслового блока как относительно самостоятельного содержательного компонента, учитывая тот факт, что определенные последовательности СБ организуют тексты актов. С позиции сравнительно-сопоставительного исследования последнее определение представляется наиболее приемлемым, поскольку удобно для сравнения большого числа разных по структуре текстов. СБ определяют каркас текста.

В некоторых случаях СБ были связаны между собой общностью темы и выполнением законченной функционально-смысловой роли. Г.Я. Солганик [350, с. 38] указывает различные наименования таких единиц: сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, компонент и т.д. В отношении деловых текстов донационального периода нами использовано понятие смыслового фрагмента (далее СФ), под которым подразумевается группа СБ, характеризующаяся общностью темы.

СФ в актовых документах эпохи средневековья могут формировать и структурные единицы более высокого уровня, которые мы называем разделами на основе работ С.С. Волкова [99, с. 71] и Г.И. Багрянцевой [39, с. 12]. Г.И. Багрянцева не дает четкого определения термина, но выделяет следующие типы разделов: вступительный раздел и заключительный раздел в оформляющей части, казусно-мотивировочный, распорядительный, рекомендательный, разрешающий, извещающий, благодарственный разделы в содержательной части [39, с. 12–13]. С.С. Волков указывает, что основная часть челобитных состоит из двух разделов. Первый (казусный) содержит изложение обстоятельств дела, которые побудили обратиться с просьбой, жалобой. Второй раздел представляет собой формулу, в которую заключалось содержание просьбы [100, с. 13–14]. И.П. Медведев подчеркивает, что в актах любого типа можно выделить два раздела: протокол и собственно текст, раскрывающий суть данного казуса и образующий, в свою очередь, два относительно самостоятельных раздела: 1) диспозитивный, содержащий объявление воли диспозанта, или сторон, и изложение обстоятельств сделки; 2) раздел дополнительных клаузул, предназначенных обеспечить полную действенность юридическому акту в соответствии с действующим законодательством эпохи [284, с. 45]. В представленной работе разделом называется элемент содержательной части, в котором содержится изложение либо оснований для выдачи документа (казусно-мотивировочный раздел), либо распоряжений (констатирующий раздел). Количество блоков в пределах СФ и в пределах раздела

было разным, что позволяло передавать в рамках одного документа любую необходимую информацию.

Схема построения актов эпохи средневековья с точки зрения иерархии структурно-смысловых единиц выглядит следующим образом: смысловой блок – смысловой фрагмент – раздел – часть – текст. Анализ значительного числа текстов позволяет представить условную структурно-смысловую организацию изученных актов в виде следующей абстрактной модели (таблица 3):

Таблица 3 – Условная структурно-смысловая организация актов

<i>Текст</i>											
<i>Зачин</i>		<i>Содержательная часть</i>								<i>Концовка</i>	
		<i>Казусно-мотивировочный раздел</i>				<i>Констатирующий раздел</i>					
		СФ ₁		СФ _n		СФ ₁		СФ _n			
СБ ₁	СБ _n	СБ ₁	СБ _n	СБ ₁	СБ _n	СБ ₁	СБ _n	СБ ₁	СБ _n	СБ ₁	СБ _n

Представленная модель является эффективной при проведении сравнительно-сопоставительного исследования большого числа актов разных жанров.

Жанровые особенности документов определяют разную степень распространенности СФ, разное количество СБ и отсутствие некоторых уровней системы. Так, например, в купчих грамотах элементы зачина включены в основную часть, содержательная часть состоит из блоков, а не фрагментов; среди жалованных грамот встречаются как документы, в которых есть казусный и констатирующий разделы, так и документы, в которых есть только констатирующий раздел.

1.5. Принципы анализа вербальной презентации смысловых единиц в актах

Такие основные признаки делового текста, как однозначность, нейтральность, логическая связность и стандартизованность, в разной степени проявляются на уровне вербального оформления смысловых единиц. В актовых документах для вербализации СБ используются типизированные и индивидуализированные лексико-синтаксические обороты разной степени распространенности. Особенностью делового стиля является корреляция между отдельными жанрами, местом создания текста, его структурно-смысловыми единицами и используемыми лексико-синтаксическими средствами. При этом для разных жанров дело-

вой письменности характерна разная степень колебаний в составе лексических и фразеологических единиц [251, с. 50].

Основной стилистической чертой деловых памятников является клишированность изложения. Вербализация СБ в них осуществляется посредством конструкций, совмещающих стандартные и свободные обороты. Стандартные обороты в деловых документах рассматриваются в работах Л.Ю. Астахиной [35, с. 7], Н.С. Ганцовой [115, с. 88], Н.Б. Бахилиной [45, с. 171], А.Е. Бельковой [53, с. 9], О.В. Горшковой [139; 140], Т.Н. Кандауровой [193] и др. Для их обозначения чаще всего используется понятие формулы, которое на современном этапе в лингвистических исследованиях не является однозначным. В существующих определениях объединяются такие признаки, как фразеологизация, устойчивость, повторяемость, типичность синтаксических моделей отдельных предложений.

Традиционно к формуле относят как фразеологизмы, соотносимые со словосочетанием или предложением [340, с. 7], так и синтаксические модели предложений, словосочетаний, часто повторяющиеся в деловых текстах и не имеющие признаков фразеологизации. Ю.Г. Захарова относит к формулам «языковые средства (словосочетания и предложения), отличающиеся постоянством синтаксической структуры, относительной устойчивостью лексического состава, воспроизводимостью в таможенных статьях одного типа» [179, с. 6]; Г.И. Багрянцева считает формулой «часть текста, выраженную словосочетанием или предложением, которое имеет устойчивую синтаксическую структуру и относительно постоянный словарный состав и отличается обязательностью присутствия в целом ряде документов соответствующей разновидности» [39, с. 14]. Самым цитируемым является определение В.Я. Дерягина: формула – это «фразеологизм номинативного или коммуникативного характера, а также словосочетание, синтаксическая конструкция (модель предложения) с более или менее постоянным лексическим составом. Опорными элементами формул являются юридические термины и термины деловой речи ... » [157, с. 5]. В пределах формул «особое внимание должно быть уделено словоупотреблению и варьированию конструкций» [157, с. 6].

Недостаток указанного определения проявляется в широком охвате различных языковых явлений одним термином, что неизбежно приводит к дополнительным пояснениям. Так, Г.И. Багрянцева характеризует формулы в собственном смысле слова и формулы-отрезки. Формулы в собственном смысле слова – это все вводные формулы. Они представлены только устойчивыми предложениями. Формулы-отрезки могут быть представлены как устойчивыми сочетаниями, так и устойчивыми предложениями. Поскольку в пределах текста эти формулы могут занимать разное место, Г.И. Багрянцева выделяет среди них «формулы-зачины, формулы-концовки и формулы-меди. Формула-зачин – это первая конструкция раздела,

формула-концовка – последняя конструкция раздела. Формула-медия представлена только формулой распоряжения» [39, с. 14–16]. С.С. Волков описывает формулы-предложения, в пределах которых характеризует формулы-приложения, формулы адресата и адресанта [100, с. 12–15].

Детализация термина формула предложена в работах Е.Н. Поляковой, Л.Я. Костючук, С.М. Каштанова, О.В. Бараковой. Е.Н. Полякова использует понятие трафарета. Трафарет – это «принятая в деловом языке синтаксическая конструкция, лексическое наполнение которой могло быть различным» [323, с. 14]. Л.Я. Костючук рассматривает трафаретные формулы, штампы, фразеологизмы [232, с. 73]. Под формулой понимаются конструкции, использующиеся «при изображении общих, повторяющихся сочетаний (напр. руку приложить)» [233, с. 15]. С.М. Каштанов называет формулой «устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой» [213, с. 174]. Наряду с формулами в тексте делового документа могут быть выделены реалии и описания. Под реалиями понимаются имена лиц и географические названия, под описаниями – отступающие от «типичных формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия» [213, с. 174].

О.В. Баракова под формулой понимает «часть субтекста» [41, с. 178] и описывает формулы, непосредственно эксплицирующие концепт-доминанту, и формулы, эксплицирующие концепт-доминанту опосредованно [41, с. 179]. Исследователь определяет инвариантные модели различных частей текста, рассматривая в их составе отдельные формулы. Ю.В. Кириллов формулой называет «устойчивые, повторяющиеся и воспроизводимые в документах одного типа языковые средства, служащие для передачи какой-либо информации и являющиеся формо- и стилеобразующими для данной разновидности документов» [215, с. 7].

Кроме термина формула используются термины устойчивые сочетания, штампы, этикетные средства.

Устойчивые сочетания – «стандартизированные способы выражения некоторых понятий, использовавшиеся и в казусной, и в просительной части актов». Среди них есть «устойчивые словосочетания нефразеологического характера» (тавтологические, наречно предложно-падежные формы, сочетания синонимичных и близких по значению слов) и «фразеологизмы» (С.С. Волков [100, с. 31]); штампы – «устойчивые выражения, употребление которых вызвано установившимися нормами общения или обусловлено традицией словесного оформления произведений соответствующего жанра» (Л.Я. Костючук [230, с. 45]); этикетные средства – «и устойчивые словосочетания, которые служат выражением общепринятых понятий и представлений

эпохи, и отобранные практикой, обязательные при оформлении делового документа приемы изложения..., и набор традиционных определений и эпитетов ... » (С.С. Волков [100, с. 20]).

С нашей точки зрения целесообразным является, во-первых, разграничение в терминологическом отношении обширных лексико-синтаксических моделей частей текста, служащих для вербализации СБ, и существующих в их составе оборотов; во-вторых, разграничение оборотов, служащих для вербализации типичной и индивидуальной информации; в-третьих, разграничение оборотов, вербализующих типичную информацию акта, на основе наличия или отсутствия в них таких признаков, как фразеологизация, терминологизация, метафоричность или метонимичность. В связи с этим при описании способов вербализации СБ нами использованы понятия устойчивой конструкции, формулы, устойчивых и свободных сочетаний.

Устойчивая конструкция (далее УК) – это типичная синтаксическая модель с относительно постоянным лексическим составом, использующаяся для вербализации СБ, в состав которой входят различные типы лексико-синтаксических единиц.

Формула – лексико-синтаксическая единица, постоянно повторяющаяся в определенной текстовой позиции, служащая для вербализации типичной информации и характеризующаяся фразеологической, метафорической, метонимической или терминологической обусловленностью составляющих лексем. В значении компонентов формулы обнаруживается семантический сдвиг: в них можно выявить фразеологизацию, терминологизацию или наличие у одного из компонентов переносного значения. Сходное понимание термина формула находим в работах В.В. Колесова, который указывает на то, что характерными признаками формулы являются фразеологизация и ограничение в количестве словоформ [218, с. 139].

В формулах можно обнаружить вариативность лексического оформления или ее отсутствие. Вариативность обусловлена пропуском лексемы или употреблением слова-синонима и, как правило, проявляется в оборотах с фразеологизированным значением. Больше всего формул в оформляющей части. Безусловно, формулы не являются застывшими компонентами и отличаются наличием диахронических сдвигов, детерминированных, прежде всего, экстралингвистическими факторами. Тематические группы формул также очень разнообразны: можно обнаружить сакральные, канцелярские, бытовые, юридические, административные формулы. К сакральным формулам, отражающим библейские или церковные аспекты в деловом тексте, можно отнести формулы: *в день страшного суда, судится со мной предъ богомъ*; к канцелярским относятся формулы, формирующие собственно стилистические особенности делового текста: *руку приложилъ ..., чинимъ знаменито*.

Устойчивое сочетание – лексико-синтаксическая единица, постоянно повторяющаяся в определенной текстовой позиции, служащая для вербализации типичной информации и характеризующаяся смысловой самостоятельностью составляющих лексем. В устойчивых сочетаниях отсутствуют фразеологизация, терминологизация или наличие переносного значения. Это сочетания, репрезентирующие в акте отдельные области человеческой деятельности: куплю – продажу, характеристику земельных угодий. Так, к устойчивым сочетаниям можно отнести обороты, с помощью которых вербализуется указание стоимости. Эти обороты фиксируются в одной и той же текстовой позиции, но каждый из составляющих их компонентов характеризуется употреблением в прямом значении: *восемь сороковъ бѣлки, а пополонка даль овцу* (ГВНП, № 236, XV в., с. 254)¹.

Свободное сочетание – лексико-синтаксическая единица, используемая в отдельном тексте для вербализации индивидуальной информации. В свободных сочетаниях отражается разговорный пласт явлений в стилистической организации деловых текстов. Свобода изложения характерна для подробного описания границ отчуждаемых угодий, имущества, передаваемого по наследству, подробного указания долгов и т.д.: *одно полн на полторы бочки объ между з Мартинковымъ полемъ и Оболевичъ селища* (АВК, XXII, № 81, 1557, с. 45). Свободные сочетания характерны для содержательной части актов, в зачинах и концовках они появляются в случаях нарушения структуры документа в связи с необходимостью изложить сведения о необычных причинах составления документа.

Особенность актового языка XIV–XVI вв. проявляется и в том, что один и тот же смысловой отрезок вербализуется оборотами различной степени устойчивости. Употребление формул, устойчивых и свободных сочетаний стилистически значимо в случае обозначения субъектов деловой коммуникации, так как обусловлено жанром акта, местом его создания и социальным статусом адресата и адресанта [327, с. 276–278]. Закономерности употребления различных оборотов, служащих для именованья субъектов деловой коммуникации, позволяют раскрыть социолингвистическую составляющую текстов определенного жанра и региона создания [344, с. 76]. Именованье было тем более обширным, чем значительнее был статус лица. Ср.: купчие грамоты: *Се аз, Андрейко да Ивашко Степановы дети Корякина* (АСЭИ, III, № 104, 1494/1495, с. 141); *Я Григорій Заровскій* (АВК, VI, № 54, 1589, с. 81); духовные грамоты: *Се язъ рабъ божию Федоръ Остафьевичъ* (ГВНП, № 111, 1435, с. 169); ±, *Ганна Михайловна Котовна* (ТБ, № 63, 1574,

¹ В примерах соблюдаются правила передачи текстов, использованные в изданиях актов. В круглых скобках передаются буквы, восстановленные в словах при раскрытии титл, в квадратные скобки заключаются пропущенные и восстановленные фрагменты. Выносные надстрочные буквы в целях однообразного оформления примеров передаются с помощью обычного шрифта, а не курсива. Не обозначаются знаком | конец строки и знаком || конец листа.

с. 305); жалованные грамоты: *Се яз царь и великии князь Иван Васильевич всеа Руси* (АФЗХ, III, № 7, 1557, с. 18); *Мы, Жикгимонт, бож(ь)ю м(и)л(о)стью корол(ь) пол(ь)скии, великии кн(я)зь литовскии, рускии, кн(я)жа пруское, жомойтскии и иных* (ПГ, III, № 322, 1511, с. 83).

Оценка устойчивости отдельных единиц в деловых памятниках представляет собой один из сложнейших вопросов исторической стилистики. Типы таких единиц, основания для их классификации, характеристика по-разному обозначаются в лингвистических исследованиях (см. работы Т.Г. Трофимович [382; 383; 385; 389; 390; 392], Л.Я. Костючук [231; 232; 235], Н.С. Бондарчук [69]). Используемые в данной работе критерии весьма схематично характеризуют пласт единиц разной степени устойчивости в актах, однако могут быть применимы при проведении сравнительно-сопоставительного исследования. Количественное и качественное распределение формул, устойчивых и свободных сочетаний, тенденции их корреляции с частями документа, способы интеграции в пределах предложения конституируют лингвостилистические характеристики актов.

1.6. Стилиобразующие ресурсы на уровне языка и текста в актах XIV–XVI вв.

Стилиобразующие признаки языка актов XIV–XVI вв. проявляются на уровне как структурно-смысловой, так и синтаксической организации текстов, которая репрезентирует такие стилевые качества, как точность, информативность, однозначность. Доминантный характер точности и однозначности предопределяет синтаксический строй памятников, влияние на который, кроме этого, оказывают исторические и лингвистические факторы. При проведении стилистического исследования «синтаксический уровень следует полагать определяющим, поскольку разность коммуникативных заданий, характеризующих разные регистры, должна непосредственно сказываться на синтаксической стратегии, избираемой пишущим» [166, с. 573].

Важную роль в стилистической организации актов документов играют 1) стилистические функции средств выражения такой текстовой категории, как связность, и особенности их синтаксической организации; 2) стилистические ресурсы простого предложения; 3) стилистически значимые структурно-семантические разновидности предложений. Кроме того, для выявления особенностей синтаксико-стилистических ресурсов текстообразования в диахронии важно учитывать соотношение в каждом жанре синтаксических явлений делового, бытового или книжного регистров.

Стилевые особенности текстов различных жанров проявляются в способах реализации связности, поскольку при функционально-стилистическом подходе необходимым является учет «экстралингвистических факторов, обуславливающих внутренние отношения, и функционально-стилевых особенностей языковых единиц, выражающих связность речи» [СЭС, с. 378].

В лингвистике существуют многочисленные классификации средств связности. И.Р. Гальперин связность различных предикативных комплексов в тексте называет когезией и указывает на наличие грамматических, логических, композиционно-структурных, стилистических, ассоциативных, образных и ритмико-образующих средств связности [114, с. 78]. Н.А. Турмачева рассматривает лексические (повторы, однокоренные слова, слова одного тематического ряда), грамматические (союзы, частицы, местоимения) и стилистические (эллипс, ретардация) средства связности [396, с. 8]. Их стилистические функции в актах были не одинаковы. Например, повторы в грамотах выполняют как функцию подчеркивания отдельных элементов, так и функцию передачи разговорного начала. Особенностью синтаксической стратегии отдельных жанров деловых текстов как жанров не книжной традиции является наличие в них черт оральности – конструкций, передающих модели разговорной устной речи [166, с. 573]. В отличие от текстов книжной традиции, в которых информация размещается по принципу логического развертывания, в текстах деловой письменности основная информация помещается в начало периода, а детали перечисляются в конце. Такое развертывание информации можно считать ситуативно обусловленным, ориентированным на диалогическую речь. Выбор средств связи предикативных комплексов обусловлен применяемой синтаксической стратегией и отличается в разных регистрах одного языка. При этом чертой оральности является использование связи с помощью повтора [166, с. 576] и эллипса, выступающего в качестве характерного признака разговорной речи: *А что моя отчина Царева Река – жене моей Марие с моими детьми, с Иваном, ... да с Андреем. А пойдет жена моя замуж, – ино детям моим* (АФЗХ, II, № 15, конец XV в., с. 18).

К стилистическим средствам относятся средства, обеспечивающие идентичность структурной организации соседних компонентов текста, которая проявляется в параллелизме строения, повторе синтаксических структур. Стилистическим приемом когезии в деловом тексте можно считать «одинаковое оформление частей текста (начала, конца)» [97]. Наличие параллельных синтаксических конструкций, как и одинаковое начало СБ в пределах содержательной части, – типичный признак синтаксической организации жалованных и духовных грамот, в то время как в купчих грамотах он отмечается достаточно редко: *А что отца моего благословение мои деревни ..., а то после [моего живота игумену*

Пречистой] монастыря Осифу з братьею. А что моя деревня Беляница, – ино та деревня после моего живота Козаку да Прибытку ... (АФЗХ, II, № 40, 1507–1515, с. 41).

Сравнительно-сопоставительный анализ синтаксико-стилистических ресурсов простого предложения включает в себя 1) характеристику стилистических функций главных членов предложения; 2) характеристику стилистических функций второстепенных членов предложения, принципов их включения в предложение; 3) характеристику элементов, осложняющих структуру простого предложения: однородных членов, конструкций со значением добавочного сказуемого, уточняющих и вводных конструкций.

Анализ стилистически значимых структурно-семантических разновидностей предложений с учетом их корреляции со структурно-смысловой частью текста, жанром и регионом создания памятника включает в себя описание типов простых двусоставных и односоставных предложений, сложных предложений с различными типами придаточных частей [351; 352; 353; 354].

В исследованиях В.И. Борковского, посвященных синтаксису древнерусских грамот [75; 76], к стилистически значимым разновидностям простых предложений отнесены различные типы безличных конструкций (85,7%). Их доминирование вызвано «а) необходимостью в грамотах четко и кратко перечислить обязательства и права данного лица, данной юридической стороны, б) необходимостью указать юридическое лицо ..., которому следует что-либо делать или которому дается право что-либо делать» [75, с. 58]. Кроме безличных предложений, в древнерусских документах В.И. Борковский отмечает двусоставные предложения, односоставные определенно-личные, неопределенно-личные и различные типы неполных предложений. Синтаксис деловых памятников отдельных жанров охарактеризован в работах И.И. Кремко [245], В.С. Мордвинцевой [288], О.В. Трофимовой [380], Е.С. Хмелевской [400].

Анализ большого числа текстов показывает, что при описании синтаксического уровня актов следует учитывать не только жанровую характеристику памятника, но и часть текста (зачин, содержательная часть, концовка), где наблюдается синтаксическое явление. Так, функционирование простых двусоставных предложений характерно для оформляющей части актов, где указание субъекта и предиката является обязательным, так как оформляющая часть служит для придания акту статуса документного текста. Кроме этого, употребление таких предложений характерно для содержательной части в тех ее компонентах, где появляется логическое и стилистическое выделение субъекта при глаголе в повелительном наклонении. Функционирование определенно-личных, неопределенно-личных предложений отмечено нами в содержательной части актов трех жанров при описании различных ситуаций,

однако их наличие не несет на себе значительной стилистической нагрузки. Употребление неполных предложений соотносится с отрезками текста, характеризующимися свободой изложения. Определение черт сходства или различия в типологической характеристике предложений в различных жанрах документов позволяет сделать выводы об общих признаках делового стиля и определить один из факторов лингвистической классификации памятников делового языка.

Как отмечает С.П. Кушнерук, «сфера обращения и создания документа определяет его содержательно-композиционные характеристики, тесно связанные с принципами построения высказывания. Все это сказывается на структуре предложения, взаимовлиянии его частей и способах их взаимной организации» [251, с. 63]. В исследованиях Т.П. Ломтева [267; 270], О.В. Владимировой [96], Л.А. Глинкиной [125], Е.М. Белкиной [50], С.И. Коткова [242], М.А. Соколовой [349], А.И. Сумкиной [364], Л.Э. Комаровой [221; 222] и Ш.А. Амади [22] представлено системное описание синтаксиса деловой письменности и обозначены такие его черты, как: 1) цепочечное нанизывание предложений (В.И. Борковский, М.А. Соколова, А.П. Майоров); 2) смешение прямой и косвенной речи (Л.Э. Комарова); 3) наличие громоздких периодов и предложений, конструкции наложения (Г.И. Багрянцева, А.П. Майоров); 4) наличие тавтологических сочетаний; 5) повтор предлогов, союзов (А.П. Майоров, Л.Э. Комарова).

Важным, по нашему мнению, является определение особенностей функционирования в актах синтаксических средств книжного, бытового и делового регистров, что указывается в работах М.С. Выхрыстюк [102; 104; 105], С.И. Коткова [237, с. 7].

Синтаксические характеристики деловых документов в составе других собственно лингвистических признаков являются важным классифицирующим показателем. Учет взаимосвязи между системами признаков различных языковых уровней дает возможность более последовательно сопоставить особенности стилистической организации актов и определить степень их внутрителиевой неоднородности.

Изучение языка русских и белорусских актов документов, созданных в XIV–XVI вв., требует учета большого числа лингвистических и экстралингвистических факторов, поскольку необходимо сопоставить тексты разных жанров, созданные в различных государственных образованиях.

Определяющим параметром стилистической организации текста являются его жанровые характеристики. Жанры актов документов XIV–XVI вв. могут быть охарактеризованы на основании самоназвания текста или его целевой установки. При сравнении старорусских и старобелорусских актов документов целесообразно определять жанры текстов исходя из их целевой установки. Такой подход позволяет про-

водить сравнение актов, имеющих разные названия, но одну и ту же коммуникативную цель: например, жалованные грамоты (ВКМ и НК), привилеи, потверженья (ВКЛ). Важнейшее отличие между жалованными, купчими и духовными грамотами состоит в соотношении в них частного и государственного права. Это проявляется в особенностях структурно-смысловой организации текстов, лексико-фразеологического и синтаксического уровней, а также в разных социальных характеристиках субъектов деловой коммуникации (таблица 4).

Таблица 4 – Синтаксические средства делового, бытового и книжного регистров в актах XIV–XVI вв.

<i>Вид явления</i>	<i>Деловой регистр</i>	<i>Бытовой регистр</i>	<i>Книжный регистр</i>
Способы выражения главных и второстепенных членов предл.	✓ причастия на -л в функции сказуемого;	✓ повторы предлогов при выражении дополнений и обстоятельств;	✓ формы аориста в функции сказуемого;
Особенности строения простого предложения	✓ уточняющие, пояснительные конструкции; ✓ однородные члены предложения; ✓ пассивные конструкции;	✓ обращения; ✓ вводные и вставные конструкции; ✓ инверсии;	✓ дистантное расположение согласованного определения; ✓ постпозиция определений; ✓ препозиция Р.п. со значением принадлежности;
Структурно-семантические разновидности предложений	✓ инфинитивные предложения;	✓ неполные предложения; ✓ бессоюзные предложения;	✓ конструкции с книжными предложениями, союзами, частицами: <i>яко, понеже, дабы</i> ;
Связь отдельных предикативных единиц	✓ цепочечное соединение предложений; ✓ специфические средства связности	–	–

При описании субъектного состава актов документов важно учитывать такие характеристики, как 1) социальные и правовые роли; 2) отнесенность субъектов к частным или официальным лицам; 3) принадлежность к индивидуальным или коллективным субъектам.

Изучение структурно-смысловой организации большого корпуса разных в жанровом отношении старорусских и старобелорусских актов

базируется на текстологическом подходе к исследуемому материалу. В структурно-смысловой организации актов документов XIV–XVI вв. целесообразно рассматривать следующие элементы: оформляющую часть, состоящую из зачина и концовки, и содержательную часть, состоящую только из констатирующего раздела или из казусно-мотивировочного и констатирующего разделов, СБ, СФ и разделы. Такой подход позволяет выявить общие принципы строения текстов, проследить эволюцию структуры акта в диахронии.

СБ в старорусских и старобелорусских актах вербализуются посредством лексико-синтаксических оборотов разной степени устойчивости: формул, устойчивых и свободных сочетаний. Описание способов вербализации смысловых отрезков помогает выявить особенности старорусских и старобелорусских купчих, духовных и жалованных грамот; определить закономерности изменения вербального оформления языка актов на протяжении трех столетий; уточнить принципы отбора лексико-синтаксических средств с учетом жанров актов.

Значимым параметром характеристики стилистических особенностей текстов является синтаксический уровень. Характеристика стилистически значимых синтаксических средств в актах, проводимая с учетом жанров документов, их структурно-смысловых частей, позволяет уточнить сведения о синтаксико-стилистических ресурсах текстообразования старобелорусской и старорусской деловой письменности в XIV–XVI вв.

РАЗДЕЛ II

СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ АКТОВ XIV–XVI вв.

Подвергая анализу структурно-смысловую организацию актов текстов, мы будем рассматривать отдельную часть акта (зачин, концовку или содержательную часть), характеризовать структурно-смысловую организацию указанной части посредством описания СБ. При этом констатируется наличие / отсутствие СБ и описывается модель УК, выступающей способом его вербализации. В модели УК знак / указывает на вариативность лексического или грамматического оформления, знак () – на факультативность компонента в составе конструкции, знак [] – на переменную информацию в конструкции.

Структурно-смысловая организация всех исследованных документов включает в себя оформляющую и содержательную части, однако степень сформированности оформляющей части, как и степень распространенности содержательной части, обусловлены жанрами и местом создания памятника.

Основной стилистический признак актов – стандартизованность их структуры, которая является средством подготовки реципиента к восприятию необходимой информации [99, с. 25]. Четкость структурной организации текстов проявляется в компонентах оформляющей части, которые предваряют и завершают основной текст.

2.1. Структурно-смысловая организация зачина актов

Зачин – это компонент оформляющей части, предваряющий основное содержание и включающий в себя сакральные конструкции, именование адресанта и адресата акта, извещение. Их употребление в тексте не связано с непосредственным изложением существа дела. В исследованных актах XIV–XVI вв. указанные смысловые отрезки представлены как самостоятельными блоками, так и частями блоков, содержащих распоряжения по существу дела (указание объекта сделки, границ собственности).

В абстрактном формуляре московских и новгородских купчих грамот отсутствуют СБ, которые могут быть отнесены только к зачину. Первый блок купчих грамот – это СБ со значением купли-продажи, который содержит указание адресанта и адресата, указание объектов сделки, границ земельных угодий, а также стоимости отчуждаемого участка,

т.е. включает в себя компоненты, по смыслу относящиеся и к зачину, и к содержательной части: *Се купи Ондри Конановичь у Олександра у Нестерова и у его сестри в Улити в Ождорьми землю на верхнеи сторонѣ, дворъ и дворище и огородъ, от Игнатъеви межѣ до Юрятина ручья, а от Глубокого ручья с Ыгнатъемъ вопчѣ, от усть Ождорми наволоки рѣчьныи вопчи до верховья, и лѣсы и притеребы* (ГВНП, № 140, первая четверть XV в., с. 193). *Се яз Андрей Афанасьев купил есмь у Онофреа у Ивашова сына у Микитина да у Гриди у Мелешкина землю Васильевскую Голямова да и Заречскую землю, дал есмь на ней два рубли да пополнка овцу, куда плуг ходил и топор и коса* (АФЗХ, I, № 128, около 1450, с. 118).

Среди купчих грамот ВКЛ встречаются как документы, в которых первый СБ включает компоненты содержательной части, так и документы, первыми СБ которых являются блоки со значением именованя продавцов и со значением извещения. Во втором случае указанные блоки могут быть отнесены к зачину: *Я Юсупъ Худобичъ – татаринъ господарский повету Слонимьского з сыномъ моимъ летъ дорослымъ Муслимомъ мы оба восполкъ визнаваемъ сами на себе тымъ листомъ кождому, кому бы того потреба была ведати, або чтучи его слышети нынешнимъ и на потомъ будущимъ* (АВК, XXII, № 575, 1569, с. 314). Таким образом, в отличие от московских и новгородских актов, в отдельных купчих грамотах ВКЛ может быть выделен зачин.

Отдельный СБ со значением именованя продавцов в купчих грамотах ВКЛ вербализуется УК я, [антропоним]: *Я, Аньдреи и з братом своим Максимом, Олисеевы дети, и з Ходором и з Ываном и з Мелешком и з братаничы нашыми с Трухоновичи ...* (ПГ, III, № 312, 1510, с. 70). Личные местоимения при этом употребляются как в форме единственного числа, так и в форме множественного числа. Характерной особенностью именованя является наличие обобщающих сочетаний: *А се мы по имѣни* (ПГ, II, № 196, 1487, с. 112); *иж мы одноземцы* (ПГ, III, № 321, 1511, с. 81).

СБ со значением извещения – характерный компонент условного формуляра грамот разных жанров ВКЛ. Возможными источниками блока называются документы немецких орденов, общеевропейские акты и документы Киевской Руси, формуляр которых был заимствован из актов Византии [266, с. 86]. В абстрактном формуляре купчих ВКЛ типичным средством его вербализации выступала УК чинимъ / чиню (знаменито / явно) / ознаяую / ознаяуемъ / визнаваю / визнаваемъ симъ / тымъ моимъ / нашимъ листомъ (сами на себе) (нынешнимъ и напотомъ будущимъ / будущимъ), (кождому доброму) кому будетъ того потреба ведати (або / альбо чтучи слышати): визнаваемо сим нашим листом сами на себе (ГБ, I, № 30, 1536, с. 334); *Я Криштофъ Миколаевичъ Андрошевичъ – конюшичь его королевскеи милости, чиню явно и визнаваю*

тымъ моимъ листомъ кождому доброму, кому того потреба будетъ ведати альбо чтучи его слышети нынешнимъ и на потомъ будущимъ (АВК, XXII, № 641, 1570, с. 428).

Зачин абстрактного формуляра духовных грамот включал в себя 2 СБ (старорусские акты) или 3 СБ (старобелорусские акты): 1) со значением сакрализации; 2) со значением завещания; 3) со значением извещения.

СБ со значением сакрализации в московских и новгородских актах вербализуется УК во имя (святыя/святые живоначальныя/живоначальные троици) отца и сына и святого/ святого духа, заимствованной из византийских текстов [217, с. 53]: [Во им]я отца и сына и святого духа (АФЗХ, III, № 8, 1560/1561, с. 19); Во имя святыя живоначальныя троици отца и сына и святого духа (АМСМ, № 195, 1579/80, с. 241); Во имя отца і сына і святого духа (ГВНП, № 144, не ранее первой четв. XV в., с. 195). В актах ВКЛ отмечены аналогичные русским актам конструкции: Во ймя Светыя ж живоначальныя Троицы, Ойца, Сына и Духа Светого ныне и завжды и въ веки векомъ (КЗ, XLIII, № 11, 1554/1555, с. 55) и конструкции латинских документов: Во ймя Боже станся (КЗ, XLIII, № 20, 1555, с. 65). В течение XV–XVI вв. увеличивается число документов, в которых указанная конструкция может отсутствовать, и число вариантов конструкции, что свидетельствует о разрушении традиционного формуляра: Во им" Втца и Сына и ДУха Светог(о) Бога во Светои Троицы Единог(о) Аман (ТБ, № 59, 1600, с. 286); Во им" Единог(о) Бога Втца Вседержител", Сотворител" неба и земли, Единог(о) Сына Божьего Збивител" нашог(о) ИсУса Христа и Светого ДУха (ТБ, № 70, 1599, с. 333).

СБ со значением завещания в актах XV в. вербализуется УК (се) язъ / я (многогрешный) рабъ божий [антропоним] писалъ есми / списахъ / пишу сию (грамоту) духовную / рукописание / сесь мои тестаментъ (отходя сего света / при своемъ животе) (своимъ целымъ умомъ и разумомъ) (безъ жадного припуженья и безъ жадного намовенья) (при доброй памяти и зуполного розуму) (кому мне / ми что дати и на комъ мне / ми что взяти): Се яз, раба божия Орина, списа сие рукописание при своем животе (АЕ – 67, № 3, XV в., с. 285); Се яз, многогрешный раб божий Иван Васильев сын Мечов, пишу сию духовную своим целым умом и разумом, каму мне что дати и на ком мне что взяти (АФЗХ, II, № 330, 1567/68, с. 346); ±, рабъ Божыи Занько Влехнович Хотимьский, земенинъ г(о)с(по)д(а)рьский поветУ Витебьского, бУдУчы вбьдароныи вть Пана Бога хоробую своею, пишУ сесь мои тестаментъ при доброй памяти и зУполного розУмУ (ТБ, № 34, 1559, с. 183).

Особенности оформления конструкции проявляются в следующем: 1) в актах ВКМ в роли сказуемого функционировали формы перфекта глагола *писати*, в актах ВКЛ – формы настоящего времени этого же глагола, а в актах НК – формы аориста глагола *списати*; 2) в актах ВКМ и ВКЛ обозначение типа документа осуществлялось посредством номинации *грамота*, заимствованной из греческого и употреблявшейся в значении 'юридический документ' с XII в. [272, с. 96], а в актах НК – посредством номинации *рукописанье*; 3) в актовых документах ВКМ обязательными были конструкции со значением распределения, представленные придаточной частью *кому мне что дати и на комъ мне что взяти*; 4) для грамот ВКЛ характерны сочетания со значением добровольности *безъ жадного припуженья и безъ жадного намовенья, по доброй воли*: ±, *Абрам Данилевичъ Мелешко, ... бУдУчи на сесь часъ за милосердьем Божиим в добром здоровю а доброго розУмУ и памети зУполное, ничиею радою, вдно сам по доброй воли своеи...* (ТБ, № 70, 1599, с. 333).

В XV–XVI вв. в старорусских актах лексическое наполнение СБ со значением завещания становится единообразным. Это проявляется: 1) в замене типичных для новгородских актов форм аориста формами перфекта или настоящего времени; 2) в вытеснении лексемы *рукописанье* лексемами *грамота, духовная, грамота духовная*; 3) во включении в состав зачина новгородских духовных грамот группы *кому мне что дати, у кого мне что взяти*, характерной ранее только для московских актов: *Се азъ рабъ божи Ива[нъ] своимъ цѣлымъ умомъ и смысломъ пишу духов[н]ую, у к[ого ми] что взяти, кому ми что дати* (ГВНП, № 263, XV в., с. 269). Отмечен также вариант *что ми гдѣ дати или что взяти*: *Се азъ рабъ боже Макарья пишу грамоту духовную, что ми гдѣ дати или что взяти* (ГВНП, № 265, XV в., с. 270).

В вербальном оформлении актов ВКЛ наблюдается усиление западноевропейского влияния, что проявляется: 1) в замене лексемы *грамота* лексемами *листъ, тестаментъ / дестаментъ*; 2) в использовании СБ со значением извещения, вербализация которого осуществляется при помощи глагола *чинити* или глагола *ознаймовати*, являющегося заимствованием из польского языка [83, с. 34]: *а тым тестаментом писаным всим воецъ wzнаимУю* (ТБ, № 17, 1590, с. 104); 3) в появлении указаний на добровольное написание грамоты: *Иж ни щих намов албо примУшен", але по доброй воли моеи и з добрым розмыслом, и бУдУчы з ласки Б(о)жее в добром здорови* (ТБ, № 16, 1586, с. 99).

Среди жалованных грамот распространены акты, имеющие сформированный зачин, и акты, в которых элементы зачина включены в СБ содержательной части.

В конкретном формуляре жалованных грамот зачин мог включать в себя 1 СБ (в жалованных грамотах ВКМ и НК СБ со значением пожа-

лования); 2 СБ (в жалованных НК СБ со значением пожалования и СБ со значением извещения); 3 или 4 СБ (в жалованных ВКЛ СБ со значением указания типа грамоты, именованя адресанта, извещения и сакрализации, последний из которых факультативен).

СБ со значением пожалования мог входить в состав содержательной части акта или принадлежать к зачину. Первый случай имеет место: 1) во всех жалованных грамотах ВКЛ, где выражение пожалования следовало за челобитьем: *И мы, впамятавши службу его, з ласки наше, тот двор Дубину дали есмо ему со всими люд(ь)ми, и з слугами, и з конюхи, и со всими землями паиными, и з бортными, и з данью, со всим по тому, как держал кн(я)зь Иван Юр(ь)евич Лыкзвен(ь)евича (ПГ, II, № 213, 1496, с. 137); 2) в жалованных грамотах, составленных в НК и ВКМ, если пожалование следовало после челобитья: *И посадникъ і тысяцкой и весь господине Великои Новгородъ даша грамоту жаловальную, на внце на Ярославлѣ дворѣ, сиротамъ Терпилова погоста (ГВНП, № 89, ок. 1411, с. 146); И будет так, как нам архимарит Иона з братьею бил челом, а в челобитной будет их приход написан прямо, и яз Иев патриарх царствующаго града Москвы и всеа Руси пречистые богородицы Симанова монастыря архимарита Иону з братьею пожаловал свою жаловальную грамоту им дал, по чему к той церкви попа призвати (АМСМ, № 215, 1599, с. 262) или содержало указание на объект пожалования: *Се язъ князь велики Дмитрей Ивановичъ пожаловаль есмь Ондрия Фрязина Печерою, какъ было за его дядею за Матфнемъ за Фрязиномъ; а въ Перми емлетъ подводы, такъ было и доселѣ (ГВНП, № 87, 1363/1389, с. 143); Се яз, князь Федор Борисович Волоцкой, пожаловал яси игумена Иосифа з братьею, или кто по нем в том монастыре инии игумен и братья будут, дал еси в дом к Пречистой в своей отчине на Волоке на Ламском в городе двор на приезд, белая места, на большой улице, в город въехав на левой стороне возле большова озера, впрок без отъиму (АФЗХ, II, № 26, 1500, с. 30).***

В другой группе текстов, в структуре жалованных грамот ВКМ и НК, СБ со значением пожалования мог быть отнесен к составу зачина, если он располагался в абсолютном начале текста и не содержал указания на объект пожалования: *Се язъ князь велики Иванъ Даниловичъ всеа Руси пожаловаль есмь, бога дѣля и святаго дѣля Юрья, архимарита Есифа и всеи братьи (ГВНП, № 86, 1337/1339, с. 143); Се яз, князь Дмитрей Ивановичъ, пожаловал еси игумена Данила з братьею Осифова манастыря, или по нем иной будет игумен (АФЗХ, II, № 69, 1516, с. 68).*

Во втором случае способом вербальной презентации значения пожалования в московских актах являлась УК (святыя деля троици) / (милости ради Пречистой богородици честнаго ея Успения) (по отца своего грамоте [антропоним]) се язъ

[антропоним] пожаловаль есми [антропоним]: *Милости ради Пречистой богородици честнаго ея Успения. Се яз, князь Феодор Борисович, пожаловал есми игумена Иосифа с братьею* (АФЗХ, II, № 55, 1512, с. 56). Обязательными компонентами конструкции были именованья адресанта и адресата, необязательными – компоненты со значением изложения высших мотивов пожалования и ссылки на предшествующие документы. Изложение высших мотивов и целей пожалования отмечено в актах XV в. и выражено сочетанием святыя дея / ради [указание церкви]. В диахронии в его составе появляется лексема милости, указывающая на цель пожалования. Ссылка на предшествующие документы была факультативной. В новгородских жалованных грамотах использовалась УК се язъ [антропоним] пожаловаль есмь [антропоним]: *Се язъ князь великии Иванъ Даниловичъ всея Руси пожаловаль есмь соколниковъ печерскихъ* (ГВНП, № 84, 1328–1341, с. 142). Схожие конструкции с глаголами дати / придати характерны для грамот ВКЛ XIV в.: *Мы великии кн(я)зь Витовтъ дали гсмо сию грамот(у) буркгимистру ризскому Никгиборк(у)* (ПГ, I, № 26, 1399, с. 80).

Вербализация СБ со значением извещения в жалованных грамотах ВКЛ имеет сходство с купчими и духовными грамотами и носит личный или безличный характер: *Воеводе полоцкому пану Станиславу Глебовичу* (ПГ, III, № 314, 1511, с. 72); *Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрит(ь), або чтучи его вслышит(ь), кому ж будет(ь) потреб того ведати* (ПГ, II, № 216, 1496, с. 139).

В новгородских жалованных способом вербальной презентации извещения являлась УК, содержащая именование представителей власти и указание всех жителей города господину [антропоним] и всему господину Великому Новгороду на внце на Ярославле дворh: *Господину посаднику новгородцкому Василью Микитину, тысяцкому новгородцкому Овраму Степановичю и всему господину Великому Новгороду, на внце на Ярославле дворh* (ГВНП, № 89, около 1411, с. 146).

СБ со значением сакрализации характерен только для грамот ВКЛ, его вербализация типична: во имя божье / всесильного бога станься (аминь): *Во имя б(о)жье стан[ь]ся* (ПГ, III, № 283, 1508, с. 22).

СБ со значением указания типа грамоты представлен в грамотах ВКЛ УК потверженье / привилей [антропоним] на [указание собственности], вариативность которой обусловлена появлением обстоятельства на вечность / вечностью, подчеркивающего отсутствие временных рамок, ограничивающих сроки действия документа. Штамп появляется в конце XV в. и закрепляется в XVI в.: *Потвержен(ь)е мещаном полоцким, Ивану а Гридку Буцковичом на село во Скоморошичох на Коровайни и на земли на Суши и на Ухвици веч-*

ност(ь)ю (ПГ, II, № 252, 1502, с. 189); *Привилеи кн(я)зю Юр(ь)ю, кн(я)зю Васил(ь)ю, кн(я)зю Андрею Семеновичом Соколенским на люди путные в Полоцком повете Черсвятъское волости каменъчане на вечность* (ПГ, III, № 287, 1508, с. 28).

СБ со значением именованя адресанта пожалования – самостоятельный структурный компонент жалованных грамот ВКЛ. УК, являющиеся средством его вербализации, представлены в сжатом и распространенном варианте: *Александр бож(ь)ю м(и)л(о)стью* (ПГ, II, № 265, 1506, с. 211); *Жикгимонт, божью милостью корол(ь) пол(ь)скии, великии княз(ь) литовъскии, рускии, прускии, жомоитскии и иных* (ПГ, III, № 314, 1511, с. 72).

Выделение зачина в текстах духовных и некоторых жалованных грамот XIV–XVI вв., отдельных купчих грамот ВКЛ XV–XVI вв. и совмещение компонентов зачина и основной части в жалованных грамотах разной локальной отнесенности, московских и новгородских купчих XV–XVI вв. и в некоторых купчих ВКЛ свидетельствует о процессе формирования трехчастной структуры формуляра в течение XIV–XVI вв.

Зачины текстов старорусских духовных грамот состоят из одинаковых СБ, имеющих сходные способы вербальной презентации. Зачины духовных ВКЛ XVI в. отличаются по своей структуре за счет наличия значительного числа факультативных компонентов, что придает деловому тексту некоторую распространенность. Зачины жалованных грамот включают в свой состав разное число СБ. Влияние традиций западноевропейского делопроизводства на формуляр зачина белорусских актов в диахронии отражается в увеличении числа лексических заимствований в тексте и обусловлено экстралингвистическими факторами (объединительные процессы ВКЛ и Польского Королевства).

2.2. Структурно-смысловая организация концовки актов

Компоненты оформляющей части, завершающие основной текст, получили название конечного протокола, концовки. Состав СБ, относимых в лингвистических работах к концовке, не является строго определенным. На основе традиций дипломатического анализа делового текста Е.И. Зиновьевой к концовке относится только указание даты и места создания акта [182, с. 135–137]. В.Я. Дерягин к конечному протоколу относит указание на отвод земель, запись о послухах [157, с. 12, с. 25], в то время как при дипломатическом анализе указание свидетелей, лица, находившегося у печати, имя писца грамоты, человека, участвующего в отводе земель, относят к содержательной части. И.Б. Токмачева

вводит в заключительную часть «приложения рук, наименование писца и указание на время написания документа» [373, с. 3].

Опираясь на принципы лингвотекстологического подхода к актовым документам, мы включаем в состав концовки следующие СБ: 1) со значением именованя писца; 2) со значением именованя свидетелей; 3) со значением закрепления акта; 4) со значением даты и места составления акта, которые характерны для грамот разной жанровой и локальной отнесенности. Кроме этого, в состав концовки включены такие СБ, как: 1) СБ со значением указания лиц, присутствующих на отводе земель, в купчих грамотах; 2) СБ со значением общей санкции в духовных грамотах. В составе концовок могли формироваться СФ, представленные несколькими СБ. Так, например, юридическое закрепление акта в грамотах может быть представлено как СБ, так и СФ, состоящим из нескольких СБ: 1) со значением просьбы о закреплении печатью; 2) со значением согласия на закрепление печатью; 3) со значением дополнительного подтверждения.

Концовки купчих грамот состоят из СБ 1) со значением именованя свидетелей; 2) со значением именованя писца; 3) со значением указания лиц, присутствующих на отводе земель; 4) со значением даты и места составления акта; 5) со значением закрепления акта. Концовки купчих грамот ВКЛ отличаются от московских и новгородских купчих грамот постоянством состава СБ.

СБ со значением именованя свидетелей вербализуется УК а на то / по сей купчей послухъ / а при томъ были / послухи / послуси / люди добрые / того добре сведоми [антропоним]: *А на то послухо: Дрочила Олексино, попъ Смень святаго Спаса, Созонъ Илехно* (ГВНП, № 106, не ранее 1359, с. 163); *А на то послуси: Володимеръ Григоріевич(ь) Ховрин, Кузма Глѣбович(ь), Григорей ЛУкіанович(ь) Паронъ, Иванъ Мир#диновъ* (АСЭИ, II, № 343, 1440/44, с. 340); *А при томъ были люди добрыи и того добре сведоми, его милость панъ Богданъ Котъ, а панъ Павелъ Ивашкевичъ Мизкгиръ, земляне господарьские повету Слонимского* (АВК, XXII, № 602, 1567, с. 340).

СБ со значением именованя писца вербализуется конструкцией а (купчую) грамоту / сей листъ писалъ [антропоним]: *А грамоту писалъ Сергей* (АСЭИ, I, № 234, около 1440–1450, с. 165); *А грамоту писалъ Дмитре Ондрѣве* (ГВНП, № 274, XV в., с. 275); *Писал сей мои лист Трофиимъ Болотович, городскии дѣкъ* (ПГ, II, 1498, № 224, с. 151). Возможно указание имени писца и даты написания грамоты: *Писал Борис Челяднич мая шестнадцатыи день в лето первое осмое тысячи* (ПГ, II, № 208, 1493, с. 132); *А купчую писал Шевелко Данилов сын, владыченской дяк, лета 7068-го марта в 19 день* (АСМ, № 248, 1560, с. 162).

СБ со значением указания лиц, присутствующих на отводе земель, вербализуется УК: 1) а на отводе / на заводе были [антропоним]: *А на заводи были ти же люди* (ГВНП, № 186, середина XV в., с. 223); 2) а землю / сеножати отвелъ / завель [антропоним]: *А землю завель Яковъ самъ* (ГВНП, № 175, середина XV в., с. 216); *И тые есмо сеножати восполкъ з братомъ своимъ ... его милости пану Войтеху Чижу завели передъ паномъ Станиславомъ Буйною – вознымъ земьскимъ Слонимскимъ* (АВК, XXII, № 604, 1566, с. 344).

Указание даты и места написания грамоты осуществляется либо в составе СБ со значением именованя писца, либо отдельной конструкцией писань ([место]) [дата]: *П(и)сан в Ганусишькахъ, м(е)с(е)ца фев(раля) 28 ден, ин(дикт) 8* (КЗ, XXV, № 165, 1520, с. 229). Блоки со значением указания даты и места составления акта и лиц, присутствующих на отводе земель, являются локальными маркерами структурно-смысловой организации концовок купчих грамот. Дата отмечена в грамотах ВКЛ с XV в., в то время как в исследованных московских и новгородских актах она появляется с XVI в. Указание лиц на отводе характерно для новгородских актов.

Значение закрепления акта представлено либо посредством одного СБ, для вербализации которого служат разные типы УК, либо СФ, состоящим из нескольких СБ. Употребление определенной УК обусловлено местом написания документа. Для старорусских купчих грамот невозможно выделить общий состав данной конструкции. В новгородских актах употребляется конструкция а у печати стояль [антропоним]: *А у печати стояль Гаврила* (ГВНП, № 158, середина XV в., с. 204). В московских купчих грамотах можно выделить два типа УК, ни один из которых не является преобладающим: а запечатали есмь [антропоним]; а у купчей / грамота / купчая печать / безъ печати. Например: *А си грамота без печ#ти* (АСЭИ, II, № 257, 1480–1483, с. 170); *А запечатали есмь печатью игумновоу Герасимовоу Боголюбского* (АСЭИ, III, № 103, 1480–1494, с. 140). Значение юридического закрепления акта также может быть выражено конструкцией: а (по сей купчей грамоте) на то послухъ [антропоним] и руку приложилъ: *По сей купчеи грамоте яз Семен Суцов послух и руку свою приложил* (АФЗХ, III, № 1, 1521, с. 12).

В купчих грамотах ВКЛ формируется фрагмент, состоящий из трех СБ со значением: 1) просьбы о закреплении печатью; 2) согласия на закрепление печатью; 3) дополнительного подтверждения. Первый СБ выражен конструкцией а для большое твердости / лепшого сведомья ([антропоним]) просили есмо тыхъ людей добрыхъ [антропоним] о печати / (абы) они печати свои приклали / приложили: *а для лепшого сведомья и твердости сего моего*

листу просиль есми о печати маршалка пана воеводы его милости Новгородского пана Ивана Евтика, а писара егожъ милости пана Богъдана Шостовицкого (АВК, XXII, № 22, 1555, с. 18). Второй СБ со значением согласия на закрепление печатью выражен УК и ихъ милость на нашу / мою прозьбу вчинили / учинили и печати свои приложили: ихъ милость на прозьбу мою учинили, печати свои приложили къ тому моему листу (АВК, XXII, № 22, 1555, с. 18). Третий СБ со значением дополнительного подтверждения выражен УК а на твердость того / сего листу я / мы [антропоним] в печати место свои тры клеина / печать свою приписаль / приписали / приложиль / приложили есмо к сему нашему листу / продажному листу: а на твердость сего листу своего я Жданъ Тайповичъ печать свою приложиль к сему моему продажному листу (АВК, XXII, № 604, 1566, с. 344).

Структурно-смысловая организация концовок в купчих грамотах ВКЛ характеризуется большей сложностью и постоянством состава СБ по сравнению с актами ВКМ и НК, поскольку вместе с указанием послухов в ВКЛ обязательным было указание на закрепление акта печатью.

Состав СБ и средства их вербализации в концовках духовных грамот сходны с купчими грамотами. Указания даты и места составления акта, именованя писца совпадают с вербализацией подобных СБ в концовках купчих грамот: а грамоту / рукописание писалъ [антропоним]: *А рукописанье писалъ отецъ мои душе[в]ны игумень Савастьянь* (ГВНП, № 239, XV в., с. 256). В XVI в. в московских духовных в состав УК, определяющей писца, входит указание на дату написания документа: *А духовную грамоту писал никитцкой поп Иван ... лето 7040 девятаго* (АФЗХ, II, № 157, 1540–1541, с. 151). Для духовных ВКЛ типичным было указание места и даты написания документа без СБ со значением именованя писца: *Писанъ У Волковичахъ, року втъ нарожень" Сына Божог(о) тисеча п"тсот всмьдес"т всмого, м(е)с(е)ца декабра двадцать п"тог(о) дн"* (ТБ, № 1, 1588, с. 44); *Писанъ У Слижыне, року Божего нарожень" тисеча шестсотного, м(е)с(е)ца ма" трыдцатого дн"* (ТБ, № 59, 1600, с. 288).

Способом вербализации именованя свидетелей в духовных грамотах выступали УК двух типов: 1) а у грамоты / а на души / а при томъ тестаменте были / сидели [перечисление свидетелей]; 2) а на то [перечисление свидетелей] послухи. В отличие от купчих грамот в духовных среди свидетелей должен быть священник, который обозначен как «отец духовной». Наблюдается: 1) отдельное указание духовника и остальных свидетелей; первый тип УК используется для именованя духовника, а второй – для именованя других свидетелей (старорусские акты): *А у духовные*

грамоты сидел в Казани отец мой духовной борисовхлебской священник Ондрей Ортемьев сын. А на то послуши: Замятня Иванович Рожнов, да Ондрей Юрьевич Шепяков, да Василей Григорьевич Милюков (АФЗХ, II, № 248, 1553–1554, с. 252); А на души сѣдили мои сущѣди: Стапанъ кожевникъ, Фома, Филя, Галуша Сусанинъ (ГВНП, № 256, XV в., с. 266); 2) указание духовника и бога (НК): А на тѣ богъ послухъ да отецъ мой душевныи игумянъ Юрьи святаго Николы (ГВНП, № 226, вторая половина XV в., с. 248); 3) указание духовного отца и других свидетелей в рамках одной конструкции (ВКЛ): А при томъ моемъ тастаментѣ были и тому добрѣ свѣдоми: духовникъ мой священникъ Слонимскій светое Пятницы Кузма, а дворене господарскіи, панъ Стецко Славута ... (АЮЗР, I, № 91, 1529, с. 77); К тому тестаменту моему были добре сведоми тот возныи вышеипомененыи и зацные панове: его м(и)л(о)сть пан Иван Федорович Влочемскій; а пан Богдан Семенович Маскевичъ; а пан Василей Михайлович Скипор; а споведник мой попь Узловскій Иван Полуектович (ТБ, № 65, 1575, с. 316).

Юридическое закрепление акта определяется через 1) наличие печати, о которой не содержится упоминания в тексте акта; 2) именование лица, осуществлявшего закрепление документа подписью, печатью.

Именование лица, осуществлявшего закрепление документа подписью, печатью, вербализуется УК: 1) а у печати стоялъ [антропоним]; 2) а запечаталъ есми печатью / крестомъ [антропоним]; 3) и язъ послухъ [антропоним] и руку приложилъ. В новгородских духовных отмечен только первый вариант конструкции: А у печати стоялъ игумень Васильи да Григорьи старьць самъ (ГВНП, № 155, сер. XV в., с. 202). В московских актах в XIV–XV вв. УК второго типа: А запечатали гсм# сю духовною всѣмъ вѣдною печатью w(t)ца свогг(о) д(у)х(о)вново поповою Ивановою Тишиловсково (АСЭИ, III, № 68, 1482, с. 103), которая в XVI в. выходит из употребления и заменяется на УК третьего типа: к сему списку Иван Ильин сын, приказчик, руку свою приложил (АФЗХ, II, № 97, первая четверть XVI–1528, с. 93). В ВКЛ вербализация значения юридического закрепления акта в духовных грамотах сходна с конструкциями купчих грамот и состоит из просьбы о закреплении печатью, согласия на закрепление печатью, подписью: А дл# лепшое веры просила есми о приложене печати зем#н повету Берестейского: пана Васил" Сасина Староволского; пана Встафе" Сенковича Здитовецкоого; пана Григор" Встровского; пана Ивана Семеновича Букр#бы; пана Авде# Ивановича Буховицкоого; пана Григор" Кулн# Ходыницкоого; пана Богдана Патеевича Кругелского, а возного повету Берестейского Воины Лозовицкоого. Которые люди добрые, вышеиписанные, за моею властною и Устною прозбою печати свои до сего тестаменту моего приложити рачыли (ТБ, № 5, 1579, с. 60). При этом фиксируются случаи совмещения блоков со значением

просьбы о закреплении печатью и самого закрепления: *И за вчевистую прозбою моею ихм(и)л(о)ст п(а)нове верхУменены к тому тестаменту печати свои приложит рачили, а священникъ руку свою подписал* (ТБ, № 4, 1578, с. 56) и случаи совмещения блоков со значением именованья свидетелей и блоков со значением закрепления документа подписью, печатью: *А при справованью сего тестаментУ моего были и сее встаточнее воли моее сведоми, бУдУчы за Устьною и вчевистую прозбою моею печати свое приложити рачили: панъ ±нъ Гавриловичъ; панъ Иван Ивановичъ; панъ Станислав Доленъковский; панъ Вхремъ Иванович Волковицкий; а возный повету Берестейского Василей Макаровичъ; а священникъ рашенский втець Аврамъ Панъкратевичъ, которые печати свое не маючы, руку свою подписал до сего моего тестаменту писмомъ русским* (ТБ, № 1, 1588, с. 44).

СБ со значением общей санкции факультативен в актах. В УК, являющейся средством вербальной презентации названного значения, содержится обобщенное обозначение нарушителя документа и угроза страшного суда: *а хто се рукописание / тотъ мой тестаментъ нарушитъ / преступитъ / рушити, судится со мною / сужуся съ нимъ / розсудится со мною въ день страшнаго суда / на страшномъ суде /*: *А хто се рукописание преступитъ, сужусь с нимъ предъ богомъ* (ГВНП, № 295, около 1456, с. 294). Вариативность обусловлена: 1) употреблением различных глаголов в функции сказуемого придаточной части *посудитъ, почнетъ вступатца или отнимать, полудитъ, переступитъ, рушити*: *А хто се рукописание перуступит²... и на того бог и пречистая богоматере* (АЕ – 57, № 7, 1465–1478, с. 449); *А хто сю духовну грамоту порушит после меня, и мне с ними суд пред богом* (АФЗХ, II, 1523/24, № 91, с. 88); 2) вариативным определением типа грамоты (*рукописанье, слово*): *А хто сие рукописание переступитъ, сужуся язъ с нимъ предъ богомъ в день страшнаго суда* (ГВНП, № 144, XV в., с. 196); 3) указанием земли, на которую могут быть предъявлены претензии, вместо указания типа грамоты: *А хто почнѣ отъимати у святаго Николи тои лоскутъ, судится с нами предъ богомъ* (ГВНП, № 169, середина XV в., с. 211); 4) указанием на отсутствие благословения: *А хто сю мою грамоту порушит, судит ему б(ог)ъ, а не буди на немъ моего бл(а)г(о)с(лове)нь" в сии вѣкъ, ни в будущи* (ДДГ, 1417, № 21, с. 59). Отличием актов ВКЛ является описательное наименование нарушителей воли завещателя, употребление этикетных элементов *милый богъ, небесный царь* и т.п.: *А хто сее встаточное слово мое смерътное УзрУшитъ, тотъ со мною розъсУдитъсе на Страшномъ сУде перед Небеснымъ Царемъ во веки* (ТБ, № 37, 1594, с. 201); *А хто бы такий был, хто сюю встаточную волю мою в сем тестаменте моем вписаную, в чомъ-*

² Так в издании.

колвекъ ту вписано ест, нарушати хотел и малъжонъку моему трудность задавал, такому каждому нехай Пан Богъ на Страшным суде вечною помстою и заплатою буде (ТБ, № 100, 1590, с. 471).

В отдельных концовках московских духовных содержатся сведения о месте хранения акта: *А духовную есми свою положил у пречистые богородици в Осифове манастыре у старца у Иоасафа у Коровина да у старца у Тихана у Хворостинина* (АФЗХ, II, № 282, 1560–1561, с. 292).

Последовательность предъявления СБ в составе концовок не является строго регламентированной. Отмечается усложнение структурной организации концовок духовных грамот в течение XV–XVI вв. за счет увеличения числа СБ, появление которых может быть обусловлено как формированием полного формуляра документов, так и процессами взаимовлияния традиций оформления актов в ВКМ, НК и ВКЛ. Наличие блока со значением общей санкции маркирует особенности жанровой структуры духовных грамот.

Концовки жалованных грамот содержали СБ со значением 1) именованя свидетелей, 2) именованя писца, 3) указания даты и места создания грамоты, 4) закрепления акта, 5) санкции. При этом в старорусских жалованных концовки состояли, как правило, из СБ со значением закрепления акта и указания даты и места создания грамоты.

СБ со значением именованя свидетелей и со значением именованя писца зафиксированы в единичных старорусских грамотах. Вербальное оформление указанных блоков типично для всех актов: *а на то были [антропоним], а грамоту писалъ [антропоним]*. Для жалованных грамот ВКЛ была характерна УК *[антропоним] + писарь: Ян Гайко, писарь* (КЗ, XLIII, № 7, 1555, с. 52), которая могла распространяться за счет указания дополнительных характеристик писца: *Янъ Миколаевич Гайко, писаръ г(о)с(по)д(а)рьский, конюший городенский, державца ошменский* (КЗ, XLIII, № 5, 1555, с. 50). Используются также УК *приказъ [антропоним]* или УК *правиль [антропоним]*: *Правил воевода троцкии маршалок земьский пан Ян Юр(ь)евич* (ПГ, II, № 233, 1499, с. 168).

СБ со значением указания даты и места составления грамоты распространен в жалованных ВКМ и ВКЛ, его оформление стандартно: *А дана грамота на Москве месяца маиа 25 день в лето 6958, индик[та] 13* (АФЗХ, I, № 133, 1450, с. 123); *Писана грамота на Москве в лето 73 декабря в 13 день* (АФЗХ, I, № 210, 1464, с. 186). *Дан в Мстиславли в лето 7008 месяца сентября 14 дня, индыкта 3* (БФ, № 52, 1500, с. 131).

СБ со значением закрепления акта характерен для большинства жалованных грамот. Для вербализации указанного значения используются как аналогичные духовным грамотам конструкции, так и указания подписи адресанта: *подпись на грамоте [антропоним]*: *А на грамоте подпись: Иван Федоровичъ* (АСЭИ, I, № 218, 1448, с. 154).

В новгородских актах подпись обозначена только через указание имени: *се азъ [антропоним]*: *Се азъ преосвященный архієпископъ Великаго Новагорода владыка Еуфимей* (ГВНП, № 94, 1434–1458, с. 149). В актах ВКЛ использована УК *подпись руки его королевское милости*: *Подпись руки его м(и)л(о)сти пана Миколая Радивила, воеводы виленьского, маршалка земского канцлера Великого Князства Литовского* (КЗ, XLIII, № 10, 1555, с. 54). УК появляется в жалованных грамотах во второй половине XVI в., следует за СБ со значением указания даты и места составления акта. В жалованных грамотах ВКЛ, как и в московских и новгородских жалованных, в качестве подписи может быть использовано только указание имени лица на старобелорусском или латинском языке: *Sigismundusr ex* (БА, I, № 8, 1588, с. 37).

СБ со значением санкции используется в жалованных грамотах НК и наиболее ранних актах ВКЛ: *А хто ся будет в тые люди уступати и в тую дань, пречистая сама себе оборонит* (ГБ, I, № 1, 1396, с. 92); *А хто имет тое закладывать, або от церкви божья отдаливать и мститъ ему бог и пречистая его мать в сий век и в будущий Аминь* (ГБ, I, № 2, 1377, с. 528).

Таким образом, концовки жалованных грамот разных земель характеризуются незначительными вариантами на уровне вербальной презентации сходных значений. В развитии структурно-смысловой организации концовки наблюдается процесс формирования СФ со значением юридического закрепления акта; в концовки купчих и духовных грамот ВКМ и НК входит СБ со значением указания даты и места составления акта.

2.3. Структурно-смысловая организация содержательной части актов

Содержательная часть представляет собой фрагмент текста, в котором излагаются основные распоряжения составителей документа. В ней проявляются жанровые и территориальные особенности структурно-смысловой организации актов. При исследовании было выделено два типа структурно-смысловой организации текстов: актовые документы, содержательная часть которых состоит только из констатирующего раздела, и актовые документы, содержательная часть которых состоит из казусно-мотивировочного и констатирующего разделов. К первому типу относятся все купчие и духовные грамоты и часть жалованных грамот, вне зависимости от места их создания. Ко второму типу относятся только жалованные грамоты.

Констатирующий раздел купчих грамот мог включать в себя от 3–4 СБ в актах XIV в. до 8–12 в актах XVI в. Отмечены СБ со значением: 1) купли-продажи; 2) указания границ; 3) отвода земель; 4) ука-

зания цены; 5) указания периода владения приобретаемой собственностью; 6) запрета на посягательства; 7) возмещения убытков; 8) отсутствия обязательств по другим сделкам; 9) владения; 10) условий владения; 11) указания пошлин; 12) именованя лица, платившего пошлины.

Обязательными для всех купчих грамот были блоки со значением купли-продажи и указания цены. Указание границ могло входить в состав СБ купли-продажи или быть представлено отдельным блоком. Наличие всех остальных блоков факультативно и обусловлено территорией, временем создания акта или характером собственности, которая является предметом сделки. Число факультативных СБ возрастает к концу XV в. Кристаллизация их лексического оформления происходит в XVI в.

СБ купли-продажи составляет основу всех купчих грамот, которые могли быть написаны: 1) от имени продавца; 2) от имени покупателя. В первом случае основу вербальной презентации блока составляет глагол *купити* в форме перфекта или аориста *се купи* [антропоним] / *(се) язъ* [антропоним] *купилъ есми* [объект]. Такие конструкции характерны для московских и новгородских актов XIV–XV вв.: *Се купи игумень Васильи у Иваша у Селкина полосу земли на горѣ отчины его ...* (ГВНП, № 168, середина XV в., с. 211). Локальная дифференциация проявляется в употреблении характерных для актов НК форм аориста глагола *купити* в сочетании с указательной частицей *се* и соответствующих перфектных форм в актах ВКМ: *Се яз, Александр Карповичь, купил есмь у Юрья у Федоровича да у его брата у Тимофея у Сурминых земли: починок Дорофейков, да пустошь Ондрейкова, да пустошь Жюковская, да пустошь Кошкинская, да починок Максимовской, што припущен к Ондрейковской пустоши* (АСЭИ, I, № 230, около 1440, с. 163). Оформление документа от имени продавца характерно для всех купчих грамот ВКЛ. Основу вербализации блока составляет глагол *продати* в форме перфекта или настоящего времени: *ижъ што которую волоку земли оромое ... и симъ листомъ моимъ продаю и поступаю на вси вечные и потомные часы священнику ...* (АВК, I, № 2, 1585, с. 10). Диахронический сдвиг в оформлении СБ связан: 1) с последовательной заменой форм аориста формами перфекта в новгородских актах: *Се купи Павле ... купилъ есмя у Бориса ...* (ГВНП, № 321, XV в., с. 308); 2) с изменением оформления документа в старорусских актовых документах от лица покупателя на оформление от лица продавца: *Се продаша Климентеи Ивановиць землю свою в домъ святому Въскресению ...* (ГВНП, № 162, середина XV в., с. 207). А.С. Лаппо-Данилевский объясняет это сменой юридической традиции и роли купчей в последующих разбирательствах: оформление от лица продавца с XVI в. и снабжение подписью и рукоприкладством послухов усиливает формальную значимость и дает возможность использовать купчую как доказательство в суде [254, с. 163].

Факультативными компонентами СБ со значением купли-продажи выступали сочетания, в которых детализировались способы приобретения собственности прежними владельцами, обоснование самой сделки. Их наличие определяет локальные особенности купчих грамот. В актах НК и ВКЛ отмечены устойчивые единицы, обозначающие владение: чимъ володѣль, где ни есть, где ни есть ихъ слѣда (НК); чимъ есмо сами в той земле володели (ничого на себе не оставуючи), как есмо сами в той земле вживали, не вымовляя в той земле ничого (ВКЛ): ... гдѣ ни есть, по старини, чимъ владѣль Григорей Семеновичъ (ГВНП, № 133, первая четверть XV в., с. 189); ... на вымовляя в той земли ничого на себе ... (ПГ, II, № 261, 1505, с. 206). По значению к ним приближаются ссылки на способ приобретения земли продавцом, выраженные как отдельными лексемами отчина, дѣдизна, материзна (НК и ВКЛ), так и сочетаниями, придаточными предложениями что выменилъ, что купилъ, что ему досталось, что его благословенье (ВКМ, НК), которую есми выслужилъ, которая на небошика отца моего правомъ прирощенымъ стала, от отца и брата моего отделеная, которая ся намъ зѣ делу вечного остали (ВКЛ). В текстах встречаются ссылки на предшествующие акты: по рукописанью, съ купной грамоты, по грамоте ленной (ВКМ, НК), обстоятельственные сочетания со значением причины, цели: не маючи слушного выхованья, для великое и пилное потребности нашей (ВКЛ).

При указании границ собственности диахронический сдвиг проявляется в изменении способа вербализации от сочетания или придаточной части в составе СБ со значением купли-продажи к самостоятельному СБ, выраженному простым или сложноподчиненным предложением. Вербализация СБ со значением указания границ представлена УК двух типов: УК без глагольного компонента и УК с глаголом в основе. Первый тип характерен для актов всех трех территорий и имеет вид а межа / а рубежь той земле [указание границ]: А межа той земле от Некрасовские земли по Московскую дорогу, а с Московские дороги по Якишиловскую межу, а с Якишиловские межи по Андрееву межу Рчинова, а с Андреевы межи по Коквинскую межу, а с Коквинские межи на Енинскую межу, а съ Енинские межи на ту ж Московскую дорогу (АФЗХ, I, № 59, 1515–1516, с. 69). Второй тип УК, отмеченный только в московских купчих грамотах, имеет вид а купилъ / купилъ есми со всемъ съ нимъ (что къ ней изстари потягло), куда соха и коса и топоръ ходилъ: А купили есмя впрок без выкупу, и с лесы, и с пустошми ... и со всеми угоды, что к той деревне к Окулинину изстарины потягло, со всем с тем, куды плуг и топор и коса ходила (АФЗХ, III, № 3, 1545, с. 13). Конструкция могла располагаться как после определения предмета купли-продажи, так и после любого другого СБ в составе основной части. СБ являлся факультативным, что

объясняет отсутствие фиксированного местоположения данного блока в актах. К нему примыкает СБ со значением отвода земель. Появление этого блока, возможно, было обусловлено тем, что использование формулы *куда коса, и соха, и топорь ходили* не показывает точного описания границ. По замечанию Л.И. Ивиной, процедура отвода «выражалась в публичном отмере земли, проведенном в присутствии свидетелей» [188]. Способом вербализации СБ выступает УК *а отводъ / оботь / а заводъ той земли / пожни [подробное указание границ]: А оботь той пожни из Глуха ручья логомъ в жарь к Дмитриеве пожни, что монастырю даль, от Дмитриеве пожни в путище, да путищемъ в жарь к малои прядке въ яму, от ями прямо на долгую грядку, черезъ долгую грядку прямо в гарю да восняго на дубовой пень, от дубового пня да прямо в Глухъ ручей противъ востища, да ручьемъ внизъ к Веренде рѣки до Лопуси речки по Глуху ручью* (ГВНП, № 108, 1389–1415, с. 165). Способы описания подробных границ в новгородских актах сходны с описанием границ в актах ВКЛ.

Указание цены может быть представлено как отдельными сочетаниями в составе СБ купли-продажи, так и самостоятельными СБ. В составе СБ купли-продажи отмечены устойчивые сочетания [цена] *рублевъ ... пополонка* (НК), *за [цена] рублевъ грошей широкихъ* (ВКЛ). Во втором случае вербализация значения осуществляется путем употребления УК с глаголами *дати / взяти*. В общем виде конструкцию можно представить следующим образом: *а да / даша / даль / дали / даль есми ([антропоним] [антропониму]) ([указание собственности]) ... рублевъ (да ... пополонка): Дал есми на немъ пятнадцать рублев, да вол пополонка* (АСЭИ, I, № 10, 1392–1427, с. 31). При оформлении актов от лица продавца используются конструкции с глаголами *взяти, продати*: *А взѣли есмо оу в осподина архиеп(и)ск(о)па Ивны за все за то 17 рублевъ гроши* (ПГ, II, № 196, 1487, с. 113).

СБ со значением указания периода владения приобретаемой собственностью в актах ВКЛ встречался редко. Типичным было указание на вневременность покупки в составе СБ купли-продажи словосочетанием *обель вечно и непорушно*. При наличии отдельного СБ использовалась УК *а продали есмо обель вечно и непорушно / на вечно / на вечность*. Значение блока, определяющего указание периода владения, в московских и новгородских актах выражалось двумя типами УК: 1) *а купили [предмет] [именование покупателей] въ вѣки / одерень / впрокъ безъ выкупа*; 2) *а [предмет] [именование покупателей] въ вѣки / одерень*. В московских купчих данным конструкциям соответствовало словосочетание *впрокъ безъ выкупа*. В течение XIV–XVI вв. в актах отражается процесс формирования СБ, в котором гарантировалось купленное владение.

СБ со значением запрета на посягательства был обязательным в актах ВКЛ, в которых зафиксировано два типа УК. В основе этих конструкций лежат глаголы *поискивати* или *вступатися*: а потомъ / ино после сего тое земли [антропоним] подъ [антропоним] не поискивати. Отмечена также УК *не маемъ ся мы в то уступати*: *А мы сами и некоторая зъ нас персона порозну, также и иншіе протопопове и священники, по насъ будучіе, не маемъ и не будемъ мочи въ тотъ домъ уступовати, также въ держанью и въ уживанью держачому того дому некоторое и намннійшее переказы чинити не маемъ* (АВК, VIII, № 4, 1594, с. 11). В единичных новгородских и московских актах, включающих указанный СБ, нет типичного способа вербализации значения запрета: *А боле того игумену Мартемьяну в Уломские пожни ни подкупатися, ни подпрашиватися* (АСЭИ, II, № 85, 1435–1447, с. 52); *А потомъ не надобѣ Еремею і ево дѣтемъ Гришыи ни братьи ево до Шиловыхъ дѣтеи ни о цомъ* (ГВНП, № 245, XV в., с. 259).

Со СБ запрета на посягательства связан СБ со значением возмещения убытков при предъявлении претензий к покупателю. В актах ВКЛ его вербализация соотносится с вербализацией СБ со значением запрета и представляет собой УК а хто иметь поискивати / будутъ поискивати, ино тотъ дастъ вины [антропоним] [сумма] грошей: *И хто имет(ь) поискивати, тотъ дастъ винУ г(осу)д(а)рю нашомУ великом кн(я)зю две гривны золота, а пану вогводе полоцкому гривнУ золота* (ПГ, II, № 224, 1498, с. 151). В диахронии происходит распространение конструкции.

В XV в. СБ со значением возмещения убытков при предъявлении претензий к покупателю был характерен для новгородских купчих грамот. Отсутствовал единообразный способ оформления данного значения. Отмечены УК, основу которых составляли глагол *очищивати*, существительное *очищенье* или прилагательное *чистый*: *А очищивати та земля и пожни Матфѣю Урвану и ево дѣтемъ* (ГВНП, № 160, середина XV в., с. 206). С XVI в. включение СБ в новгородские купчие становится обязательным. В московских актах блок появился в начале XVI в., по-видимому, под влиянием новгородских купчих: *А где будет [у] Ульяны та деревня Кулакова и у их дѣтеи заложана в деньгах и вы хлебе, – и Ульяне и ее дѣтем та земля деревня Кулокова выкупати своими деньгами и своим хлебом* (АФЗХ, II, № 106, 1527–1528, с. 101).

СБ со значением отсутствия обязательств по другим сделкам в новгородских купчих грамотах появился только во второй половине XVI в.; в московских актах встречался уже в конце XV в. С последней четверти XVI в. в новгородских купчих представлены два варианта: 1) а та у насъ вотчина не продана, не заложена нигде и 2) а тотъ у насъ ... не проданъ, ни заложень никому, опрично сей купчей. В московских купчих грамотах данное значение

было представлено УК а та моя отчина не продана / не заложена / не заменена / ни въ какихъ ее крепостяхъ нигде / ни въ чемъ нетъ, ни въ денежномъ дому / въ денежныхъ кобалахъ / ни въ хлебномъ / ни въ хлебныхъ / ни по душе отдана. Состав УК варьировался за счет наличия разных глаголов-сказуемых, появления ссылок на отсутствие долгов: *И та у нас полдеревни не заложена ни у кого ни в денежных кобалах, ни в хлебных ...* (АФЗХ, II, № 177, 1543–1544, с. 174).

Блок со значением владения – отличительная черта структурно-смысловой организации новгородских купчих грамот. Вербализация СБ осуществляется двумя типами УК: 1) куды володель [антропоним], туды володети [антропоним]; 2) чемъ володель [антропоним], тымъ володети [антропоним]: *Куды володѣль Ва[сч]ль Кокуи, туды володѣть посаднику новгородчкому Дмитрию Васильевичю, – землю страдамою, и водою, и полѣшимъ лѣсомъ, и лопью, – и его дѣтемъ* (ГВНП, № 291, 1448–1458, с. 291).

СБ со значением условий владения имуществом новым собственником встречается в купчих sporadически. В актах ВКЛ используется УК волень ... продати, отдати и заменити и къ своему лепшому вжиточному обернути: *И волен его м(и)л(о)сть в тыхъ озерахъ отъдати, продати и заменити, и на ц(е)рѣков записати, какъ его м(и)л(о)сти воля будетъ, ку своему лепшому, а вжиточному обернути* (КЗ, XXV, № 37, 1530, с. 103). В 3 из 48 новгородских актов первой половины XV в. функционирует конструкция а буде / будетъ [антропоним] не до земли / не до воде, ино имъ мимо не продавати (не променити) (никому): *А будетъ Евсѣю не до земли и его дѣтемъ, ино имъ мимо Василья Филимонова и его дѣтеи земли не продовати никому же ...* (ГВНП, № 201, середина XV в., с. 232).

В XVI в. для новгородских актов, оформляющих куплю-продажу строений, характерны СБ со значением указания пошлин и именованя лица, платившего пошлины. Первый СБ выражен конструкцией пошлинь в государеву казну взято [указание суммы]: *Пошлин в государеву казну шесть денег взято* (ВН, № 5, 1590, с. 175). Второй СБ выражен конструкцией пошлины платиль [антропоним]: *Платили пошлины купцы Иван Иванов да Иван Павлов* (ВН, № 31, 1591, с. 187).

Для исследованных старорусских и старобелорусских купчих грамот XIV–XV вв. характерно объединение в одном СБ нескольких смысловых единиц: в СБ купли-продажи содержится указание границ. На протяжении трех столетий одной из причин диахронического сдвига в формуляре содержательной части купчих грамот становится разделение одного СБ на ряд самостоятельных смысловых единиц, за счет чего увеличивается объем содержательной части.

Содержательная часть духовных грамот XIV–XVI вв. состояла только из констатирующего раздела, в котором: 1) приводятся все распоряжения собственника относительно земельных угодий, зависимых людей, вещей и т.д.; 2) содержится пересказ других актов (данных, купчих); 3) указываются только имена должников; 4) описывается только завещание имущества церкви. Первичность характерна для грамот, в которых приводятся все распоряжения собственника. Второй, третий и четвертый типы, по мнению ученых, представляют собой выдержки из более полных текстов или документы, составлявшие только как напоминание. Поэтому в пределах представленного исследования рассмотрению подвергается формуляр содержательной части актов, включающих все распоряжения собственников, тексты духовных грамот второго, третьего и четвертого типов используются как материал для рассмотрения способов вербальной презентации отдельных СБ.

Как правило, полные духовные грамоты включают в себя распоряжения относительно оставшейся земли, движимого имущества, состоящего из вещей, животных и зависимых людей, указания относительно поминовения души завещателя в церкви. Последовательность расположения смысловых единиц, их лексическое наполнение характеризуются территориальными особенностями.

Для духовных грамот ВКЛ и единичных духовных грамот ВКМ характерно наличие СФ, содержащего распоряжения относительно похорон завещателя. В состав СФ входят блоки со значением: 1) поручения души и тела (ВКЛ); 2) распоряжений относительно места захоронения (ВКМ, ВКЛ).

СБ со значением поручения души и тела открывает содержательную часть духовных грамот ВКЛ и вербализуется конструкцией *(прото и я въ той хоробе моей будучи) / (напервей / напредь) поручаю / полежаю / подаю душу мою (грешную) Богу (Всемогущему), а тело мое грешное земли зоставую: Напредь дУшУ мою грешную порУчам и в моцные руки подаю Богу Створителеви моему в Троицы Едыному, а тело мое грешное земли зоставую, которое мает его м(и)л(ость) пан Адам Ванькевичь, нан малжонокъ мой, Учстиве поховати* (ТБ, № 59, 1600, с. 287).

Вариативность конструкции обусловлена разными именованиями Бога, разными причинами, ставшими основаниями для составления завещания, разным именованьем передачи тела земле (*зоставую, отдано, поховано*), однако неизменными остаются указания на то, что это самое важное распоряжение завещания (первое), что душу поручают, отдают, передают воле высшей силы, а тело передают земле. Для старорусских актов упоминания о душе характерны в контексте указания количества служб в церкви.

Распоряжения относительно места захоронения могут содержать-ся в блоке со значением поручения души и тела, а могут быть представ-лены отдельным СБ. В таком случае в документах ВКЛ и ВКМ исполь-зуются разнообразные конструкции, не имеющие фиксированных спо-собов вербализации, что обусловлено факультативностью самого блока в актах: *Которому телу змерлому его м(и)л(о)ст пан малжонок мой ми-лыи пан Андрей Сапега, староста гомейский, погребь Учтивый а при-стойный хрести"нский во имену своемъ Ботках, в костеле Ботков-скомъ, Учинити маеть* (ТБ, № 28, 1596, с. 150); *А бог по душу сошлет, ини меня положили в Осифовой пустыни* (АФЗХ, II, № 97, первая чет-верть XVI–1528, с. 93).

В духовных грамотах ВКМ, НК и ВКЛ функционирует СФ, опре-делявший душеприказчиков. В его состав входили блоки со значением: 1) указания душеприказчиков; 2) поручения душеприказчикам жены и детей; 3) свободы или необходимости действия душеприказчиков.

СБ со значением указания душеприказчиков – важный элемент структурно-смысловой организации духовных грамот. Способы его оформления характеризуются локальной дифференциацией: *а прика-залъ есми (приказываю) свою душу (и свою жену) (где что взяти, кому что дати) (и по душе поправити)* [антропо-ниму] (ВКМ); *а приказъ приказываю* [антропониму] (НК): *А приказываю приказъ господину своему дяде, посаднику новгородцкому Федору Алексеевичю ...* (ГВНП, № 111, 1435, с. 171). Глагольную осно-ву УК в старорусских грамотах составляет глагол *приказывати*, 'поручать чьим-либо заботам, отдавать под чье-либо покровительство' (СРЯ, 19, с. 173) в форме перфекта либо настоящего времени 1 л. ед. ч.: *А по сеи дУховной приказываю вз#ти и дати и по дУше поправити сво-им д#тем МаксимУ да СтепанУ* (АСЭИ, II, № 168, 1455–1475, с. 104). В духовных грамотах ВКЛ при именовании душеприказчиков встречаются разные типы конструкций: 1) *а эзекуторомъ и обо-ронцою того моего тестаменту обирамъ ...*; 2) *а душею моею маеть ся печаловати ...*, вариативность которых значительна: *Иж напервей впекунами и вборонцами вбираю малжонце моеи п(а)ни Галище Гле-бовичовне, воеводянце виленской, и детем своим з нею прибылым, также маетности моеи лежахой и рУхомой, Ужывши в томъ прозба-ми моими "сневелможног(о) п(а)на его м(и)л(ости) п(а)на Встафья Воловича, п(а)на виленског(о), канслера наивышзог(о) Вел[ико]го кн(")зьства Литовског(о), старостУ берестейског(о) и кобринског(о) и [речьицкого] п(а)на ±на Глебовича на ДУбровне, каштал"на менск[ого]* (ТБ, № 84, 1580, с. 408).

Поручение заботам приказчиков жены и детей может быть пред-ставлено как отдельным блоком, так и частью блока со значением име-

нования душеприказчиков. В актах ВКЛ используется УК а потомъ жону свою и детей своихъ поручаю в опеку (пану Богу / Сотворителю) (и [антропоним]): *А потом и жону свою Харитоню Куриловну и детки мои вси вт мала и до велика тому ж Сотворителю своему въ впеку и ввборону Его Св(е)тую поручаю* (ТБ, № 3, 1578, с. 51–52).

Завершает СФ блок со значением свободы или необходимости действий душеприказчиков. В московских духовных грамотах такие указания были обязательными, в актах НК и ВКЛ – факультативными. В новгородских актах вербализация СБ представляла собой обращение к душеприказчикам: *а бога для, господо, постерегите матери моеи и дѣтокъ моихъ, цы хто ихъ иметъ обидити* (ГВНП, № 110, 1393, с. 168). В московских текстах средством выражения СБ являлись конструкции с глаголом приказывати: *А то все приказал гсми, сию д(у)ховную, о(т)цю свогму д(у)ховному, архимандриту Афанасью, то събрати и по своей д(у)ши поправити* (АСЭИ, II, № 361, 1460, с. 355). В XVI в. отмечено употребление сочетаний яко имъ панъ Богъ положить (ВКЛ), какъ имъ богъ известитъ (ВКМ).

Для грамот характерно совмещение различных блоков в составе фрагмента или факультативность их наличия. Локальная вариативность лексического наполнения конструкций обусловлена: 1) разными номинациями объектов *сию духовную, свою душу, свою жену, свою сестру, свою дочь, своего сына* (ВКМ), *приказъ* (НК), *душею, тестаменту* (ВКЛ); 2) разными номинациями душеприказчиков, среди которых установлены: а) указания родственников, представителей церкви и государства, соседей (*матери, брату, жене, своимъ детемъ, господину архимандриту, господину князю, господамъ Ивану и Борису*) в московских духовных; б) именованья городских посадников, метонимичные сочетания, указывающие на жителей отдельных районов города (*господину посаднику, всей великой улице Нутной, всей луки Чюхъченимьской*), в новгородских духовных грамотах; в) упоминания опекунов для жены и детей (*опекунами пана, ихъ милости панове опекуны*) в актах ВКЛ.

СФ, определяющий указание долгов, в актах разных регионов включал в себя СБ со значением: 1) указания должников; 2) указания кредиторов. Расположение СФ и способы его вербальной презентации зависели от локальной отнесенности акта. В московских актах СФ располагался в начале содержательной части, в новгородских актах – после указаний относительно земли, в актах ВКЛ – при указании передаваемого движимого и недвижимого имущества.

Способом вербализации СБ со значением указания должников выступала конструкция с глаголом взяти: взяти ми / мне на [антропоним] / у [антропоним] [указание суммы] (ссылка на дополнительные основания). Обязательными компонентами кон-

струкции были указания имен и суммы долга. В грамотах ВКЛ использовался ряд конструкций, которые включали в свой состав глагол записати и содержали перечисление должников, указания на то, что все долги переданы наследникам, которые должны их отыскати: *Так теж и иншии долги свое записую вечне, а то ест, меновите, першыи должникъ пан Адам Горновский, который ми винен сто и деветнацат копъ [г]рошей литовских. А У брати моее рожное, У п(а)на Петра Лозовицкого, копъ шденадцат литовское личбы, У п(а)на Андре" Лозовицкого копъ шсмъ литовское личбы. Тые вси долги шт мала аж и до велика ей, малжонце моеи, сим тестаментом шстатнею волею штписую своею, с которых тых долговъ мает малжонка мо" долгъ мой пану Епимаху БУховецкомУ, штыискавши тые долги, заплатити, то ест, копъ трыдцат чотыри кгрошей трыдцат лит(о)вское личбы* (ТБ, № 18, 1590, с. 110).

Вариативность вербальной презентации представлена: 1) в новгородских актах употреблением конструкций с пропуском глагола-сказуемого: *оу лднька полтина q захарьи полтина* (ДНД, № 8, 1300–1310, с. 533); 2) употреблением группы предложений, характеризующихся параллелизмом синтаксического строения; 3) разными способами выражения долга (деньгами, животными, зерном): *тотъ долгъ, то естъ десеть копъ грошей литовских, мають шдыскат сынъ мой Иван Нарковичъ Подъвинский, або ш#ти мой пан Лавринъ Комар або пан Павел Исаковичъ* (ТБ, № 40, 1595, с. 219).

Факультативными компонентами в составе УК были ссылки на отсутствие или наличие документов, на основании которых взимаются долги, место хранения этих документов. Особую группу представляют собой предложения, описывающие дополнительные обстоятельства, при которых деньги были взяты в долг, не имеющие определенных способов вербального выражения.

Способом вербальной презентации СБ со значением указания кредиторов в актах выступали конструкции с глаголом дати: а дати ми /мне [антропониму] [указание суммы]. В духовных грамотах ВКЛ использовалась УК, содержащая глагол заплатити: *А пану Ивану Одер должен естемъ пятьдесятъ грошей безъ двухъ литовское монеты, то маетъ сынъ мой Ян Белозоръ ему заплатит* (КЗ, XLIII, № 11, 1554/1555, с. 56).

Большую часть текста духовных грамот составляли распоряжения относительно земли, вещей и людей. В их вербализации прослеживается типичность используемых УК. Для старорусских актов характерны конструкции, включающие в себя глаголы дати / приказывати / благословити в значении 'передать по наследству, завещать' (СРЯ, 1, с. 218). Для актов ВКЛ типичной является УК а что (ся дотычетъ) [собственность] [антропоним] вечне даю / дарую / оставую / записую / отписую. Форма глагола ся дотычетъ употреблялась в основном при указа-

нии второго, третьего и т.д. объектов завещания: *А што се дотычет золота и серебра моего ж, которое естУ его ж ми(ло)сти п(а)на Малхера Раиского, втчима и впекуна моего, так теж шат, хУсть и всих речей иных рухомых, што вдно мне належало, такъ вставую и записую сим моим тестаментом, встатнею волею моею, по животе моем, напервей в ланцУхах моих золотых, то напол з сестрою моею п(а)нею Крыстиною Буховецкою сестре ж моеи панне Барбаре Раиской, а манелле самой п(а)неи БУховецкой ...* (ТБ, № 24, 1590, с. 132). Подобные конструкции распространяются за счет включения в их состав ссылок на способы приобретения, на бывших собственников. Характерно противопоставление глагольных компонентов конструкций: в старорусских актах называется сам процесс передачи, символом чего выступают различные глаголы с общей семантикой 'даю', в текстах ВКЛ фиксируется создание документа: записую, отписую и т.п.

СФ, обозначавший передачу собственности церкви, формализован в московских и новгородских документах. В исследованных актах ВКЛ только в акте XIV в. представлено указание на завещание церкви: *даль ~сьми с(вя)той Тро(и)ци три места ролеина" на великомъ поли ...* (ПГ, I, № 28, XIV в., с. 85).

Фрагмент состоял из СБ со значением: 1) указания собственности; 2) указания границ; 3) записи в сенаник; 4) запрета исключения из сенаника; 5) указания количества кормов по душе завещателя; 6) запрета на посягательства; 7) указания условий распоряжения собственностью. СФ – характерная черта старорусских актов, однако состав блоков во фрагменте не был постоянным.

Блок со значением указания собственности, передаваемой церкви по душе завещателя, вербализуется при помощи УК а что [собственность] даю / даль есми / приказываю [собственность] / [антропоним] (по своей душе / по себе / на поминокъ своему роду и себе): *А приказываю на Вешерh землю свою куплю... себh, и батку Лукh, и маткh своеи Епистимы, и дяде сво[e]му Фомh, и Ондрию, и всъмъ прародителемъ и родителемъ нашимъ, и всему роду и племени нашему на память, ...* (ГВНП, № 120, не позднее 1471, с. 177). Факультативными компонентами конструкций являются: 1) указания передачи собственности монастырю для поминовения души завещателя и его родственников после смерти: *А по сво[eu] д(у)шh далгсмъ сгдо Игнатьгвског да трои пчглы с(в#)той Троицh в монастырь* (АСЭИ, I, № 11, 1392–1427, с. 32); 2) ссылки на причину передачи собственности монастырю: *Что приказаль отецъ мой Сидоръ мнh отвести лоскуть земли орамици на противе и на носу святому Николh промhжю землями Звhздиною и Фефиловою землею, ...* (ГВНП, № 169, середина XV в., с. 211).

Блок со значением указания границ вербализуется типичными для всех актов УК.

Основу УК блока со значением записи в сенаник в московских документах составляет глагол написати в форме инфинитива (а за ту отчину / землю) игумену и старцамъ / имъ написати въ вседневный списокъ (и въ сенаникъ)): *И им родителей моих и мою м[ногогрешную] душу поминати и во вседневные и в вечные сенаники написати родителей моих и мою м[ногагрешную ду]шу* (АФЗХ, II, № 207, 1547–1565, с. 209).

Вербальным средством выражения блока со значением запрета исключения из сенаника является УК а изъ повседневногo списка / и изъ сенаника (игумену зъ братьею) насъ не выгладити, где лексема выгладити имеет значение 'вытереть, исключить написанное' (СРЯ, 3, с. 192). Санкция с угрозой духовного наказания за нарушение изложенных условий пожертвования появляется только во второй половине XVI в.: *А не учнут игумен и братья меня и отца моего и мать и весь род мой поминати на год по двожды, и мне с ними будет суд пред богом* (АФЗХ, II, № 377, 1584, с. 422).

СБ со значением указания кормов (кормъ – в значении 'поминальная трапеза' (СРЯ, 7, с. 316)), зафиксированный в актах второй половины XV в., вербализуется посредством УК с глаголом кормити или учинити в основе: а кормити / учинити имъ по насъ / по мне / по отца моего душе и по матери и по моей душе манастырь зъ году на годъ / всякой годъ: *А кормит(ь) имъ по w(t)ца моег(o) д(y)шh и по м(a)t(e)ри и по моеи д(y)шh манастырь з годи на год* (АСЭИ, II, № 474, перед 1476, с. 512). Отметим, что эта конструкция встречалась еще в конце XIV в., но в данных грамотах.

Для вербализации СБ со значением запрета на посягательства служат разнообразные конструкции, степень устойчивости которых не определена: *А братье моей и жене моей до тое земли купли и роду моему, что есмь дал в дом Пречистые богородици по отце по своем и по себе в наследие вечных благ, дела нет никому ни в чом* (АФЗХ, II, № 274, 1558–1559, с. 279).

Со второй половины XV в. оформление фрагмента усложняется за счет появления в его составе СБ со значением указания условий распоряжения собственностью, вербализация которого характеризуется значительной вариативностью.

СФ, определявший передачу земли наследникам, сходен с фрагментом, определявшим передачу церкви. Он состоял из СБ со значением: 1) указания собственности; 2) указания границ; 3) указания условий распоряжения собственностью; 4) запрета на посягательства.

Вербализация СБ со значением указания собственности и границ сходна с такими же СБ при передаче земли церкви. Вербализация СБ со

значением указания условий распоряжения собственностью была представлена несколькими типами УК, в которых оговаривались условия продажи наследуемой земли, изменения завещания после рождения ребенка или последующего замужества вдовы. Возможность продажи вербализуется при помощи типичной конструкции, которая может содержать указания на стоимость наследуемого имущества: *А будет моему зятю Борису не до земли, ино ему тех земель мимо моего сына Бориса не продати, ни променити никому, а взяти ему у моего сына у Бориса тритцать рублей* (АФЗХ, I, № 163, 1519–1520, с. 146). Изменение завещания после рождения ребенка представлено УК *а после меня родится ..., ино отчина моя вся сыну моему / ино дати* [указание суммы]: *А после меня родитца у моей жены сын, ина отчина моя вся сыну моему; а с тое вотчины дати сыну моему и жене моей по церквам по моей души пятьдесят рублей; а родитца у моей жены дочь, ина ей дать восемьдесят рублей из моего живота* (АФЗХ, II, № 91, 1523–1524, с. 87). СБ со значением запрета на посягательства вербализуется разными типами УК: 1) *да дела неть* (ВКМ); 2) *а вы ... не вступайтесь* (НК); 3) *а ишиие некоторими причинами не мається в то уступовати вечними часы* (ВКЛ).

СФ, в котором указывалась передача наследникам вещей, домашних животных и т.д., также включал в себя несколько СБ со значением: 1) передачи вещей; 2) передачи денег; 3) передачи животных; 4) дополнительных условий; 5) запрета на посягательства: *Да приказчики бы мои дали зятю моему Василью Булыгину тегилля камчат, да однорятка аспидна с пугвицами серебряными* (АФЗХ, II, № 97, первая четверть XVI–1528, с. 92).

В СФ, содержащем распоряжения относительно зависимых крестьян, были выделены обязательные СБ, к которым относятся блоки со значением: 1) передачи крепостных крестьян по наследству; 2) полного освобождения от крепостной зависимости; и факультативные СБ, к которым относятся блоки со значением: 1) освобождения крепостных крестьян при условии выплаты залога или службы в течение указанного времени; 2) распоряжения относительно беглых крестьян; 3) выделения имущества крестьянам; 4) запрета на посягательства со стороны приказчиков и наследников.

СБ со значением передачи крепостных крестьян по наследству в московских и новгородских духовных вербализуется при помощи УК, типичных для описания передачи любой собственности: *А челядь свою пошлю неотхожую приказываю женѣ своей і дѣтемъ своимъ* (ГВНП, № 144, первая четверть XV в., с. 196).

Способом вербальной презентации СБ со значением полного освобождения от крепостной зависимости являются два типа УК: 1) *а челядь мою дерноватую / людей моихъ полныхъ отпуцаю /*

отпустиль есми / отпусти на слободу: А челядь мою дерноватую, а то всю, братъ мои Григореи, отпусти на свободу (ГВНП, № 110, 1393, с. 168); 2) а что / а которые мои люди в сей духовной не писаны / мои холопи полные и робы, (чемъ благословиль меня ...), те все люди на слободу: А што мои холопи полные и робы, чѣм менѣ бл(а)гословил ѡ(те)ць мои Захарь#: Микитка Гридкин сын с женою с Тать#нкою и з дѣтми, а дочи на слободи (АСЭИ, II, № 168, 1455–1475, с. 104).

Своеобразие вербального оформления полного освобождения крепостных в актовых документах ВКЛ проявляется: 1) в наличии специфических локальных лексем, не отмеченных в новгородских и московских духовных: *А челедь невольную по всимъ своимъ дворомъ всихъ на волю выпускаю, абы жадная по животѣ моемъ въ неволи не была* (АЮЗР, I, № 91, 1529, с. 77); 2) в указании распоряжений относительно наемных людей: *Кухарки мои наемные и шинкарки абы были добре отъправены за их службы* (КЗ, XLIII, № 11, 1554/1555, с. 56).

В 10 московских духовных грамотах из 62 указывается на освобождение крепостных крестьян при условии выплаты денежного залога, службы в течение определенного времени: *А которые мои люди старинные и полные и докладны[е, и те жен]е моей люди до ее живота, а после ее живота все мои на слободу со всеми их животы ...* (АФЗХ, II, № 183, 1545, с. 185); *Рязан послужит сыну моему Василью пять лет, да пойдет на слободу* (АСЭИ, I, № 253, 1455, с. 182); *А Гришиа Зубатой с женою, взмогут с себя дати семь рублей жене моей по кабалам, – и они пойдут на слободу* (АФЗХ, II, № 15, конец XV в., с. 19).

Распоряжения относительно беглых крестьян содержатся в 7 из 62 московских духовных грамот. Способом вербальной презентации СБ выступает конструкция с глаголом *бегати*: *А што мои холопи ѡ(т) менѣ блѣгають ... а те холопи и робы моим дѣтем, гдѣ их ни залѣзѣт* (АСЭИ, II, № 168, 1455–1475, с. 104), характеризующая однотипным строением придаточной части и наличием вариантов в главной части. Указания относительно выделения имущества зависимым людям зафиксированы в 13 из 32 актов XVI в. и выражены различными вербальными средствами: *А жена б моя их наделила ж по своей силе, посмотри по человеку, кому что пригоже дати* (АФЗХ, II, № 183, 1545, с. 185); *А надел им, что у кого есть. А у кого нет коровы или овцы или шюбы или сермяги, и братье моей ему дати* (АФЗХ, II, № 225, 1550–1551, с. 227).

Способом вербальной презентации СБ отсутствия долгов является конструкция, имеющая устойчивый характер только в новгородских актах: *а не виноватъ есми никому ничемъ разве богу душею: А боле того не виноватъ есмь никому ничимъ, разве богу душею* (ГВНП, № 230, вторая половина XV в., с. 251).

В духовных грамотах ВКМ четко проявляется структурно-семантическое и вербальное единообразие в оформлении, актывые документы НК и ВКЛ отличаются отсутствием строго стандартизованных форм для выражения основных значений. При рассмотрении этих текстов было установлено, что только некоторые СБ, маркирующие начало, или, наоборот, конец содержательной части, репрезентируются посредством относительно стандартных формул и конструкций. Можно предположить, что традиция составления актов в ВКЛ допускала значительную самостоятельность выражения мыслей адресанта, поскольку велико число разнообразных вариантов, среди которых выделить доминирующий сложно. Структурно-смысловая организация духовных грамот является более сложной по сравнению с купчими, что проявляется как в наличии в ее составе СФ, так и в употреблении значительно большего числа СБ.

Среди исследованных документов было выявлено два типа структурной организации содержательной части жалованных грамот: 1) содержательная часть, состоящая только из констатирующего раздела; 2) содержательная часть, состоящая из казусно-мотивировочного и констатирующего разделов. Набор СБ и средства их вербализации в констатирующих разделах всех жалованных грамот являются сходными, что позволяет нам более подробно остановиться на описании актов, содержательная часть которых включает в себя и казусный, и констатирующий разделы. Было выделено 20 основных блоков, 11 из которых входят в состав различных СФ.

Структурно-смысловое строение казусно-мотивировочного раздела сходно в актах разных земель. Блоки со значением челобитья и просьбы характерны для всех старорусских и старобелорусских актов, имеющих казусно-мотивировочный раздел. Блоки со значением ссылки на другие акты, указания содержания актов характерны только для актов ВКМ и ВКЛ.

Структурно-смысловое строение констатирующего раздела отличается локальной дифференциацией. Общими для всех актов в констатирующем разделе были СБ со значением пожалования и со значением указания собственности. В московских и новгородских актах зафиксирован СБ со значением санкции. Вариативность последовательности расположения блоков в констатирующем разделе характерна для актов документов ВКМ и НК, акты ВКЛ отличает более строгий порядок их презентации.

Казусно-мотивировочный раздел. Традиционно в актах разных земель челобитье выступает как первый блок казусного раздела. В организации УК выделены два компонента: 1) глагольный фразеологизм *бити челомъ* и 2) изложение обстоятельств обращения. Первый компонент конструкции типичен для большинства актов. Второй ком-

понент вводит изложение обстоятельств обращения с просьбой и представляет собой косвенную речь адресата. В актах ВКЛ он также может содержать указание на документы или просьбу адресата. В исследованных документах отмечено четыре способа введения косвенной речи: 1) союзами что / што (ВКМ), што / ижъ (ВКЛ), с соотносительным местоимением тъ в главной части; 2) частицей деи (де), восходящей к глаголу деити 'говорить' (СРЯ, 4, с. 242); 3) глаголами со значением речи, в выборе которых проявляется локальная дифференциация актового материала: поведати / поведити (ВКЛ) в значении 'рассказать' (ГСБМ, 26, с. 133), сказывати (ВКМ) и ркуци (НК): *Се биша челомъ игумень Ивоня и всѣ старциѣ святаго Спаса и святаго Николы ..., а ркуци такъ ...* (ГВНП, № 96, 1459–1469, с. 152); 4) совмещением указанных способов: *Что ми бил челом, а сказывает, что де пустынка Нафанайлово ...* (АФЗХ, I, № 189, 1464, с. 170).

Косвенная речь адресата характеризуется относительной свободой изложения, отсутствием устойчивых сочетаний и формул разных типов: *Бил нам чолом ... и поведил перед нами, што ж понял дочку Васил(ь)еву Корсаковича, на имя Настас(ь)ю, а после Васил(ь)я остали были на имени один сын его Аньдреи с нею, своею сестрою ...* (ПГ, II, № 209, 1494, с. 132–133).

Вербализация СБ со значением ссылки на другие акты может иметь устойчивый (ВКЛ) или свободный (ВКМ) характер. В новгородских жалованных грамотах отдельного СБ с подобным значением не обнаружено. Устойчивый характер имеют конструкции с глаголами положити / класти / вказывати (ВКЛ), управляющие предложно-падежным сочетанием передъ нами: *... и положили перед нами лист боярына полоцъкого пана Остафъев Васил(ь)евича, што ж, отходя з сего св(е)та, дал им землю на имя Фалеевъцину и з люд(ь)ми на Островне...* (ПГ, II, № 215, 1496, с. 138). Глагол вказывати маркирует локальную отнесенность акта: *Били нам чолом дворянинѣ наши ... и вказывали перед нами лист данину брата нашог(о) ...* (ПГ, III, № 287, 1508, с. 28).

Свободное изложение ссылки на акты характерно для московских жалованных, где зафиксированы указания на то, что документы утеряны, сгорели или не содержат подписи великого князя: *и та де наша жаловальная грамота утерялась у него у печати у Бориса у Сукина* (АМСМ, № 100, 1550, с. 111).

Передача содержания уже существующего акта вводилась УК а въ той грамоте написано (ВКМ), а въ томъ листу / ино въ томъ листу стоитъ, што (ВКЛ): *Ино в Богданове листу стоитъ, што ж им с тое земли половины, што отец их им дал, служити, кому они з них всхотят(ь)* (ПГ, II, № 215, 1496, с. 138). Стремление к подробной передаче содержания акта приводило к включению полного текста предшествующих документов в состав жалованных грамот.

Объем казусно-мотивировочного раздела увеличивается в актах ВКЛ в XVI в. за счет изложения ряда причин и предъявления нескольких документов. Каждый последующий элемент в актах начинается со слов: 1) и / а (тежъ / такежъ) поведаль / мовиль передь нами, што; 2) и тежъ положиль / вказываль передь нами листъ: *Такеж поведил перед нами, што ж купил в людех наших путных ... земли их отчинные* (ПГ, II, № 267, 1506, с. 215).

СБ просьбы завершает казусно-мотивировочный раздел жалованных. В большинстве московских актов изложение просьбы выражается с помощью глагола *пожаловати* в значении 'оказать милость, благодеяние' (СРЯ, 16, с. 93) с обязательным объектным распространителем в В.п. (адресат) и субъектом в форме Д.п. (*мне, царю, государю*): *И мне бы игумена Гурья з братьею пожаловати* (АФЗХ, II, № 184, 1545, с. 186).

В актах ВКЛ просьба включает формулу челобитья и придаточную часть, которая определяет объект пожалования и присоединяется союзом *абыхмо*: билъ намъ чоломъ / просиль насъ, абыхмо ему [указание объекта] подтвердили нашимъ листомъ. Указание объекта подтверждения характеризуется свободой изложения: *и просил нас, абыхмо мы тую данину отца нашего, короля его м(у)л(о)сти, тое сел(ь)цо Кгердутишки и тыи купли его вси, вышеиписаныи ... подтвердили нашим листом* (ПГ, II, № 234, 1499, с. 169).

Констатирующий раздел. Общими СБ констатирующего раздела являлись СБ со значением пожалования и СБ со значением указания собственности. Вербализация СБ со значением пожалования характеризуется локальной дифференциацией. В организации конструкции в московских актах выделено два компонента: 1) пожалование; 2) льготы и привилегии. Вербализация пожалования в XV в. представлена конструкцией и язъ князь великий пожаловаль. В связи с увеличением объема казусного раздела в актовых документах XVI в. отмечен повтор имен адресата и адресанта. Вербализация изложения точных льгот могла быть представлена придаточной частью или несколькими предложениями: *Што имъ дала Олена Михаилова жена Федорович(а) Пр(е)ч(и)стои в дом по свогм мужи по Михаилъ, да и по собн, село Агонъскую Весь, да Кузмидгм(ь)"ньское село и з деревнми, и с пустошми, Андрѣгвѣское Будъвольнина в Бѣжицьском Верш* (АСЭИ, II, № 345, 1445–1453, с. 342).

В актах ВКЛ выделено два способа вербальной презентации значения пожалования: 1) подтверждение; 2) пожалование. Типичным для грамот было подтверждение, вербализация которого имела устойчивый характер: ино мы [предмет] дали / потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вечно ему и его жоне и их детѣмъ (и напо томъ будущимъ их счадомъ). Лексическая вариативность прояв-

ляется в наличии обстоятельственных сочетаний: зъ ласки наше, впамятавши ихъ службу: Ино мы, впамятавши ег(о) верную службу, и тых людей полян и з их землями пашными и бортными и з сеножатями, и с озера, и з дан(ь)ю грошевою и медовою, и со всеми входы и приходы, как нам служили, ему дали вечно и его жоне, и их детем, и потом будущим их щадком (ПГ, II, № 207, 1492, с. 129).

СБ со значением собственности включал в себя перечисление земельных угодий (пашен, лесных участков, озер, рек и т.п.), зависимых людей. Границы земельных участков могли быть обозначены посредством как устойчивых что къ тому исстари потягло (ВКМ) / што къ тому здавна прислухало / слушало / со всимъ съ тымъ, как съ старо-давъна тые земли въ своихъ границахъ ся мають (ВКЛ), так и свободных сочетаний (НК). Глагол прислушати в значении 'подчиняться, принадлежать' (Срезн., II, 1455) отмечен только в актах ВКЛ.

В жалованных грамотах ВКЛ, ВКМ и НК выявлены блоки, в которых определяются разные типы податей, льготы на выплату податей и срок их действия. Это может быть один блок или группа. Во втором случае они образуют отдельный фрагмент (ВКМ, ВКЛ, НК), который мы условно называем податным.

Состав СБ в податном фрагменте отличается разнообразием. Распространены блоки со значением: 1) указания льгот при выплате податей (ВКМ, ВКЛ, НК); 2) указания срока действия этих льгот (ВКМ, ВКЛ). Кроме этого в жалованных грамотах содержатся указания типов податей (НК, ВКМ, ВКЛ), запреты собирать подати представителям власти (ВКЛ) и т.п.

СБ со значением указания льгот при выплате податей вербализуется УК не надобе ему / имъ (потягнути къ городу ни въ которую дань) / (моя дань) [указание типов дани] (ВКМ): Также не надобе тому игумену или попу моя дань, ни зборное, ни петровское, ни рожественное, ни к старосте поповскому с тяглыми попы тянути, ни инаа никоторая пошлаина (АФЗХ, I, № 189, 1464, с. 171); Даль есмъ имъ волю, не надобѣ имъ поятнути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ кормы, ни въ стань, ни въ которыи проторь (ГВНП, № 86, 1337–1339, с. 143); мають [антропоним] [указание типов дани] ([указание срока действия льгот]) вольни бытии (ВКЛ): Мають тые бояре, мещане и вси подданные наши места нашего Белое Церкви черезъ тую десять летъ отъ всех тых платов вышнейменых, и роботъ, и послуг замковых волни быти (КЗ, XLIII, № 8, 1555, с. 53).

Блок со значением указания срока действия льгот отличается значительной вариативностью вербальной презентации, которая может свидетельствовать о процессе его формирования: И коли велю своему писцю писати Соль и села, а даньщикУ своему дань брати, и тогда пи-

сець мои монастырьских варницъ и села и деревен(ь) не пишет, а даньщикъ дани не гмлют в ту п#т(ь) лѣт, а вѣдагть их архимандритъ собѣ; такъ ж(е) соцкои, ни дворьскои, ни п#тидес#тникъ на тѣх хр(и)стѣ анѣхъ яму на них не гмлют, ни мечют некоторых проторовъ, ни подводъ в ту п#т(ь) лѣт (АСЭИ, II, № 351, 1451, с. 347); Але в тых всих полатех, подачьках, роботах и послугах волно и спокойно они отъ нас, г(о)с(по)д(а)рѣя, и тежъ отъ вряду того замку нашего Белое Церк-ви черезъ тотъ часъ десят летъ захованы быти мають (КЗ, XLIII, № 8, 1555, с. 53).

СБ со значением запрета действий и санкции за нарушение запрета составляют запретный фрагмент жалованных грамот ВКМ и ВКЛ. Основу УК, являющейся способом вербализации СБ со значением запрета действий, в московских жалованных грамотах составляют глаголы поймати, ставитися: также мои [перечисление лиц] въ ихъ дворѣ в манастырьскомъ не ставитс# никто: Также мои и ловчие тѣх людех манастырьских на лоси и на медвѣди не поимают; также мои кн(#)зи и бо"ри, и воеводы, и вс#киг гздоки въ их дворѣ в манастырьском на ставитс# никто (АСЭИ, II, № 356, 1457, с. 350). В жалованных грамотах ВКЛ используются конструкции с глаголами вызволяти, стояти, заховати: Ижъ не маемъ мы самы ... з урадовъ своих не мають в томъ дому ... на соймох и безъ соймов жадных пословъ и тежъ князей, пановъ, врадниковъ и дворанъ наших и никого иного становити и господы в немъ давати ани которого затрудненья в становенью гостей в томъ его дому ему чинити, але маемъ того ... мещанина виленьского, отъ стоянья гостей в томъ дому его вышейтисаномъ спокойно заховати до живота его самого (КЗ, XLIII, № 13, 1555, с. 59).

Санкция за нарушение запрета в актах ВКМ вербализуется посредством конструкции а кто къ нимъ незванъ въ пиръ приѣдетъ, а какова с# оу нихъ оучинитъ гибель, ино та гибель заплатити тому незваному безъ суда и безъ исправы.

Кроме общих СБ в констатирующем разделе выделены локальные блоки. Для актов ВКЛ характерны СБ со значением: 1) условий распоряжения собственностью; 2) условий службы за пожалованную собственность. Вербальное выражение первого блока совпадает с выражением аналогичного значения в купчих и духовных грамотах. Способом вербализации СБ со значением условий службы за пожалованную собственность является конструкция а намъ съ того службу (паньцерную) служити (а тяглыхъ служобъ некоторыхъ вжо не надобе тыхъ земель служити): ... купи свои, держать со всим с тым, как купил, а нам с того службу паньцерную служить, а тяглыхъ служобъ некоторыхъ вжо не надобе тыхъ земель служити (ПГ, III, № 276,

1507, с. 12). Указание условий службы встречается в актах спорадически, частотность названного блока увеличивается во второй половине XVI в.

Для старорусских актовых документов типичным является СБ со значением общей санкции за нарушение грамоты. В московских грамотах он представлен конструкцией а через сю мою грамоту кто ихъ чемъ изобидитъ или што на нихъ возметъ быти отъ меня в казни. В новгородских актах отмечена конструкция а хто сю грамоту переступить, і дастъ [указание адресата] [указание суммы].

Особенностью формуляра новгородских жалованных является обращение к людям, обладающим властью. В подобных обращениях содержится требование защищать адресата акта: *А вы, бояре двиньскіи, и жити люди, и купци, бороните купчину Сергѣева монастыря* (ГВНП, № 95, 1448–1454, с. 151). Степень распространенности указанной конструкции была различной, ее обязательным компонентом выступал глагол боронити.

Особенностью формуляра содержательной части московских жалованных грамот является наличие судебного СФ, в котором называются привилегии при осуществлении судебных действий. Судебный фрагмент включает в себя блоки со значением: 1) суда церкви / владыки; 2) запрета вассалам князя вмешиваться в судебные разбирательства; 3) определения условий совместного суда; 4) указания условий выплат; 5) определения условий суда князя / митрополита. Вербализация первого СБ осуществляется при помощи УК а ведаеть и судитъ [указание объекта] [указание субъекта]: *А ведают и судят тех своих людей архимандрит Феоктист з братьею сами во всем...* (АМСМ, № 161, 1567, с. 207). Значение запрета вассалам князя вмешиваться в судебные разбирательства вербализуется при помощи глаголов с отрицательной частицей не (не судятъ, не всылаютъ): *Наместници наши московские и волостели и их тиуни тех его людей не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным* (АФЗХ, I, № 70, 1504, с. 75). Определение условий совместного суда вербализуется при помощи конструкции а случитца судъ сместной [указание условий]: *А случитца суд сместной тем его людем з городцкими людьми, или с становыми ... и наместници наши московские и волостели и их тиуни тех его людей судят, а отца нашего Симонов митрополич приказчик с ними ж судит, а присудом делятся наполю* (АФЗХ, I, № 70, 1504, с. 75). Указание условий выплат подсудного человека состоит из двух конструкций, в первой из которых оговаривается подчинение подсудимого церкви, во втором – светской власти: а правъ будетъ или виноватъ монастырский человекъ, и архимандритъ съ братьею ведають своего человека и въ правде и въ вине; а правъ ли будетъ виноватъ ли городской / волостной чело-

век ..., и онъ въ правде и въ вине наместникамъ и волостелемъ и ихъ тиунамъ / ино ведает его и въ правде и въ вине наместникъ и волостель: А будет монастырской человек прав или виноват, ино его ведает его игумен или его приказчик и в вине и в правде ... А будет волостной человек прав или виноват, ино ведает его волостель и в правде, и в вине (АСЭИ, I, № 140, 1439/40, с. 108).

В исключительных случаях (убийство, предъявление претензий к адресату пожалования) оговариваются условия суда самого князя или митрополита: *А кому будет до самого игумена до Парфенья какво слово, и яз Феодосей митрополит всеа Руси сам его сужу* (АФЗХ, I, № 158, 1462, с. 141). В судебном фрагменте также оговариваются дополнительные условия, которые были связаны с различными ситуациями гибели людей. Их вербальная презентация характеризовалась относительной свободой изложения.

Особенностью московских жалованных грамот является наличие СБ со значением отсутствия других актов, отменяющих действие данной грамоты, который вербализуется УК а на сию / сию мою грамоту (иные, моее) грамоты нетъ: А на сию мою грамоту иные моее грамоты нет (АСЭИ, I, № 140, 1439/40, с. 108).

Содержательная часть жалованных грамот отличается вариативностью структурно-смысловой организации. Вариативность обусловлена подтипом жалованной грамоты и не связана с реализацией личностного начала.

Общность структурно-смысловой организации старорусских и старобелорусских актов проявляется в том, что любой из них может быть представлен как последовательность СБ, которые могут объединяться в более крупные структурно-смысловые единицы – фрагменты и разделы. В диахронии общность развития структурно-смысловой организации старорусских и старобелорусских купчих, жалованных и духовных грамот проявляется: 1) в расширении содержательной части грамот за счет увеличения числа используемых СБ; 2) во включении в концовки указаний на дату и место составления документа.

Важнейшее отличие между старорусскими и старобелорусскими актами состоит в том, что к концу XVI в. старобелорусские акты характеризуются сложившейся структурно-смысловой организацией, включающей в себя оформляющую часть, состоящую из зачина и концовки, и содержательную часть, которая в жалованных грамотах последовательно делится на казусно-мотивировочный и констатирующий разделы. В этот же период в старорусских актах фиксируется процесс формирования трехчастной структуры. Зачины являются обязательным элементом только в духовных грамотах и в части жалованных грамот. В старорусских купчих и в некоторых жалованных грамотах элементы, относящиеся к зачину, включены в содержательную часть.

Различия структурно-смысловой организации купчих, жалованных и духовных грамот ВКМ, НК и ВКЛ проявляются в наличии локально закрепленных смысловых единиц. Локально маркированы блоки со значением извещения в актах ВКЛ; фрагменты, определяющие условия совместного суда, в жалованных ВКМ. В старобелорусских жалованных и купчих грамотах выдерживается достаточно строгая последовательность СБ и способов их вербализации, в старорусских купчих и жалованных наблюдается отсутствие такой последовательности: блоки могут занимать разное место в составе содержательной части, блоки содержательной части включаются в концовку.

Жанровые различия отражаются, прежде всего, в широкой вариативности структурно-смысловой организации духовных грамот по сравнению с купчими и жалованными. Это проявляется в: 1) пропуске в текстах отдельных СБ и фрагментов; 2) отсутствии закрепленной последовательности их предъявления; 3) случаях переплетения нескольких фрагментов в единое целое. Для содержательной части духовных грамот характерна наименьшая устойчивость изложения: каждая из рассмотренных конструкций может иметь свои варианты. Стилистическое единство текста духовных формируется посредством повторения глаголов со значением передачи собственности и типовых синтаксических моделей.

В ходе исследования были выявлены следующие закономерности взаимосвязи между структурно-смысловой организацией текстов и социальным статусом субъектов деловой коммуникации: 1) в купчих грамотах, составленных от имени коллективных официальных лиц (монастыри, церковные общины), последовательно употребляются блоки со значением владения, подробно описывается собственность и точно характеризуются ее границы; 2) жалованные грамоты, составленные от имени лиц с высоким социальным статусом, содержат в себе большее число СБ и характеризуются более жесткой структурно-смысловой организацией по сравнению с грамотами, составленными от имени удельных князей; 3) в духовных грамотах лиц невысокого социального статуса содержится минимальное количество распоряжений, касающихся в основном возврата долгов или передачи земли церкви; в духовных грамотах, составленных от имени владельцев с высоким социальным статусом, преобладают блоки, в которых фиксируются отдаваемые распоряжения и подробно описывается имущество; духовные великих и удельных князей имеют общегосударственное значение и приближаются к жалованным грамотам.

РАЗДЕЛ III

ФОРМУЛЫ, УСТОЙЧИВЫЕ И СВОБОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ТЕКСТАХ СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ АКТОВ И ИХ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ

Для вербализации СБ использовались формулы, устойчивые и свободные сочетания. Вопросы становления и развития в старорусской и старобелорусской деловой письменности единиц различной степени устойчивости рассматриваются в работах Г.А. Селиванова [338; 339; 340], Е.С. Дедовой [158], Ф.И. Томашевича [374], А.С. Аксамитова [3, с. 160–173]. Формулы и устойчивые сочетания в лексико-семантическом плане относятся к сакральным, канцелярским, бытовым, юридическим группам [206]; располагаются в зачинах, блоках содержательной части или в концовках актов; представлены как предложно-падежными формами, словосочетаниями, так и частями сложных предложений [312, с. 106–110]; характеризуются лексической вариативностью [189, с. 5]. С их образованием «было связано постепенное сложение ... своего рода постоянств определенных лексических и фразеологических средств, организованных в определенные синтаксические конструкции» [243, с. 126].

Использование формул и устойчивых сочетаний при вербализации смысловых отрезков, во-первых, позволяло закреплять «важные имущественные отношения, право собственности» [183, с. 42] без возможности инотолкования, а во-вторых, делало текст акта доступным широкому кругу людей. А.Н. Качалкин считает формализацию языка, «использование стандартных формул и оборотов» достоинством делового стиля [208].

3.1. Формулы в актовых документах

В актовых текстах XIV–XVI вв. широко распространены формулы различного типа. Одни из них являются неотъемлемым элементом языка деловой письменности, их наличие в актах – обязательное условие стилистической организации текстов; другие представляют собой вкрапления в деловой текст элементов книжного регистра. Функции формул в оформляющей и содержательной частях актов различны. В зачине с их помощью констатировались законность и правомерность совершаемых действий. В концовке – удостоверялась юридическая сила акта. В содержательной части вербализовывались юридические понятия, которые имели сквозное значение для стиля актов.

В зачинах старорусских и старобелорусских актов констатация законности фиксируемых распоряжений осуществляется с помощью формул, указывающих на сакрализацию содержания акта, на дееспособность адресанта и добровольность его действий, на широкую адресацию текста.

Для сакрализации содержания акта в духовных грамотах использовалась формула *во имя отца и сына и святого духа*. В московских духовных грамотах с XVI в. она распространялась за счет появления оборота *святыя, живоначальныя Троицы: Во имя святыя и живоначальныя троицы отца и сына и святого духа* (АФЗХ, II, № 265, 1556–1567, с. 269). В духовных грамотах ВКЛ к концу XVI в. употреблялись различные формулы: *Во им" Втца и Сына и Светого ДУха. Амин* (ТБ, № 48, 1597, с. 253); *Во им" Г(о)с(по)да Бога ВсемогУщого во Троици Единогo, Втцы и Сына и Светого ДУха. Амин* (ТБ, № 44, 1596, с. 236); *Во им" Бога в Троицы Единогo* (ТБ, № 35, 1591–1592, с. 187).

В духовных грамотах ВКЛ использовались также формулы с глаголом *станься* и существительными *память, речь*: *Во име Втѣца и Сына и Светого ДУха Светое Живоначалное Нерозьдильное Троицы. Аминъ. Станьсе ку вечной речы* (ТБ, № 34, 1559, с. 183); *Во им" Втца и Сына и Светог(о) ДУха, станьсе ку вечной памети. Амин* (ТБ, № 114, 1598, с. 530). С XIV в. сакральные формулы встречаются в отдельных старобелорусских жалованных грамотах в кратких вариантах: *Во имя Божое, станься* (АВК, V, № 465, 1388, с. 133); *Во имя всесил(ь)ного бога, амин(ь)* (ПГ, II, № 266, 1506, с. 212); *Во имя бож(ь)е амин(ь)* (ПГ, III, № 286, 1508, с. 26).

Для указания дееспособности завещателя использовались формулы, подчеркивающие духовное и физическое здоровье адресанта и указывающие на то, что акт был составлен перед его смертью. В старорусских актах функционировала формула *своимъ целымъ умомъ и розумомъ*, происхождение которой А.Ф. Литвина связывает с заимствованием из византийских завещаний-образцов [263, с. 577]. В московских духовных грамотах, составленных от имени князей, указанная формула совмещалась с формулой *в своемъ здоровье* в значении 'в хорошем состоянии здоровья, не будучи больным' (СРЯ, 5, с. 365), подчеркивающей правомочность всех отдаваемых распоряжений. В старобелорусских духовных использовались формулы *при добромъ розуме и зуполное памети, зъ досконалой памяти, зъ доброй памяти, своимъ целымъ умомъ, будучи доброго и целого розуму и зуполное памети* и др.: *А такъ " ... ижъ не з жадного примушен" ани з людское намовы, вдно по до[б]рой воли своей, будУчи доброго и целого розуму и зУполное памети, наперед порУчаю ...* (ТБ, № 105, 1594, с. 490).

В старорусских актах ссылка на время написания акта вербализовывалась формулами отходя сего свѣта, при своемъ животѣ. Формула при своемъ животѣ в значении 'при жизни' (Срезн., I, 868) распространена в новгородских духовных грамотах: ... *списахъ рукописаніе при своемъ животѣ* (ГВНП, № 120, не позднее 1471, с. 177) с XIV–XV вв. С середины XV в. зафиксированы случаи совмещения этой формулы с формулой отходя сего свѣта в значении 'уходя из земной жизни' (Срезн., III, 297): *пишу сие рукописание при своемъ животѣ, отходя свѣта сего* (ГВНП, № 210, середина XV в., с. 237); или с формулой своимъ цѣлымъ умомъ. В отдельных старобелорусских актах функционировали формулы передъ часомъ за живота, зъ сего света сходечи, лежучи на смертельной постели: иж будучи " теперешнего часу ит Г(о)с(по)да Б(о)га навежоный хоробю, лежучи на смертельной постели, пишу сес мой тестаменьтъ (ТБ, № 39, 1595, с. 212).

Абсолютная добровольность создания акта вербализовывалась формулой никимъ / ничимъ не нужень в значении 'без принуждения' (Срезн., II, 472): *пишу гра[моту душе]вную, ничим же не нужень* (ДДГ, № 4, около 1358, с. 15), которая использовалась в московских духовных грамотах, составленных от имени великих князей. В новгородских актах подобные формулы не функционировали, а в старобелорусских актах они распространены как в духовных, так и в купчих грамотах. В духовных грамотах ВКЛ функционировали формулы с существительными примушенье, намовенье, намова, сочетанием по доброй воли: ... ижъ " не зъ жадного прымУшень", ани з намовы людское, только самъ по своей доброй воли ... даю и дарУю мальжонце своей ... (ТБ, № 22, 1590, с. 125).

В купчих грамотах ВКЛ добровольность создания акта вербализовывалась формулой добровольнымъ вечистымъ листомъ / записомъ: ... визнаваю и чиню сам на себе симъ моимъ продажнымъ листомъ добровольнымъ вечистымъ записомъ (НИАБ, 1598, ф. 1751, оп. 1, д. 3, л. 186).

Формулы, подчеркивающие широкую адресацию актов текстов, характерны для актов ВКЛ: чинимъ / чиню знаменито / знакомите / явно / тымъ / симъ нашимъ / моимъ листомъ / симъ тестаменьтомъ всимъ и кождому зособна; визнаваемъ / визнаваю тымъ / симъ нашимъ / моимъ листомъ; ознаймемъ / ознаймую тымъ / симъ нашимъ / моимъ реестромъ. Предположительно, они заимствованы из западноевропейских канцелярий, по мнению А. Золтана, через посредство польского языка, о чем свидетельствует употребление «слова *лист* 'грамота' в начальной формуле при употреблении древнерусского эквивалента грамота» [185, с. 14]. Глагол чинити в сочетании с наречиями знаменито, знакомите приобретает фразеологизированное значение 'извещать, давать знать, объявлять' (Срезн., III, 1518). В таком значении

глагол чинити отмечается только в актах ВКЛ: ±, *Катарына Станиславовъна Подласковича ±кубовича Петровъска*", *зем"нька г(о)с(по)д(а)рьска*" повету Слонимског(о), *чыню "въно сим тестаментъ-том встаточною волею моею, кому тог(о) потреба будетъ ведати нынешним и напотомъ будучыи* (ТБ, № 98, 1590, с. 461–462). Диахронический сдвиг в развитии указанных формул был обусловлен доминированием с XVI в. вместо сочетания чинити знаменито глаголов вызнавати, ознаймавати: ... и вызнаваю сама на себе сим нынешним и напотом будУчимъ [...] листом моим доброволне Учыненым и ит мене справленным сею встатънею волею моею Учиненою (ТБ, № 104, 1592, с. 486).

В концовках старорусских и старобелорусских актов с помощью формул удостоверяется юридическая сила документа. Для реализации этой функции формулы используются при указании юридического закрепления акта и именовании свидетелей. В актах ВКЛ и в единичных купчих грамотах НК функционировала формула а на то люди добрые, в составе которой сочетание люди добрые имеет фразеологизированное значение 'свидетели' (Срезн., II, 93): *А на то люди добрыи: Олфереи Семеновъ, Василеи Макарьевъ, Фотхи Турбасовъ* (ГВНП, № 302, 1459–1469, с. 298); *Прото при том были и того добре сведоми люди добрые: наперед викареи плебании Дворецкое кн(")зь Павел Кгримала; пан Богушь Михайлович, возный повету Слонимского; и брат" мои пан Щасный и пан Мартинъ ±кубовичы Васевичукие* (ТБ, № 88, 1582, с. 426), при этом «лексема добрый в общеупотребительном смысле соотносится в юридическом контексте с микросемой "надежный"» [294, с. 121]. В московских купчих грамотах и в большинстве новгородских актов в соответствующей текстовой позиции употреблялось терминологизированное сочетание а на то послухи: *А на то послухи с обн половннн* (ГВНП, № 286, 1419–1420, с. 289). До середины XV в. «послухи лишь упоминаются в качестве свидетелей сделки, а не самого акта» [254, с. 116], со второй половины XV в. они запечатывают грамоту и прилагают руку. Этот процесс отражается в формулах руку приложити (ВКМ), руку подписати (ВКЛ), которые имели значение 'поставить свою подпись, подписаться' и представляли собой «необходимый штамп делового языка» [234, с. 66]: *А братъ мои пан Петръ а пан Василеи и рУками своими сес мои тастаментъ подписали* (ТБ, № 78, 1570, с. 381).

Для указания на юридическое закрепление акта в новгородских актах XV в. использовались формулы с глаголом сидети в значении 'присутствовать в качестве официального лица' (СРЯ, 24, с. 130): а у грамоты духовной сидельъ; с глаголом стояти: стояти у печати в значении 'присутствовать' (Срезн., III, 528), стояти в свое место: *А у печати стояль Романъ ...* (ГВНП, № 179, середина XV в., с. 218).

Формулы содержательной части репрезентировали разнообразные юридические понятия, круг которых был обусловлен жанром документа.

В купчих грамотах XIV–XVI вв. с помощью формул указывалась нерушимость сделки или обозначалась продажа собственности без каких-либо исключений. Для вербализации нерушимости сделки использовались формулы *въ дернь (безъ выкупа) / въ одерень* (НК), *впрокъ безъ выкупа* (ВКМ), *обель вечно и непорушно* (ВКЛ). Формула *въ дернь безъ выкупа (въ одерень)* – одна из древнейших формул актов. Значение лексемы *въ одерень* интерпретировано как 'совершенно, сполна, в полную собственность' (Срезн., II, 613). Ее появление связывается с доактовым периодом совершения сделки [23, с. 89–90], когда дерн был символом обряда, сопровождавшего переход земли от одного владельца к другому; с земельными порядками вечевых республик [28, с. 113]. Формула *впрокъ безъ выкупа* «появляется в первую очередь в грамотах, отражающих сделки купли-продажи между светскими лицами» [188]: с XIV в. в московских купчих грамотах, со второй половины XV в. в отдельных новгородских актах. К концу XVI в. в московских актах она сохраняется, а из состава новгородских актов исчезает. В старобелорусских актах XV – начала XVI в. в сходном значении использовалась формула *обель вечно и непорушно*, где лексема *обель* имела значение 'в полную собственность, полностью' (СРЯ, 12, с. 31): *продал есмь село свое ... ничог(о) в той земли не оставляя на себе, обел(ь) вечно и непорушно* (ПГ, III, № 308, 1510, с. 63). В XVI в. формула *обель вечно и непорушно* выходит из употребления, на ее месте функционируют устойчивые сочетания *на вечность, на вечне часы, вечно и ничимъ непорушно: продали е смо тые вечно и ничимъ непорушно тое имение наша земенину ...* (НИАБ, 1598, ф. 1751, оп. 1, д. 3, л. 140). Возможность диахронического сдвига была обусловлена затемненностью значения лексемы *обель* уже в XVI в.

Для новгородских актов характерна формула *все безъ вывѣта: В семь ободѣ все безъ вывѣта* (ГВНП, № 108, 1389–1415, с. 165); для московских – *со всемъ, что изстаринны потягло: ... и со всем тем, что к тому потягло, и с лесом со всем* (АСЭИ, I, № 18, 1410–27, с. 35). Глагол *пот#нути* в значении 'принадлежать' (Срезн., II, 1307) характерен только для деловых текстов и используется либо при описании повинностей разного типа, либо при описании собственности. В грамотах ВКЛ отмечены формулы с глаголами *вживати, прислухати / прислушати: какъ есмо сами в той земле вживали, что къ тому изстаринны прислухало: ... со всеми теми въходы, какъ есмо сами в той земли вживали ...* (ПГ, II, № 261, 1505, с. 206).

Формулы, указывающие границы земельных угодий, в московских актовых документах представлены метафорическим выражением с глаголом *ходити*, который в сочетании с названиями орудий труда имел значение 'места, где человек работал' (Срезн. III, 1380), *куды коса*

и соха и топоръ ходили: .. его землю пустошь Копыловскую, и с пожнями, и со всем, что к ней потягло, куды его соха и коса и топор ходил (АСЭИ, II, ок. 1430-х–40-ых гг., № 93, с. 56). В новгородских актах использовался оборот а межи по старымъ межамъ: А межи тымъ землямъ по старымъ межамъ (ГВНП, № 270, XV в., с. 273). В старобелорусских текстах формулы в сходном значении не употреблялись: А рубеж той земли почовши от Бохней от речки Ушачою рекою у верх, а с Ушачи реки в Солоницу реку ... (ПГ, II, № 208, 1493, с. 131).

Терминологизированные формулы в содержательной части старорусских и старобелорусских купчих использовались: 1) для названия различных актов: купчая грамота, духовная грамота, жалованная грамота, меновная грамота, данная грамота, кабальная грамота (ВКМ, НК), листъ купный, листъ продажный (ВКЛ) (для старорусских актов характерно употребление сокращенной формы, включающей в себя только прилагательное, что объясняется устойчивым повтором предметной части названий [209, с. 72]); 2) для именованя типа собственности: земли меновные, земли вотчинные (ВКМ, НК), землю свою отчизную, землю свою дедизную (ВКЛ в XV – начале XVI в.), состав которых в диахронии изменяется за счет появления лексем именье, часть: именье проданое, именьце свое отчизное, часть отчизную: продали есмо ... всю часть мою отчизную (АВК, XXII, № 643, 1570, с. 431).

В содержательной части духовных грамот с помощью формул вербализуются обобщенные распоряжения, делаются ссылки на время совершения действия. В основе формул – обобщенных распоряжений – в духовных ВКЛ лежат глаголы поручати / полецати: поручати въ опеку, поручати въ оборону, поручати въ ласку, поручати Богу: напроуд душиU свою порУчаю в ласку и в милосердьє Г(о)с(по)дU Богу Всемогущому в Троицы Единому (ТБ, № 48, 1597, с. 254).

В старорусских духовных грамотах стилистически значима группа формул с глаголом приказывати в переносном значении [281, с. 616] 'передавать, отдавать по завещанию' (Срезн., II, 1410), 'поручать, завещать' (Срезн., II, 1409), 'поручать, предоставлять заботам' (Срезн., II, 1409): приказывати жену свою и дети, приказывати братью твою, приказывати животъ свой, приказывати душу свою, приказывати приказъ: А приказываю тобѣ, с(ы)ну сво~му Семену, братью твою молодиую и кн#гиню свою с меншими дѣтми, по божѣ ты имъ будешь печалникъ (ДДГ, № 1, 1339, с. 8). Со второй четверти XV в. в московских актах фиксируется изменение состава формулы: поручение души завещателя вместе с членами его семьи: А приказываю свою дУшU и детеи своих менших, Юрь#, Дмитрея, Семена, Андрѣ#, с(ы)ну своемU Васил(ь)ю (ДДГ, № 89, 1504, с. 363). Формула приказывати душу свою имеет значение 'поручить кому-либо исполнение своей последней воли и заботу о поминании души' (СРЯ, 4, с. 385) и употребляется в актах,

составленных от имени лиц разного социального статуса. В этот же период глагол приказывати употребляется со ссылкой на акт: *А грамоту душевную приказываю своей жене Ирине...* (АСЭИ, III, № 494, 1450, с. 473); в этом случае реализуется его значение 'поручать, отдавать чьим-либо заботам' (СРЯ, 19, с. 173).

Со второй половины XVI в. формула приказывати душу свою разрушается, что обусловлено употреблением глаголов помянути, устроити: *А приказываю душу свою устроить Василью Васильеву сыну Усова да Федору Нечаеву сыну Усова* (АФЗХ, II, № 371, 1580–1581, с. 415). В актах появляется новая формула устроити душу в значении 'учредить поминовение по умершему' (Срезн., II, 1288), к которой близки формулы по душе в значении 'за упокой' (Срезн., I, 750), поправити по душе в значении 'исполнить завещание, совершить, что следует для поминовения' (Срезн., II, 1196).

В новгородских грамотах употребление формул с глаголом приказывати факультативно. Начало содержательной части маркирует формула приказывати животъ свой в значении 'отдавать, передавать по завещанию имущество' (Срезн., II, 1410), конец – формула приказывати приказъ в значении 'поручать, завещать' (Срезн., II, 1409): *А приказъ приказываю старости лучькому Дмитрию Яковличю, и Фатию Григорьевичю и Тарасу Яковличю, и всеи луки Чюхъченимьскойи моеи осподи* (ГВНП, № 256, XV в., с. 266).

В старорусских и старобелорусских духовных грамотах функционирует группа формул со словом животъ, которое реализует значения 'жизнь' и 'имущество' (Срезн., I, 867). В формулах новгородских актов реализуется значение 'имущество': животъ домашней, всхдитъ въ животе моемъ, животомъ въ роздѣле. Формула всхдитъ въ животе моемъ, по-видимому, имеет значение 'не выходить замуж после смерти мужа' и отмечена в акте 1393 г.: *А жена моя, оже всхдитъ в животѣ моемъ, ино осподарына животу моему* (ГВНП, № 110, 1393, с. 168). Формула животомъ въ роздѣле используется для описания общего процесса разделения всего имущества. В духовных грамотах ВКМ и ВКЛ выявлена группа формул – предложно-падежных сочетаний, в которых обозначены временные рамки отдаваемых распоряжений. В московских актах – по животе моемъ, после моего живота, до ее / его живота: *А ис тыхъ сел, котора" буд(у)ть за кн#гинью за М(а)рь(е)ю села, т[h до ее] живота, а по ее животѣ тh села с(ы)ну моему, кн#з(ю) Дмитрию...* (ДДГ, № 4, около 1358, с. 17). В старобелорусских духовных – при животе, въ животе, за живота, в значении 'при жыцці' (ГСБМ, 10, с. 22), въ животе не станеть, до живота: *тогда малжонъце моеи Галене повинъни будУть того всего именъ" третью часть на выхованъе до живота ее выделить ...* (ТБ, № 23, 1590, с. 130).

Особенность языка духовных грамот ВКЛ проявляется в наличии формул со словом смерть, которые в русских актах не встречались: по его смерти, смертью живота своего запечатати не может: *Иж кождый ч(о)л(о)в(е)къ, который се на свет не народил, тот смертью живота своего запечатати не может* (ТБ, № 3, 1578, с. 51).

В старобелорусских актах формулы использовались для обозначения периода взросления детей завещателя. Это группа формул с лексемой лето: въ летехъ в значении 'ў гадах' (ГСБМ, 17, с. 14), зуполные лета 'стали ўзрост' (ГСБМ, 17, с. 14), дорости летъ 'стаць дарослым' (ГСБМ, 17, с. 14), мети лета 'быць дарослым' (ГСБМ, 17, с. 15), доховати до летъ, прийти до летъ, лета выводити будутъ: *А кгда старший сынъ мой Вктави"нь до лет своих придет а похочет ли, мает емУ част его належачУю выделити и дат, а на тых сама мешкат мает. Аж такъ кождомУ лета выводити бУдут, тож им части давати мает* (ТБ, № 14, 1586, с. 94).

Кроме формул, основанных на фразеологизации или реализации переносного значения слова, в духовных распространены терминологические формулы, называющие различные типы актов, указывающие зависимых людей: 1) люди полные, люди грамотные, численные люди, купленные люди (МК); 2) челядь дерноватая, люди пошлые (НК); 3) люди тяглые, люди зосталые, люди отчизные, люди оселые, люди роботные, люди приходные (ВКЛ): *з людми тяглыми, отчизными, оселыми, роботными ...* (АВК, II, № 91, 1580, с. 209).

Отличие старобелорусских духовных грамот от старорусских проявляется в функционировании формул, указывающих разные типы правовых отношений: право прирожное, право Статута, право магдебургское, жадное право, право посполитое; виды собственности: маетность рухомая, убогая маетность, речи рухомые, имена лежащие; виды используемых денег: гроши широкие, гроши добрые, гроши готовые: *вписУю и ей даю и дарую вечными ч(а)сы УбогУю маетност свою рУхомУю, то ест: грошы готовые, золото, серебро, цын, медь ... ино на той Убогой маетности, кгрунте своем, малжонку свою зоставую до жывота ее* (ТБ, № 17, 1590, с. 105).

Стилистическое своеобразие языка духовных проявляется в использовании книжных, литературных формул. Они представляют собой лексико-синтаксические единицы, основным признаком которых является их яркая образность, метафоричность. Так, в новгородской духовной грамоте XIV в. зафиксирована формула не двинути костью: *А ты, сынъ мой Степане, і внуцата мои, костью моею не двиньте ...* (ГВНП, № 111, 1435, с. 171) в значении 'не нарушить желания умершего' (СРЯ, 7, с. 375), в духовных грамотах ВКЛ представлены формулы приходити въ забытье, сплывати съ памяти: *... вси речы на свете с часом с памети людское сплывают...* (ТБ, № 5, 1579, с. 57–58). В отдельных акто-

вых документах обнаруживаются ряды литературных формул и устойчивых сочетаний: *±, Ганна Михайловна Котовна, ведаючи " тое, иж кождый человекъ, который видно се тут на тот светъ народил, повинень, коли вол# Бож# приидет, тот долгъ П(а)ну Б(о)гу, дУшУ с тела своего, до рУкъ втдати Его Светои М(и)л(о)сти* (ТБ, № 63, 1574, с. 305).

В содержательной части жалованных грамот широко используются формулы, с помощью которых вербализуются указания на различные типы налогов, пошлин, особенности судебных процессов.

И для старорусских, и для старобелорусских жалованных характерно наличие формулы *бити челомъ*, которая вводит в жалованных грамотах обращение к адресанту пожалования и употребляется в значении 'просить' и одновременно 'жаловаться', объясняя причину просьбы, что сходно с употреблением указанной формулы в частной переписке [367, с. 149–151]: *И тыми разы они били нам чолом, абыхмо их подлуг тых листов в том не рушили ...* (ПГ, II, № 252, 1502, с. 191).

В московских жалованных группа формул определяет судебные процессы. Формулы *ведати въ правде и въ вине, быти въ правде и въ вине* имеют значение 'быть подсудным кому-либо, быть в ответе перед кем-либо' (СРЯ, 2, с. 180).

Значительно шире, чем в купчих и духовных грамотах, в жалованных распространены терминологические формулы, посредством которых в актовых текстах называются различные типы пошлин, виды судов: *судъ сместной, потянути потугомъ, доброволно ловити, не позывати ихъ позовницами, никоторыхъ пошлинь, ни гостинога, ни поралного, ни подъздного, ни подзорного, ни описчега, ни помърного: не имати гостиного ничего же никоторыхъ пошлинь, ни подоралного, ни подзорного, ни описчега, ни подъздного, ни побережного, ни помърного* (ГВНП, № 95, 1448–1454, с. 151).

Локальные отличия в стилистической организации исследованных текстов обусловлены тем, что степень представленности формул в зачинах и концовках актов ВКЛ значительно шире, чем в московских и новгородских документах.

В то же время купчие, духовные и жалованные ВКЛ характеризуются единообразием использованных формул, в отличие от старорусских грамот, в которых обнаруживается закрепленность формулы за определенным жанром. Например, при указании свидетелей, в актах ВКЛ используется формула *а на то люди добрые*, в то время как старорусские грамоты фиксируют целый набор формул: *а у грамоты сидель* (духовные), *а у печати стояль* (купчие), *а на то послухи* (духовные, купчие), *а на то люди добрые* (купчие).

Каждый жанр актовых документов характеризуется превалированием формул определенной тематической группы, что и определяет его лексическую жанровую специфику.

3.2. Устойчивые сочетания в актовых документах

В текстах актов XIV–XVI вв. распространены устойчивые сочетания, которые использовались для вербализации типичных юридических действий или распоряжений.

В купчих грамотах с помощью устойчивых сочетаний вербализуется констатирующая функция. Это глагольно-именные устойчивые сочетания, относимые к прошедшему времени. Они включали в свой состав глаголы *платити*, *купити*, *продати*, *дати*, *взяти*. Локальные варианты обусловлены формами глаголов (аорист – НК, перфект – ВКМ и ВКЛ); разными именованями собственности; разными указаниями стоимости покупки.

Для указания сделки купли-продажи употреблялись устойчивые сочетания *продати землю*, *продати землю свою*, *продати именье (мое дедизное / материстое)*, *купити землю*. Функционирование глаголов *продати*, *купити* являлось стилеобразующим элементом деловой письменности, так как: 1) это ключевые глаголы, на основе которых формируется простое или составное самоназвание документа [204, с. 85–86]; 2) название документа – это «отражение и обобщение в краткой формулировке наиболее существенных сторон содержания» [202, с. 79]: *я Михайло сполечне с жоною моею Катериною именье мое материстое Узловское в повете Слонимскомъ ... продалъ есми вечно и непорушине* (АВК, XXII, № 579, 1570, с. 317).

С функционированием устойчивых сочетаний с глаголами *купити* – *продати* соотносится функционирование сочетаний с глаголами *дати* – *взяти* при указании цены: *взяти на томъ – дати на томъ*; сочетания, отмеченного в конце XVI в. с глаголом *платити*: *платити пошлины*. В зависимости от того, кто выступал составителем документа (продавец или покупатель), основу устойчивого сочетания составляли глаголы *дати*, *взяти*, *продати*: *взял ... на том полудворе* (ВН, № 72, 1591, с. 152), *взял на тех своих хоромех* (ВН, № 74, 1591, с. 153), *взял ... на той своей полулавки* (ВН, № 20, 1591, с. 182), *взял есми за то за свое за Карповское дворище* (АМСМ, № 180, 1569, с. 229), *продалъ есми тое именье Лещанское* (АВК, XXII, № 641, 1570, с. 428).

Указание суммы, уплаченной за недвижимое имущество, в старорусских купчих грамотах, как правило, состояло из двух частей. Первая выражалась в деньгах – *белкахъ*, *кунахъ* или в *рубляхъ*, *алтынахъ*, *грошахъ*: *А дал есми по них сто белъ за дватцать* (АСЭИ, I, № 122, 1435–

1440, с. 96). Вторая часть суммы – пополонокъ, который обычно составлял скот или зерновой хлеб: *А дал есмь на ней пять рублей да пополнка овцу* (АФЗХ, I, № 43, 1464–1473, с. 57). Иногда пополонок выплачивался деньгами, сумма которых соответствовала стоимости пополонка. Позже в состав сочетаний, указывающих сумму сделки, вошли термины вручь в значении 'получение денег из рук в руки', цена, доимка. В актовых документах ВКЛ устойчивые сочетания, содержащие указание суммы, также могли состоять из двух частей. В таком случае первая часть была представлена терминологизированными формулами гроши широкие, добрые широкие гроши, а вторая представляла собой устойчивое сочетание, которое уточняло сумму, поскольку лексема гроши имела значение денег вообще (личечи) кождый грош по ... пенезей: за тридцать рублей грошеи и за три рубли на широкую личьбу, каждый грош по четырнадцати пенезей (ПГ, III, № 321, 1511, с. 82).

В духовных грамотах, как и в купчих, устойчивые сочетания выступают в констатирующей функции. Это сочетания с глаголами писати / списати, купити, продати, благословляти, дати / давати.

Глагол писати / списати составляет основу устойчивых сочетаний списати сие рукописание (НК), писати грамоту духовную (ВКМ), писати сесь / сей / мой / тотъ тестаментъ (ВКЛ): *Я, рабъ божий Никифоръ, ... пишу тотъ мой тестаментъ безъ жадного припуженья и безъ жадного намовенья* (КЗ, XLIII, № 11, 1554/1555, с. 55).

Функционирование устойчивых сочетаний с глаголами купити, продати – яркая черта новгородских духовных, так как многие из сохранившихся грамот представляют собой оформленную в виде завещания сделку купли-продажи между монастырем и частным лицом: *Продать есмь треть земли* (ГВНП, № 126, конец XIV – начало XV в., с. 184).

В старорусских актах XIV–XVI вв. употреблялись сочетания с глаголом благословляти в значении 'передать по наследству, завещать' (СРЯ, I, с. 218): благословляти селомъ, благословляти вотчинными землями, благословляти образомъ: *А жену свою благословляю образом Спасовым да образом Пречистой с ребром обложены* (АФЗХ, II, № 97, первая четверть XVI–1528, с. 92). Для констатации передачи собственности используется глагол дати, являющийся основной как устойчивых сочетаний, так и некоторых формул: дати по себе, дати по своей душе, то дати, что дати (НК, ВКМ): *А село Микинское дала есмь Федосие, снохе* (АСЭИ, I, № 228, около 1440-х, с. 162).

В духовных грамотах ВКЛ в XVI в. функционирование устойчивых сочетаний с глаголом дати в констатирующей функции ограничено. Постоянно употребляется только сочетание дати, даровати и симъ тестаментомъ моимъ остатнею волею моею ознаймовати / записати / росписати (ВКЛ), в котором глагол дати может быть пропущен: *Так*

то застоновл#ю и симъ тестаментомъ встаточное воли моее росписую (ТБ, № 68, 1578, с. 323).

В основе устойчивых сочетаний, с помощью которых вербализуется передача собственности, в старобелорусских актах лежит группа глаголов со значением письма отписати, записати, описати, которые не характерны для старорусских текстов. В актах используются устойчивые сочетания записую все, записую именье, списавиши на реестр свои долги, написавиши рукою своєю властною: Напродъ вписую имене свое Узловсы совсим, "к се тое имене свое мает: з бУдованемъ дворным, зо всимъ статкомъ рога-тымъ и нерога-тым, ... (ТБ, № 63, 1574, с. 305).

Функция долженствования в старорусских духовных вербализуется с помощью устойчивых сочетаний с формами глаголов взяти, дати, быти, боронити, наделити, ведати, отпустити, кормити в форме инфинитива, форме изъявительного наклонения будущего времени или в форме условного наклонения: А что мои люди деловые, и прикащики бы мои пожаловали, тех людей наделили из моего остатка, кой чему достоин (АМСМ, № 37, 1531–1536, с. 41).

Глаголы взяти – дати в старорусских духовных входят в антонимичные пары устойчивых сочетаний, которые составляют основу блоков со значением указания должников и кредиторов: кому ми что дати, на комъ что взяти, дати мне /ми, дати на мне, дати ми по церквамъ, взяти мне /ми, взяти по кабале, взяти безкабально: А взяти ми у подвоинского да у Ивана у Труцкого и у его днтеи восмнатцать рублевъ (ГВНП, № 111, 1435, с. 171); Дати ми в Пахнотьев монастырь игумену Пафнутию з братьею сто рублев по кабале (АМСМ, № 37, 1531–1536, с. 40). К этим выражениям примыкают сочетания с однокоренными глаголами роздати, отдати: сороковусты роздати по списку же, роздати по попямъ, роздати беднымъ, роздати по церквамъ: те деньги роздати по наших родителей или которымъ бедным (АФЗХ, II, № 299, 1562–1563, с. 310).

В старорусских духовных отмечены устойчивые сочетания с глаголами быти (быти по нихъ корму з году на годъ); ведати (ведати уездъ, ведати волости, ведати свою треть, ведати прибытокъ); отпустити (отпустити на слободу): А люди мои полные и докладные и кабальные все отпустить на слободу, и кабалы крестьянские все выдать безденежно (АФЗХ, II, № 352, 1569–1570, с. 393).

Для вербализации долженствования в духовных ВКЛ используются распространенные устойчивые сочетания, в которых употребляется глагол маети: тело грешное маеть быти поховано, маеть жити, маеть поживати, маеть шафовати: Мает вна U том дворе моемъ жити и тымъ всим, што по животе зостало, вс#кими речми владнути и поживати, тымъ всимъ шафовати ... (ТБ, № 40, 1595, с. 217).

Реализация запрета в духовных ВКЛ осуществляется с помощью форм глагола мети и отрицательных местоимений: ни въ что шкодити и переказы чинити не мети, не мети чинити кривды, ничего до того мети не могут и не мають, не мети поступовати и мощно того боронити, ничего не мети и мети не будутъ: У нее поискивати ани вспомятисе не мают и не будутъ мочи вечными часы (ТБ, № 41, 1595, с. 223).

Устойчивые сочетания в духовных разных земель могут также использоваться для указания обстоятельств, при которых создается грамота: идучи на гсудареву службу, идучи на Ворду, едучи мне на тотъ часъ до чужое земли (ВКМ, ВКЛ); определения общих действий: ведати сообча, дати замужь изобча, искати изобча (ВКМ); обозначения цели или причины: въ память по себе / по родителехъ / по детехъ, по благословенью отца / митрополита нашего.

Отличие старобелорусских жалованных грамот от старорусских состоит в том, что в них распространены устойчивые сочетания с констатирующим значением, с помощью которых описывается процесс предъявления документа класти передъ нами, вказывати передъ нами; содержание документов: а въ томъ листу стоить, въ тыхъ листехъ выписано; удовлетворение просьбы адресата: дозволити ему въ мещанъ окупати, дозволити ему держати, дозволити ему мети, вчинити на чолombитье: А такъ, мы, г(о)с(по)д(а)рь, з ласки наше на чолombите его то вчинили ... на той реце Жижме мост збудовати и гать подъ дома тых слугъ его путных справити дозволили (КЗ, XLIII, № 21, 1556, с. 68).

Функция запрета широко распространена в московских жалованных и выражается устойчивыми сочетаниями: быти отъ меня в казни, въ техъ селехъ и деревняхъ не ставитися, впрокъ ему себе не осваивати, гибели не платити, иныхъ сроковъ на нихъ не наметывати, на пиры и на братишины незваны не ездити, не имати дани, не судити ихъ, не всылати къ нимъ ни по что, не въезжати къ нимъ ни по что, никакой хитростью отъ церкви божией не отстаивати, поборовъ не брати: А наместници наши волотцкие и их тиуни кормов своих у них не емлют, и не всылают к ним ни по что, и не судят их ни в чем, опроче душегубства и розбоя, татьбы с поличным. А праведчики и доводчики поборов своих у них не берут и не въезжсают к ним ни по что (АФЗХ, II, № 21, 1495, с. 25–26).

В жалованных грамотах ВКЛ в функции запрета отмечены устойчивые сочетания: не кормити бобровниковъ, не въезжати хмель драти, не надобе на станъ ходити, не надобе подводъ давати, не надобе стану радити.

В московских жалованных грамотах ряд устойчивых оборотов с глаголом учинитися в значении 'совершаться, происходить' (Срезн., III, 1337) обозначает возможные правонарушения: учинитися у нихъ какова гибель, учинитися татба.

Большая часть устойчивых сочетаний обнаруживается в содержательной части актов при перечислении разнообразных действий. Такие сочетания выступают «в роли опорных звеньев описательного текста» [216, с. 117]. Это способствует абстрагированности актового языка и влияет на формирование стиля деловых документов. Устойчивые сочетания в тексте актов вербализовывали функции констатации, долженствования и запрета.

3.3. Свободные сочетания в актовых документах

Значимый пласт в стилистической организации актов XIV–XVI вв. составляют свободные сочетания, которые используются для вербализации индивидуальной информации. Смысловые отрезки, в которых представлена индивидуальная информация, предопределены жанрами актовых документов.

В старорусских и старобелорусских купчих грамотах свободные сочетания используются при описании передаваемой собственности, в качестве которой выступали различная недвижимость, люди и земельные угодья. Указания на продажу зависимых людей обнаружены только в актах ВКЛ, где вербализуются сочетаниями со словом *чоловекъ*: *ч(о)л(о)в(е)ка своего именем Брондука зъ его вишткими детми* (КЗ, XXV, № 167, 1501, с. 229). Покупка дворов и разнообразных построек обозначена в НК лексемами *дворъ, дворишко, полдвора, лавка, хоромъ, изба, клетушко, сени с комлатой, задворки, гумница: А хором на той чети двора избенцо наземное да клеитишко, да половина во мшаники* (ВН, № 1, 1590, с. 118). Покупка земельных угодий в купчих грамотах ВКМ обозначена посредством лексем *село, деревни, пустошь, пожня, лесъ, починокъ, лугъ, земля: и с тою землею, что ся ему достало земли в делу из селища из Высокого, да и съ Елизаровским селищем, и с лесом, и с пожнями* (АФЗХ, I, № 73, 1512–1513, с. 78). Для новгородских купчих характерны лексемы *земля, островъ, наволокъ, пожни, вода, бобровыя ловища, ловля рыбная, притеребы, орамые земли, огородъ, тоня, неотхожее место, юрмола: дворъ и дворище, на гори три поля, надъ озеромъ орамая земля и с притеребы, два наволока пожень и рѣчища и ловища* (ГВНП, № 153, середина XV в., с. 201), состав которых разнообразен. В актах ВКЛ употребляются лексемы *земля, делница, жеребеи*. Нельзя выявить стандартных способов вербализации этих смысловых отрезков, но можно утверждать, что здесь стилистическое единство документа создается за счет употребления в разных вариантах слов одного тематического ряда.

Размытость, метафоричность формул, которые использовались в ранних текстах, и постоянное использование актов в качестве доказа-

тельных документов приводит к подробному описанию всех границ. Уже с первой половины XV в. в текстах употреблялись сочетания, в состав которых входили названия природных объектов, которые могли бы быть ориентирами при обозначении территории. В московских актах упоминаются соседи и их собственность, дороги, высокие деревья, овраги, сенокосы, ямы и пахотные земли: *правая сторона Пшеничниковская, а левая Никольская, да врагом Прощеным вверх* (АФЗХ, I, № 196, 1521, с. 176). Локальную особенность актов ВКЛ составляют указания на водные объекты разных типов, с упоминанием названий или без них. Использовались лексемы *река, озеро, ручай, болото*, лексема *мохъ*, видимо, для обозначения болотистой местности, поросшей мхом. На втором месте – названия лесных объектов: лексемы *лесь, дубье, пуца*. Встречаются наименования сел: *Левьково, Колпенцо*; сочетания *мелкая лука, кладищица наротовые* (ПГ, II, № 261, 1505, с. 206). В новгородских актах, как и в актах ВКЛ, распространены ссылки на водные и лесные объекты, мхи и болота: *от Тихвини реки по ручей, по ручью вверх ко мху к Муносу* (ГВНП, № 121, XV в., с. 178).

В старорусских и старобелорусских духовных грамотах свободные сочетания используются, как и в купчих, при описании собственности, границ земельных участков, при изложении нетипичных ситуаций, послуживших причиной составления завещания, или нестандартных распоряжений. Среди описаний причин составления завещания, которые могут быть рассмотрены как свободные, в двух грамотах содержатся указания на избиение составителя акта: *А бил м# Михаило Скобелциин Болюи съ своими людьми с Куземькою, да с-Иваиком с Щокотом, да брата его ч(е)л(о)в(е)къ Михаиловъ Меншево Дмитрок Зуи, а бил м# оу своге(о) села. А поити ми съ их рук (АСЭИ, III, № 68, 1482, с. 103); ачь на тот час за припадком на себе зрадливого а шкодливого зранен"wt слуги п(а)на Михаила Боговитина Козерадског(о) на име wt Щастног(о) Слабковског(о) и wt жоны его Барбары на теле своем смертельне вбтежоныи* (ТБ, № 12, 1580, с. 85).

Передаваемая по духовной грамоте собственность включала в себя не только недвижимое имущество, но и домашний скот, драгоценности, предметы церковного культа (иконы, кресты, молитвенники), посуду, одежду: *При той же постели простира вдъна коленска", а другая кужелна, жупанъ муравьский шарыи, лисами подшитыи, ерм"къ муравский шарыи з инурами и з строкою чорною, мечъ за чотыри золотых, кордь з ножами за три золотых ...* (ТБ, № 12, 1580, с. 87).

В московских жалованных грамотах свободные сочетания отмечены в казусно-мотивировочном и констатирующем разделах. В казусно-мотивировочном разделе свобода изложения характерна для объяснения причин обращения с просьбой о пожаловании. Это могут быть указания на тяжесть положения в определенных местах, бед-

ность зависимых людей: *они охудали и одолжали, ... и от того прожити немочно* (АФЗХ, I, № 223, 1564, с. 198); *его село нынеча запустело* (АФЗХ, II, № 1, 1450, с. 9).

В констатирующем разделе передаются позволения делать все, что нужно: *в Шохснѣ туто, гдѣ им любо* (АСЭИ, I, № 102, 1432–1445, с. 82); разрешения беспрепятственного проезда: *слуга поедет или христіяни их пеши поидуть зиме или лете* (АСЭИ, II, № 432, 1505, с. 474); разрешения бить нарушителей: *яз тех ... велел есми их бити* (АФЗХ, I, № 247, 1457, с. 211).

До нашего времени сохранилось незначительное количество новгородских жалованных, поэтому трудно установить, насколько устойчивы или свободны сочетания, однако только в единичных грамотах зафиксированы сведения о взимании лишних налогов: *они емлют у нашихъ сиротъ на Терпилове погосте поралье* (ГВНП, № 89, около 1411, с. 146); указания способа передвижения: *зимѣ на возѣхъ, а лѣтѣ на о[ди]ннацати лодыхъ* (ГВНП, № 95, 1448–1454, с. 151); указания удаленности монастыря: *наша пустынка, от миру удалѣла, сто верьсть от людѣи* (ГВНП, № 96, 1459–1469, с. 152); указания различных обстоятельств: *в той лодѣи коли товаръ замерзеть, ино тотъ товаръ положить на возы* (ГВНП, № 101, 1476–1477, с. 156).

В жалованных грамотах ВКЛ свободные сочетания локализованы в казусно-мотивировочном разделе. Это просьбы о подтверждении ранее существующих привилегий; о признании уже совершенных сделок; о разрешении на постройку и открытие корчмы и т.п.: *в том имени его Степкове, у борку надъ болотомъ Сасыновимъ, корчму вольную збудовати и в ней медъ, пиво и горелое вино добровольне держати* (КЗ, XLIII, № 14, 1555, с. 59); о запрете проезда по земле адресата и постройке моста, поскольку *новые дороги сеножатѣи и полѣи его собе покладають ..., за чимъ он яко в потоптанью сеножатей и збожся [в] полях своих и въ покаженъи гребли своее немалую шкodu приймаеть* (КЗ, XLIII, № 21, 1556, с. 68). Так как причины были самыми разными, говорящими и пишущими избирались вербальные средства, которые могли детально охарактеризовать ситуацию.

И в старорусских, и в старобелорусских актах свободные сочетания не нарушают стилистической однородности текстов, так как их положение определяется особенностями структурно-смысловой организации, а основной функцией является детализация изложения, способствующая точному пониманию текста.

3.4 Формулы, устойчивые и свободные сочетания при именовании субъектов деловой коммуникации

Среди разнообразных смысловых отрезков текста, которые вербализуются формулами, устойчивыми или свободными сочетаниями, показательными являются именованья субъектов деловой коммуникации, так как 1) принадлежность адресата и адресанта грамоты к официальным или частным, индивидуальным или коллективным субъектам может влиять на язык акта; 2) в особенностях именованья субъектов деловой коммуникации находит отражение языковая картина мира восточных славян [271, с. 10]. Модели именованья субъектов в актах включают в себя от одного имени до перечисления титула, состоящего из 8–9 словоформ. Имя сопровождается указанием степени родства, рода занятий лица, ссылкой на членов его семьи или перечислением их как равноправных субъектов правовых отношений. Наиболее значимыми являются именованья адресата и адресанта, что характерно для любого текста делового стиля [126, с. 18–20]. В то же время именованья отражают «социолингвистический статус населения» [359, с. 14]. Исследование особенностей именованья лиц в деловой письменности проводится в работах Н.В. Комлевой [223], С.М. Каштанова [211], Л.В. Окуновой [304], С.Е. Емельяновой [163].

Именованья коллективных официальных лиц

Коллективные официальные лица, которыми чаще всего являлись церковные общины, выступали в качестве адресанта и адресата в купчих и жалованных грамотах, в качестве адресата в духовных грамотах.

В старорусских купчих грамотах использовались формулы и устойчивые сочетания, в которых перечислялись игумены, архимандриты, старосты и их имена, посредством лексем с обобщенным значением назывались остальные служители монастыря. Для новгородских купчих грамот характерны устойчивые сочетания *и вся братья, вси черьнци, все старцы* или формула *все стадо* в значении 'монахи одного монастыря' (СРЯ, 27, с. 190): *Се купи игумен Исаия, и священники, и все старцы Соловецкого монастыря* (АСМ, № 5, 1484–1502, с. 18). В московских купчих грамотах используются обобщающие устойчивые сочетания, содержащие название монастыря и указание церковного сана: *пречистыя обители / богородици ... монастыря старци / черьнци ...: Пречистые обители Иосифова монастыря чернец Герасим Курцов да казначей Тихон Зворыкин к[упили есмя] Пречистой в дом ...* (АФЗХ, II, № 53, 1511–1512, с. 54). В исследованных старобелорусских купчих грамотах упоминания коллективных официальных лиц не встречаются.

В старорусских жалованных грамотах коллективные официальные лица выступают как в качестве адресанта грамоты, так и в качестве ее адресата. Адресатом, как правило, являлась церковная община. Для ее именованья использовались устойчивые выражения *игумень ... монастыря или кто по немь иный игумень / архимандритъ будет: игумену Мартиніану, или кто по немь иныи игумень будетъ, и всъмъ старцемъ*

черньцемъ святыхъ Троиця (ГВНП, № 95, 1448–1454, с. 151). Для старобелорусских жалованных грамот характерно как название монастыря без указания имен людей, которые там служат, так и указание имен духовных лиц без перечисления всех живущих: *к тому ж монастырю к св. Онофрею* (БФ, I, № 47, 1443, с. 123); *Биль намъ чоломъ богомолецъ нашъ священникъ церкви заложенъи Светого Михаила ... Иванъ Перфиновичъ* (АВК, II, № 6, 1589, с. 14–15). Локально маркированы именованные светских управляющих, характерные для новгородских актов: *посадникъ Великого Новагорода, вси старьи посадники*, формула *весь господинъ Великий Новъгородъ: посадникъ Великого Новагорода Дмитри Васильевичъ и вси старьи посадники ... и весь господинъ Великий Новъгородъ* (ГВНП, № 95, 1448–1454, с. 150–151). В актах ВКЛ в форме устойчивых сочетаний передаются указания бояр, мещан и др. лиц: *Бо"рыну Полоцькому Глебу Устафьевичу и ланьтвойту места Полоцького, и бурьмистромъ, и радъцамъ, и мещаномъ* (БА, II, № 217, 1501, с. 159).

Именования индивидуальных официальных лиц

Индивидуальные официальные лица, социальный статус которых был значителен, выступали в роли адресантов актовых документов. При их именовании используются формулы, в которых, кроме имени, указываются титул, территория распространения титула, сакрализация. Подобные именования характерны для жалованных, некоторых духовных и купчих грамот.

В жалованных грамотах именование адресанта – индивидуального официального лица – представляло собой самый объемный тип именованных. Общей для старорусских и старобелорусских актовых текстов была формула *се язъ князь великий: се язъ князь велики Дмитреи Ивановичъ* (ГВНП, № 87, 1363–1389, с. 143), представленная в ранних актах.

В старорусских актах именование официального индивидуального лица расширяется за счет появления в его составе лексем *царь, государь* (последняя представляет собой переоформленный вариант заимствованного из языка ВКЛ термина *господарь* [186, с. 145]), этикетной формулы *всѣа Руси*, заимствованной из титула митрополитов и отражающей церковное влияние на формуляр русских актов [185, с. 24]. Именования официальных лиц с подобными формулами появляются с XVI в.: *Се язъ царь и великий князь Иван Васильевичъ всѣа Руси* (АФЗХ, I, № 223, 1564, с. 197).

При именовании церковных официальных лиц в новгородских документах использовалось устойчивое сочетание *се азъ преосвященный архієпископъ: Се азъ преосвященный архієпископъ Великаго Новаграда и Пскова владыка Теофиль* (ГВНП, № 100, 1471–1482, с. 155). В московских актах использовались формулы *божиею милостию, всѣа Руси*.

В актах ВКЛ используется множественное число личного местоимения: *мы великии кн(я)зь Витовтъ* (ПГ, I, № 26, 1399, с. 80); определенное местоимение *самъ*: *самъ Александръ* (ПГ, II, № 209, 1494, с. 132). С XIV в. в ВКЛ использовались и распространенные варианты именовании, включающие в себя устойчивые сочетания с лексемами *король*, *государь* и указанием территории: *король польскии*, *государь иныхъ земель*, формулу *божью милостью*: *Владисла(в) б(ож)ьг м(и)л(о)сти король полскии, литовски, руски, иныхъ земель г(о)с(у)д(а)рь* (ПГ, I, № 10, 1387, с. 50). Лексемы *государь*, *господарь* могут быть определены как кальки из формуляра латинских грамот [185, с. 30], использующиеся для обозначения верховного правителя. Как отмечает А. Золтан, для XV–XVI вв. характерно семантическое разграничение указанных титулов, применяемых для обозначения главы светской и церковной власти [185, с. 40–43]. В состав именовании входит заимствованная из польского языка лексема *пань*, имеющая значение обращения к знатным лицам [185, с. 32–33], лексема *дедичь*, также являющаяся западнославянским заимствованием [185, с. 52–53; 256, с. 67], и образованный на территории ВКЛ компонент *отчичь и дѣдичь*. Возможным был сокращенный вариант именовании: *Жикгимонтъ, Божюю милостью, и далъи* (АВК, III, № 1, 1401, с. 2).

В московских купчих грамотах именовании индивидуальных официальных лиц представлены устойчивыми сочетаниями, включающими указания церковного сана и имен: *се яз митрополичь дьякъ / митрополичь дворецкой / митрополичь казначей*: *Се яз митрополичь казначей Акакий ...* (АФЗХ, I, № 43, 1464–1473, с. 57). При таких именовании обязательна ссылка на то, что покупка адресуется монастырю и митрополиту: *Се яз митрополичь дворецкой Феодор Феодоров сын Сурмин купил есмь в дом Пречистой и Петру чудотворцу и своему государю Симону митрополиту всеа Руси ...* (АФЗХ, I, № 46, 1506–1507, с. 60). В новгородских купчих грамотах и в купчих грамотах ВКЛ подобные именовании не отмечены.

В старобелорусских актах распространенные титулы были вербально оформлены гораздо раньше, чем в старорусских, и, следовательно, старобелорусский деловой язык мог оказывать влияние на язык старорусских актов документов.

Именованія коллективных частных лиц

Именованіе коллективных частных лиц характерно для купчих и духовных грамот и представлено сочетаниями, в которых упоминаются члены одной семьи. Для старорусских актов характерны 1) именованія мужчины и его детей или братьев: *Мартемьянъ і его братья* (ГВНП, № 131, начало XV в., с. 187), *у Юрья у Федоровича да у его брата* (АСЭИ, I, № 230, около 1440-х, с. 163); 2) именованія братьев: *Есипъ и Федоръ Онуфрѣвы дѣти* (ГВНП, № 231, вторая половина XV в., с. 251); 3) именованія женщины и ее детей: *у Орины у Ефимьевы жены да у ее детей у Федота да у Гриди* (АСЭИ, I, № 161, около 1430–1450-х, с. 118); *женѣ своеи Пелагеи і дѣтямъ своимъ Якову, і Федору, і Андрею ...* (ГВНП, № 144, не ранее первой четверти XV в., с. 195).

Для старобелорусских актов характерны разнообразные способы именованія коллективных частных лиц. Обязательно упоминаніе жены, детей и родственников, для чего служат устойчивые сочетанія, подчеркивающие совместность всех действий: *посполъ зъ жоною, со всеми своими дѣтьми, зъ дѣти нашими: Я Иван Федькович Дурас, мещанин Слонимскій, поспол з жоною моею Манею Олишковною и з дѣтьми нашими* (ГБ, I, № 35, 1560, с. 340). В грамотах функционируют обобщенные именованія группы родственников: *братаничы, дядковичы, сестриницы, девки, внучата, сыны: сыном моимъ Ивану, ±рошови, Гаврили* (ТБ, № 10, 1580, с. 75).

В диахронии прослеживается расширение подобных именованій за счет появления устойчивых сочетаній *всехъ крѣвныхъ, братии моее рожное, близкихъ моихъ, дети сложоные: никто з близкихъ моихъ заборои ти не мають* (ТБ, № 7, 1579, с. 64); *детем его, зо мною сложоными* (ТБ, № 16, 1586, с. 99). Локальной чертой актов ВКЛ является упоминаніе потомков адресанта или адресата грамоты посредством лексем *потомки, потомство, счадки, наследки*, с которыми согласуются лексемы *наши, свои, мои, справедливые: ... ани потомкове мои и жадень челоуѣкъ съ повинныхъ и крѣвныхъ моихъ ...* (АВК, VIII, № 3, 1593, с. 7); *потомство свое, которое с нею маю сложоное* (ТБ, № 10, 1580, с. 79). Расширеніе объема именованій коллективных частных лиц в старобелорусских текстах обусловлено употребленіем устойчивых сочетаній.

Именованія индивидуальных частных лиц

Вербализация именованій индивидуальных частных лиц представлена свободными сочетаніями или формулами. Свободные сочетанія характерны для старорусских и старобелорусских купчих грамот, где именованіе могло включать в себя только имя, имя и фамилию, имя и имя отца, указаніе социального статуса, рода занятій или места проживания: *Яцѣко Ликгеновичъ* (КЗ, XXV, № 167, 1501, с. 229), *Михало* (ДНД, № 318, 40–60-е XIV в., с. 611). Широко распространены и имено-

вания, содержащие указание рода занятий и места проживания субъектов: " *Василь Семеновъ с(ы)нъ Редка з Рылкович* (ПГ, II, № 224, 1498, с. 150); *Силуян Данилов сын яблочник с Рогатицы* (ВН, № 47, 1591, с. 194), *Родивону Третьякову сыну Частохину луковнику* (ВН, № 20, 1591, с. 182), *Никите Федосееву сыну николскому понамарю с Дворищ* (ВН, № 21, 1591, с. 182). Указания социального статуса адресанта или его национальной принадлежности – локальная черта старобелорусских актов: *Мы Константин Иванович, князь Острожский, пан Виленский, гетман найвысший, староста Луцкий* (ГБ, I, № 14, 1501, с. 102); *Я, Яков Шиманович, жид Люблинский* (ГБ, I, № 30, 1536, с. 334). В текстах актов возможны формы личных имен *Ивашко, Куземка* и т.п., в которых, с точки зрения Е.Н. Рудозуб, «отражается характер взаимоотношения автора и адресата, установленный этикетом» [335, с. 52].

Формула *се язъ / се азъ рабъ божий* характерна для духовных грамот, так как «значимость ситуации и ответственность человека за свои распоряжения не позволяла варьироваться» этой конструкции [230, с. 45]. В диахронии прослеживается выход ее из употребления в актах разных земель: *Се яз, Григорий Васильев сын Жукова-Оплечюева* (АФЗХ, II, № 157, 1540–1541, с. 150); *±, Серафинова" Стокарска# Ганна Василевна* (ТБ, № 5, 1579, с. 57). Локальная особенность старобелорусских актов состоит в том, что в конце XVI в. в них обязательной является характеристика социального или семейного статуса адресанта, выраженная устойчивыми сочетаниями *земянка / земянинъ + повета, малжонка п(а)на*: *±, рабъ Божии, Станислав ±нович Мрочко, земенин г(оспо)д(а)рский повети Берестейского* (ТБ, № 15, 1586, с. 96). Лексема *жена* вытесняется лексемой *малжонка*, заимствованной из польского [82, с. 196]. В именовании субъектов деловой коммуникации прослеживается тенденция к детализации, подробному указанию социальных характеристик.

Общность старорусских и старобелорусских актов разных жанров проявляется в том, что используемые в них формулы, устойчивые и свободные сочетания имеют сходные текстообразующие функции. В оформляющей части актов с помощью формул закреплялись законность и правомерность существования документа и тех распоряжений, которые в нем фиксировались. Для этого подчеркивались дееспособность адресанта, добровольность его действий, широкая адресация акта. В концовке с помощью формул назывались свидетели, определялось скрепление документа печатями или подписями. В содержательной части актов формулами репрезентировались стилеобразующие юридические понятия, состав которых зависел от жанра акта. Для перечисления последовательности юридических действий, констатации или необходимости их совершения в актовых документах использовались устойчивые сочетания, основу которых составляли определяющие для каждого

жанра глаголы. Свободные сочетания использовались в описательных частях текста, так как здесь отражалась индивидуальная информация адресанта. Их употребление не нарушало стилистической общности актов, поскольку свободные сочетания включены в типичные синтаксические модели, используемые для вербализации смысловых единиц. Отдельные смысловые отрезки могли быть вербализованы единицами разной степени устойчивости, что зависело от жанра текста и места его написания. Различия в употреблении формул, устойчивых и свободных сочетаний в исследованных старорусских и старобелорусских актах проявляются в следующем: 1) в старобелорусских актах широко используются терминологизированные формулы, обозначающие виды правовых отношений, указание типов собственности, денег, которых нет в старорусских текстах; 2) среди устойчивых сочетаний в старобелорусских актовых документах стилистически значима группа с глаголами, обозначающими возможность совершения тех или иных действий; 3) в диахронии в старобелорусских текстах наблюдается увеличение числа заимствований из польского языка, в старорусских актах наблюдается сходство в оформлении текстов НК и ВКМ.

РАЗДЕЛ IV

СИНТАКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ТЕКСТОБРАЗОВАНИЯ СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ АКТОВ

Акты представляют собой «сложную синтаксическую конструкцию с сочинительной, разными видами подчинительной и бессоюзной связи» [379, с. 159]. При этом синтаксические структуры тесно связаны «с коммуникативной установкой текста» [167, с. 49]. Частотность употребления синтаксических конструкций [190, с. 5] определяет стилистические особенности актов документов. Стилистически значимыми явлениями на синтаксическом уровне в актах являются функции различных средств связности; особенности использования синтаксических структур простого предложения; распространение отдельных структурно-семантических типов предложений; соотношение синтаксических средств делового, бытового и книжного регистров

4.1. Стилистические функции средств связности в актовых документах

Логическая связность является одним из основных стилистических качеств делового стиля. Средствами ее реализации выступают союзы, местоимения, повторы и синтаксический параллелизм [273, с. 44–45].

Союзы

В исследованных текстах стилистически значимым является функционирование союзов [278, с. 95], которые обеспечивают «структурную целостность текста» [371, с. 118], при этом отдельные высказывания в тексте «связаны не только линейной, но и глобальной когерентностью» [299, с. 308]. Союзы *а, и, да* употребляются в конструкциях цепочечного нанизывания предложений и маркируют в актах начальные позиции предикативных единиц, которые могут быть объединены между собой разными типами отношений [363, с. 103–108]. В их употреблении можно выявить закономерности, свидетельствующие о том, что выбор союза обусловлен не «склонностью автора» [363, с. 109], а стилистической функцией, структурно-композиционной частью текста, жанром и местом его создания.

В исследованных актах союзы выполняют функции:

✓ обозначения начала СБ и его присоединения к предыдущему блоку;

✓ разграничения отдельных блоков, организуя внутреннее пространство текста на уровне микротем.

В старорусских купчих грамотах употребление союза *a* в начале каждого СБ, кроме первого, обязательно: *А дал есми ему ... А купил есмь у него тоє деревеньку ... А на то послуси... А купчюю писал ...* (АФЗХ, I, № 62, 1525–1526, с. 70–71). Пропуски союза или употребление на его месте союза *и* обнаруживаются в единичных новгородских и московских купчих XIV–XV вв.: *И даша на томъ ігумень и черницы святаго Спаса Прокопью ʒванову два рубля ...* (ГВНП, № 108, 1389–1415, с. 165). С XVI в. отсутствие начального союза *a* обнаруживается 1) в новгородских купчих в СБ со значением уплаты пошлин: *Пошлин в государеву казну три алтыны взято. Платил пошлины Иван мясник* (ВН, № 36, 1590, с. 135); 2) в московских документах в факультативных блоках со значением закрепления акта рукоприложением, если в тексте содержалось указание на рукоприложение нескольких человек: *По сей купчей яз, Ширяй, послух, и руку свою приложил. По сей купчей грамоте яз, Кузма Мамошин сын, послух, и руку свою приложил* (АФЗХ, II, № 29, начало XVI–1510, с. 33).

В купчих грамотах ВКЛ союз *a*, как и в старорусских актах, маркирует начало СБ: *А се мы по имѣни ... А взѣли есмо ... А продали есмо ... А рѹбежь тои земли ... А хто промѣж нас ... А при сеи нашии запис(и) был* (ПГ, II, № 196, 1487, с. 112–113), однако уже с XV в. его пропуски или употребление на его месте союза *и* фиксируются как в отдельных блоках содержательной части, так и на стыке концовки и содержательной части и в блоках концовки: *А та" земл питна"... А потомъ мнѣ ... И хто имет(ь) поискивати ... При томъ были люди добрыи ... А на бол(ь)шию твердость ... Писал сеи мои лист* (ПГ, II, № 224, 1498, с. 150–151). Во второй половине XVI в. отсутствие союза *a* в начале СБ представляет собой характерную черту старобелорусских купчих: *И якъ дастъ Богъ ... На то есми его милости даль мой листъ ... Их милость на прозьбу мою учинили ... Писан у Вильни* (АВК, XXII, № 22, 1555, с. 18).

В духовных грамотах употребление союзов в качестве средства связи характеризуется следующими особенностями: 1) в старорусских духовных, имеющих более сложную структурно-смысловую организацию по сравнению с купчими, союз *a* не функционирует в блоках зачина и иногда отсутствует в первом блоке содержательной части: *Во имя отца и сына ... Се азъ рабъ божии ... Даль есми святому Николи отчину ...* (ГВНП, № 170, середина XV в., с. 212); 2) пропуски союза *a* или употребление на его месте союзов *и*, *да* характерны для анафорически начинающихся конструкций: *А что платье моего однорядка Да что моего платье однорядка Да что двор мой на Москве на Покровской улице у Петра и вериг, и тот двор жене моей да сыну моему Василью*

(АМСМ, № 195, 1579–1580, с. 241); 3) в старобелорусских духовных грамотах союз *a* употребляется только в отдельных блоках содержательной части: *Ку вечной речи и памети ... Напервей ... Нижли естли бы жона моя ... А што ся дотычетъ именей моихъ набытыхъ ... А чаго пане Боже вховай ... Речи мои рухомые ... А што ся дотычетъ ... А затымъ ... На што даю тотъ мой запись* (АВК, XVII, № 1009, 1563, с. 433–435).

В жалованных грамотах реализуется функция обозначения начала СБ и его присоединения к предыдущему блоку *А вѣдает ... А оучинится ... А будетъ ... А о посадничѣхъ ... А чересь сю мою грамоту ... А кому дам грамоты ... А дана грамот(а) ...* (АСЭИ, I, № 165, 1440, с. 121); при этом в жалованных ВКМ и НК употребление союза *a*, указывающего на начало СБ, тяготеет к последним блокам содержательной части или блокам концовки; в жалованных ВКЛ союз *a* в функции скрепы маркировал границу содержательной части и концовки и ее блоков: *А потом мовил ... А при том были ... А на твердость того* (ПГ, II, № 234, 1499, с. 169).

Кроме этого, отмечено употребление союзов *и, ино* в следующих функциях:

✓ объединения с помощью союза *и* изложений оснований для пожалования и непосредственной просьбы о пожаловании или самого пожалования: *Бил нам чолом землянин наш ... и бил нам чолом, абыхмо на то дали ему н(а)ш лист* (ПГ, III, № 289, 1508, с. 31); *Се били челомъ ... И посадникъ і тысяцкой и весь господине Великои Новгородъ ...* (ГВНП, № 89, около 1411, с. 146); *... что ми бил челом, а сказывает, ... и яз анхимандрита Трифона з братьею пожаловал* (АМСМ, № 82, 1546, с. 95);

✓ объединения с помощью союза *и* предпосылок для одного юридического действия: *И приказчики, деи, городовые волотцкые и тверские с клинских сох и ржевские приказчики присылают своих приставов. И присыльники московские, сытники ... и всякие присыльники приезжают в те их села и в деревни ...* (АФЗХ, II, № 184, 1545, с. 186);

✓ объединения в жалованных грамотах ВКЛ с помощью союза *ино* казусно-мотивировочного и констатирующего разделов: *Ино мы ему то все з наше ласки отъпустили* (ПГ, II, № 236, 1500, с. 172).

Местоимения

Местоимения использовались:

- ✓ для повторного обозначения субъектов и объектов сделок;
- ✓ для реализации связи текстовых единиц.

Тенденции их употребления в актах универсальны. В употреблении личных местоимений выявлены следующие закономерности: 1) в новгородских купчих грамотах XIV–XV вв. не употреблялись местоимения 1-го лица, изложение шло от 3-го лица, что способствовало объективизации изложения: *Се купи Мартемьянь ... А дастъ Мартемьянь*

... (ГВНП, № 131, начало XV в., с. 187); 2) в московских купчих грамотах личные местоимения функционируют в первом блоке содержательной части и в блоках со значением рукоприложения: *Се яз, Василей Юрьевич Пожегин, купил есми ... По сей купчей грамоте яз, Баба, послух, и руку прилажил* (АФЗХ, II, № 32, начало XVI–1524, с. 35), что повышает субъективность изложения; 3) с московскими купчими сходны купчие ВКЛ: местоимения 1-го лица функционируют в блоках содержательной части и концовки: *Я Михайло Богдановичъ Скипоровъ ... штожъ я Михайло сполечне з жоною ..., которое ся мне в делу остало ... которая ся мне зостала отъ брата ... именье мое материстое, отъ мене проданое ... Я Михайло Скипоровъ рукою своею власною подписалъ* (АВК, XXII, № 579, 1570, с. 317–318). Для белорусских актов не характерна форма *язъ*, типично употребление формы *я* [85, с. 98]. Употребление в старорусских актах полноударной форм *мьнн* А.А. Зализняк связывает с наличием обращений, предлогов, союзов, определений или приложений [176, с. 131].

Изменения в употреблении личных местоимений в диахронии характерны для новгородских купчих грамот: с середины XV в. фиксируются отдельные случаи употребления местоимений 1-го лица: *А даль язъ Яковъ ...* (ГВНП, № 150, около 1445, с. 199), а к концу XVI в. они выступают как средство связности наряду с повторами имен между первым блоком и блоком со значением указания цены: *Се яз, Яков Васильев сын ... А взял яз, Яков ...* (ВН, № 10, 1590, с. 177).

Употребление указательных местоимений обуславливало как связь актового текста с внеязыковой действительностью, так и связь внутритекстовых единиц между собой: «если местоимение *сь* “отвечает” за внешнюю связь текста с миром, то местоимение *тъ* организует внутритекстовые анафорические связи» [151, с. 29].

Для актов характерно употребление местоимения *тъ* в атрибутивной препозиции, где оно участвовало «в образовании исторически перспективных типов номинальных анафоров» [151, с. 8]: ... *а тѣхъ сель ... А тые пожни и земли ... на тыхъ земляхъ* (ГВНП, № 113, 1456–1471, с. 173); ... *на томъ дворѣ ... А ободъ тому двору ... на той межи ... а на той межи ... А тотъ дворъ* (ГВНП, № 117, середина XV в., с. 176). Распространено употребление местоимения *тъ* в позиции субстантива, включающего в себя предыдущую информацию текста (НК, ВКМ, ВКЛ): *того потреба будетъ ведати, ку тому, того доходити* (АВК, XXII, № 640, 1570, с. 426–427). Для московских актов характерны сочетания с формами определительного местоимения *всѣ*: *на томъ на всемъ, на техъ на всехъ, с тымъ со всемъ*, в которых совмещаются функции обобщения и повторной идентификации уже названного объекта. Они обеспечивали словесную организацию делового текста, кото-

рый приобретал «стилевые качества, отвечающие требованиям стандарта, точности и однозначности изложения» [278, с. 78].

Местоимение *сь*, выполняющее функцию отсылки «в сочетании со словами, обозначающими разные виды документа» [278, с. 81], характерно для содержательной части и концовки московских актов и зачина актов ВКЛ: *А запечатал есмь сю грамоту* (АСЭИ, I, № 111, 1433–1447, с. 89).

В купчих ВКЛ в качестве средства связи выступали сочетания, в состав которых входили прилагательные и причастия, подвергающиеся прономинализации: *вышеймененый, верхуописаный, вышейописаный, вышейпомененый* и т.п.: *тое земли, меновите верху описаной* (АВК, XXII, № 125, 1557, с. 63); *пань брать мой вышей описаный тыхъ именъ вышей описаных поискивати* (АВК, XXII, № 640, 1570, с. 426). Подобные сочетания отличают тексты делового стиля, их употребление в XVI в. говорит о высоком уровне развития языка деловой письменности в ВКЛ.

Сходство старорусских и старобелорусских духовных грамот со старорусскими и старобелорусскими купчими проявляется в стилистических функциях местоимений, которые используются для обозначения субъектов и объектов сделок, организуют внутритекстовые связи: *А што моя вотчина ... Локтевские пустоши, и леса, и борти ... и озера, што к тем пустошам владенье по тяглу, и яз те пустоши Локтевские со всем с тем, што к тем пустошам по тяглу леса, и борти, и воды, и пожни ...* (АСЭИ, III, № 494, 1450, с. 473).

Повторы

Характерным средством связи в купчих грамотах были повторы, которые В.М. Живов рассматривает как элементы, передающие «модели разговорной устной речи» [166, с. 574]. В купчих грамотах повторы – это средство стилистической организации деловых текстов, выполняющее функцию усиления значимости уже указанной информации. Число таких повторов значительно. В старорусских и старобелорусских купчих грамотах повторяются имена покупателей и продавцов: *Се купи Яковъ Петровъ у Дорофѣя ... А даль Яковъ Дорофѣю* (ГВНП, № 136, первая четверть XV в., с. 190–191); *продаль есми братУ моему пану приштору "новичУ ... волен ... пан пришторъ сам, малжонка, дети и потомки его тУю всю третюю части пл#цу моего ка себе держати* (НИАБ, 1598, ф. 1751, оп. 1, д. 3, л. 186 об.); дублируются именованные географических объектов и предметов сделок: *кУпиль гсми ... гго кУплю село Покровское... А межа томУ сели Покровскомѣ* (АСЭИ, III, № 47, 1504/1505, с. 67–68), *продали есмо землю, свою отчизну, ... и воленъ его милость ... тую землю отчизну нашу отдати ...* (АВК, XXII, № 648, 1570, с. 441–442).

Среди повторов, с помощью которых подчеркивалась значимая информация, в духовных грамотах определены: 1) повторы лексем, обозначающих родственников: *А приказываю животъ свои женѣ Офимье и сыну своему Стефану і Василью ... а то приказываю сыну Степану ... а то сыну моему Степану ...* (ГВНП, № 111, 1435, с. 169); *межи малжонкою моею п(а)ни Галеною Михайловною, [кне]жною Лукомскою, также и всими братею, близкими, крвными и повинными моими ... малжонка мо" мила" пани Галена Михайловна, кнежна Лукомска"* (ТБ, № 44, 1596, с. 236); 2) повторы отдаваемых распоряжений: *... мои прикажъщики наделят всех по списку, ... и прикажъщики мои их наделят по списку же ... А сороковусты роздадут по списку же ... прикажъщики мои то отдадут по списку же* (АФЗХ, II, № 40, 1507–1515, с. 41); 3) повторы названий объектов передаваемой собственности, указаний денежных сумм: *А которое платье приданое жены моей не изношено ... жена моя износила приданого платья своего ... А которое платье приданое мое и жены моей ...* (АФЗХ, II, № 176, 1543–1544, с. 171).

Ряд повторов, подчеркивающих значимость указанной информации, представлен в жалованных грамотах: 1) повторами указаний собственности: *жаловалѣ обитель ... и нас убогихъ тыми островами Соловки ... пожаловаша ... тыми островами Соловки ... в тыхъ островахъ землю ... никому ж в тыхъ островахъ не вступатися ... хто придетъ на тыхъ островахъ ... тыми островахъ ... володѣти игумену ... хто иметъ наступатися на тыхъ островахъ ...* (ГВНП, № 96, 1459–1469, с. 152–153); *... продала ему сел(ь)це на Двине ... которое ж сел(ь)це дал ей митрополит киевский ... подтвердили то сел(ь)це ... дозволяем ... то сел(ь)це мети ... Волен он то сел(ь)це отдати ... и ему не надобе вже в то сел(ь)це самим им въступати ся ...* (ПГ, II, № 216, 1496, с. 139–140); 2) повторами, используемыми при изложении индивидуальной информации, которые следует рассматривать как явление разговорной речи: *сиротъ на Терпилове погосте ... сиротамъ Терпилова погоста* (ГВНП, № 89, около 1411, с. 146), *въ погорѣнью домовъ и маетностей своихъ ... для того погорѣнья* (АВК, V, № 467, 1577, с. 139–140).

Синтаксический параллелизм

Синтаксический параллелизм характерен для духовных и жалованных грамот.

В старорусских духовных грамотах повторы лексем связаны с повторами синтаксических конструкций и функционированием такого средства связности, как синтаксический параллелизм. Стилистические функции синтаксического параллелизма в старорусских и старобелорусских духовных грамотах одинаковы. Синтаксический параллелизм:

✓ организует отдельные предложения в составе текстового фрагмента;

✓ выполняет выделительно-логическую [249] функцию, усиливая значение отдельных фрагментов актов.

В московских и новгородских духовных грамотах насчитывается от 2 до 20 однотипных предложений, в которых фиксируются: 1) распределение собственности: *А приказываю ... отцыну свою и дѣдину, землю і воду ... А что отцына моя и дѣдина на Ловоти, земля і вода ... А что отцына моя и дѣдина моя, земля и вода за Волокомъ ...* (ГВНП, № 110, 1393, с. 166); 2) распоряжения относительно зависимых крестьян: *А своих людей старинных дал есми своей жене Федосье и своим детем ... да Сысойца с женою... да брата его Остафейца дал есми своей жене и своим детем, а мать их Омилфицу да сына ее ... отпустил есми на слободу ...* (АСЭИ, III, № 67, 1472, с. 99); 3) возврат долгов завещателем и возврат долгов завещателю: *Дать ми князю Михаилу Кислу конь когур. Дать ми Семену Змееву конь пег. Дать ми Борису Голохвастову конь когур да меринец рыж* (АФЗХ, II, № 172, 1543–1544, с. 164).

В старобелорусских духовных грамотах параллелизм синтаксического строения характерен для конструкций, в которых содержится просьба завещателя выдать его дочерей замуж: *А естли бы се теж трафило за "кого доброго человека выдал тую дочку мою ... в стань малженский замужь, ... А естли бы теж вжо по делу трафилосе тую дочку мою паньну Влену выдавать* (ТБ, № 48, 1597, с. 255).

Синтаксический параллелизм, выполняющий в жалованных грамотах выделительно-логическую функцию, характерен как для контактно, так и для дистантно расположенных конструкций: *Ино в одном листе выписано, што ж его м(и)л(о)сть дал ему тры служъбы ... А в другом листе выписано, што ж его м(и)л(о)сть даль ему два ч(о)л(о)веки ...* (ПГ, III, № 277, 1507, с. 13).

Другие средства связности

Для духовных грамот ВКЛ типично функционирование в качестве средств связности лексем, с помощью которых формируется последовательность изложения: *напервей, затымь, наперодь, потомь*; конструкции *што ся дотычеть: Зараз ", впередречона# Ганна Кореневска" ... А наперод жем з невымовленого милосердь" ... А потом з стороны матности моее ... А што се дотычет золота и серебра моего ж...* (ТБ, № 24, 1590, с. 132).

Стилистические функции средств связности в старорусских и старобелорусских актах сходны. Основное отличие старобелорусских текстов от старорусских проявляется в составе средств связности. Для старобелорусских актов документов характерны такие средства связности, как:

✓ прилагательные и причастия, подвергающиеся прономинализации: *вышеймененый, верхуописаный, вышейописаный, вышейпомененый*;

- ✓ конструкция *што ся дотычеть*;
- ✓ лексемы, с помощью которых формируется последовательность изложения: *напервей, затымь, наперодь, потомь*, которые в течение XIV–XVI вв. не встречаются в старорусских текстах.

4.2. Синтаксико-стилистические ресурсы простого предложения

Рассматривая особенности синтаксиса простого предложения в грамотах XIV–XVI вв. с точки зрения функционально-стилистической маркированности, необходимо остановиться на реализации с помощью разных главных и второстепенных членов качественных характеристик стиля актов текстов: точности, обобщенности, императивности, однозначности [131].

Синтаксико-стилистические особенности строения простого предложения в старорусских и старобелорусских купчих грамотах проявляются в:

- ✓ выражении подлежащего формами собственных имен и местоимений;
- ✓ доминировании сказуемых, относимых к плану прошедшего времени;
- ✓ распространении прямых дополнений;
- ✓ функционировании обстоятельств со значением места и времени.

В старорусских актах доминируют подлежащие, выраженные формами собственных имен (в новгородских купчих такие подлежащие характерны для 60–70% предложений в тексте, в московских купчих – 42–83%). В купчих грамотах ВКЛ активность подобных подлежащих несколько снижена: от 33% до 56%: *А при томъ были ... панъ Янъ Палуцкий Довкгвидъ ...* (АВК, XXII, № 625, 1570, с. 384), они тяготеют к блокам зачинов и концовок. Для купчих грамот ВКЛ характерна обобщенность, одним из средств создания которой являются подлежащие, выраженные формами относительного местоимения *кто* или сочетанием местоимений и существительных: *И хто имет(ь) поискивати, тотъ дастъ винU* (ПГ, II, № 224, 1498, с. 150).

Для старорусских купчих грамот стилистически значимы сказуемые, выраженные различными формами прошедшего времени, поскольку в этих актах содержится информация о произошедшей сделке: *... купили есмя ... а дали есмя ... а купьчюю писал ... руку свою приложил* (АМСМ, № 32, 1529, с. 36–37). В старобелорусских купчих грамотах сказуемые в форме прошедшего времени обязательны для концовок: *При томъ были ... и печат(ь) свою приложил ... Писал сей мои лист ...* (ПГ, II, № 224, 1498, с. 150). В зачине и содержательной части наблюда-

ется употребление сказуемых в формах прошедшего, настоящего и будущего времени: ... *чиню явно и визнаваю ... кому того потреба будет ведати ... его королевская милость рачиль тое именье к рукамь своим взяти ... которая часть ... ни на кого иншого не приходит ... я Криштофъ ... спустилемъ ...* (АВК, XXII, № 640, 1570, с. 425–426).

Типичными способами выражения дополнений, указывающих адресата, объекты сделок, стоимость и типы документов, в старорусских и старобелорусских грамотах выступали формы В.п., Р.п., Д.п. без предлогов, предложно-падежные формы на+П.п.: *купил есми пожню, дал есми на них рубль, грамоту писал* (АСЭИ, I, № 161, 1430–1450-х, с. 118); *Се купи ... лоскутъ земли, купили собѣ и своимъ дѣтемъ* (ГВНП, № 231, вторая половина XV в., с. 251); *Продали есмо ... половицу озер нашихъ ... велможьному пану* (КЗ, XXV, № 37, 1530, с. 103).

Точность купчих грамот отражается в употреблении обстоятельств. Формы их выражения разнообразны: наречия, предложно-падежные сочетания, сочетания с числительными. В старорусских купчих грамотах распространены обстоятельственные сочетания на+П.п., с+Р.п.+по+Д.п.+в+В.п., с+Р.п.+до+Р.п., за+Тв.п.: *на Лѣтнеи сторонѣ* (ГВНП, № 236, вторая половина XV в., с. 254); *на гори за Глухимъ погостомъ* (ГВНП, № 174, середина XV в., с. 215); *по рѣку по Попадѣю* (АСЭИ, II, № 346, 1445–1453, с. 343). В старобелорусских купчих распространены: 1) формы наречий: *явно, вже, посполъ, восполокъ*; 2) предложно-падежные сочетания: *на Великомъ поли, у брода, за Васковымъ дворомъ* (АВК, XXII, № 125, 1557, с. 63); 3) глагольные формы с зависимыми словами: *ничого на себе не оставуючи, пришедши очевисте передъ его милость пана Яна Викторына* (АВК, XXII, № 31, 1556, с. 22–23). В концовке купчих представлены предложно-падежные сочетания с временным значением: *лѣта Божьего нароженья ... месеца Декабра* (АВК, XXII, № 22, 1555, с. 18).

Синтаксико-стилистические особенности строения простого предложения в старорусских и старобелорусских духовных грамотах проявляются в:

- ✓ выражении подлежащего формами личных, относительных местоимений, формами Им.п. существительных, обозначающих собственность, родственников;
- ✓ использовании сказуемых, выраженных формами инфинитива;
- ✓ распространении дополнений, обозначающих субъектов действий;
- ✓ функционировании этикетных определений;
- ✓ распространении в старобелорусских актах обстоятельств, выраженных причастными и деепричастными формами с зависимыми словами.

Целевая установка духовных грамот, их императивность реализуются в формах подлежащих и дополнений. Семантический субъект в

духовных представлен как формами Им.п., так и формами Д.п. В старорусских актах в Им.п. употребляются местоимения, существительные, обозначающие собственные имена, названия родственников, свидетелей в зачинах, концовках и блоках содержательной части: *А поидет жена моя замуж* (АФЗХ, II, № 274, 1558–1559, с. 280); *где живет отец мой и матери моя и род мой* (АЕ – 67, № 3, вторая половина XV в., с. 285). Особенность стилистической организации старобелорусских духовных проявляется в наличии подлежащих, выраженных формами отвлеченных существительных: *"кобы по смерти моеи ростырки, розницы и заиить# межси малжсон[кою] моею а братею рожсоною и близкими моими вколо вышеипомененое маетности моее не деелис#* (ТБ, № 68, 1578, с. 323).

Поскольку целевая установка духовных грамот предполагает императивность, для них характерны сказуемые, соотносящие действия с настоящим или будущим временем, выраженные формами инфинитива, повелительного наклонения или формами настоящего / будущего времени изъявительного наклонения: *пишу, приказываю, не вступаитеся, взяти* (ГВНП, № 144, первая четверть XV в., с. 195–196). Обширные описания передаваемой собственности определяют функционирование составных именных сказуемых, выраженных прилагательными: *мена моя ч[ис]та, то зь братомь моимь не длно* (ГВНП, № 170, середина XV в., с. 212). В старобелорусских грамотах распространены составные сказуемые: *поволати и вз"ти будет рачил, приведено быти может* (ТБ, № 28, 1596, с. 150).

Дополнения в старорусских и старобелорусских духовных грамотах по форме и значению сходны с купчими грамотами. Отличия проявляются в распространении в старорусских грамотах дополнений, выраженных формами Д.п. в инфинитивных конструкциях и обозначающих субъектов отдаваемых распоряжений: *дать ми брату своему Василью Кроме по кабале ... ми по кабале брату своему Михаилу 50 рублей с росты* (АФЗХ, II, № 127, 1533–1535, с. 119). В старобелорусских духовных распространены формы Тв.п. для обозначения субъекта в пассивной конструкции: *першим малжсонком моим небожчикомь п(а)ном НаУмом Гел"тицким сложоные У ведомости были* (ТБ, № 25, 1591, с. 135).

Деловой язык стремится избежать ненужных слов, не содержащих необходимой информации и служащих украшению речи. В связи с этим использование определений в актовом тексте стилистически ограничено. Среди определений доминируют те, которые либо выступают в качестве средств связности, либо имеют терминологический характер. Особенность духовных грамот проявляется в функционировании определений, связанных с сакральной составляющей завещаний: *божий, всеневный, святой, пречистый*. Особенность духовных грамот ВКЛ

состоит в функционировании этикетных определений, число которых значительно: *ч(о)л(о)в(е)кУ хрести#нскомУ, дочасном мешканю, тестаментом писаным, хоробою вбложною, час смертелный, на доброе мешкане Учтывое малжонки своее* (ТБ, № 17, 1590, с. 104–105).

Синтаксико-стилистические особенности строения простого предложения в старорусских и старобелорусских жалованных грамотах проявляются в:

✓ широком использовании в старорусских актовых документах подлежащих, выраженных относительным местоимением *кто*, отрицательным *никто*;

✓ распространении сказуемых с отрицанием.

Способы выражения подлежащего в жалованных грамотах сходны с купчими и духовными. Жанровое своеобразие старорусских жалованных грамот проявляется в функционировании в роли подлежащего относительного местоимения *кто*, отрицательного местоимения *никто*: *а хто имет жити в тех селех людей; хто будет* (АФЗХ, I, № 1, 1483, с. 23–24). С помощью таких местоимений создается обобщенность распоряжений. В старобелорусских актах распоряжения конкретны: подлежащие выражены формами собственных имен или личных местоимений: *Германъ Хребтовичъ, пан Станислав Станиславович Довойна, Херманъ Хребтович* (КЗ, XLIII, № 5, 1555, с. 50–51).

Сказуемые в жалованных грамотах, как и в духовных, представлены формами инфинитива в сочетании с частицей *не*, формами прошедшего или будущего времени, которые имеют предписывающий, обязательный характер: *... их доводишки [... пошлин некоторых] не гмлют, ни поборов не [берут]; в#дает и судит ... игумен, а п#теньщик мои к ним не въездит; а дер[жит] игумен свог п#тно* (АСЭИ, I, № 101, 1432–1445, с. 81). В актах ВКЛ используются глаголы со значением разрешения *дозволити, призвоити*: *Ино мы тую землю ... призволяем ему купити* (ПГ, II, № 219, 1497, с. 143). В старорусских актах используется глагол со значением приказа *велети*: *а велел есми их крестьяном ... стояти в год две недели* (АМСМ, № 74, 1543, с. 88).

Из дополнений в старорусских жалованных грамотах стилистически значимы формы Д.п., обозначающего субъекта при инфинитиве, и ряды дополнений, усиливающих отрицание сказуемого: *А впрок ему собе тех пустошей не осваивать, ни продати ему, ни променити никому, ни в закуп не заложити, ни по душе не дати, ни иною некоторою хитростью от церкви божьи тех пустошей ему не отстаивать* (АФЗХ, I, № 35, 1492, с. 52). В жалованных грамотах ВКЛ формы дополнений сходны с формами в купчих и духовных грамотах: *маршалъку нашому, тые двори наши ... держати будетъ, даль отцу ихъ ... две землицы, листъ его кролевъское м(и)л(о)сти ... в себе мають, ласку нашую ...*

вчинили, отъцу их даного, их самих зоставили, насъ ... за нимъ жедалъ (КЗ, XLIII, № 12, 1555, с. 58).

Особенности употребления и выражения главных и второстепенных членов простых предложений указывают на жанровые и локальные отличия актовых текстов. В старобелорусских актовых текстах широко используются этикетные определения, формы составных сказуемых, обстоятельства, выраженные глагольными формами с зависимыми словами.

4.3. Стилистически значимые структурно-семантические разновидности предложений

В языке грамот прослеживается связь жанра актовых текстов с употреблением в них определенных структурно-семантических разновидностей предложений, что является одной из отличительных черт деловой письменности [364, с. 232–233]. Можно «говорить о предопределенности синтаксического строя в памятниках деловой письменности» [364, с. 257], объясняющейся жанром памятника и его целевыми установками, в которых содержится предписание и констатация [253, с. 9]. Достижение коммуникативных целей, включающих в себя предъявление информации, ее подтверждение или опровержение, описание, определяет специфику функционирования структурно-семантических разновидностей предложений: распространение простых предложений, сложных предложений с придаточными «изъяснительными, определительными, условными, причины и цели» [329, с. 15]. Кроме того, «используются разные типы активных и пассивных предикативных конструкций» [227, с. 140].

Основными коммуникативными целями купчих грамот являются предъявление информации (констатация процесса совершения сделки) и описание (характеристика собственности). Реализация этих целей предопределяет доминирование в купчих грамотах 1) простых предложений: *А взяла Василиса на том своем полудворе у Сергея денег дватцать алтын* (ВН, № 11, 1590, с. 123); *И на то дали есьмо его милости пану Павлу Деялтовскому и малжонцѣ его милости сесъ нашъ листъ добровольный опись, подъ нашими печатьми и съ подписами рукъ нашихъ* (АВК, VIII, № 4, 1594, с. 11); 2) сложных предложений с придаточными определительными: *и боле пл#цовъ местим до нихъ мецанъ витепскии на которыхъ пл"цохъ старие лавУти сто"ти* (НИАБ, 1598, ф. 1751, д. 1, оп. 3, л. 166 об.), *А купили есмя впрок без выкупу, и с лесы, ... и со всеми угоды, что к той деревне к Окулину изстарины потягло со всем с тем, куды плуг и топор и коса ходила* (АФЗХ, III, № 3, 1545, с. 13). В диахронии в новгородских купчих состав предложений меняется

незначительно, в московских купчих грамотах и в актах ВКЛ прослеживается увеличение в текстах числа сложных предложений и их типов.

К концу XVI в. в купчих ВКЛ представлены сложноподчиненные с придаточными изъяснительными, обстоятельственными образа действия, условия, сложные предложения с разными видами связи: *И я, Томъко Аньдрушковичъ ... продалъ п(а)ну Якубу Куньцовичу вечъне и непорушне ... за тую десять копъ грошей, ... што панъ Якуб отъ науки далъ, а ещо назвышь возьемъ у пана Якуба чвартунасту копу грошей, и вжо я самъ не маю ся в то уступати ани дети мои, естли будутъ ...* (КЗ, XXV, № 165, 1520, с. 228); *А еслибы кто тотъ торгъ хотѣлъ нарушити, тотъ найпервей маеть вину заплатити господарю королю его милости* (АВК, IX, № 50, 1529, с. 137). В концовках купчих ВКЛ употребляются придаточные с союзами *абыхмо, штоб, жебы* («под влиянием польского языка» [363, с. 273]), имеющими целевой оттенок: *и билемъ чолом пану Серафину Петрашовичу, жебы к тому моему листу печат приложилъ* (КЗ, XXV, № 167, 1501, с. 229). В московских купчих грамотах появляются сложные предложения с придаточными условия, с разными видами связи: *А где будет у Ивана Иванова сына или у его детей то село Ангилова ... или селища Максимкова да Степанкова заложено в деньгах или в хлебе, или выляжет на ту их вотчинную землю кокая запись или духовная или изусная грамота, – и Ивану Иванову сыну Забалацкаго и его детем та земля села Ангилова з деревнями и з селищами выкупити своими деньгами и хлебом и очищати* (АФЗХ, II, № 122, 1532, с. 113).

Коммуникативные цели, реализуемые в духовных грамотах, более разнообразны по сравнению с купчими: предъявление информации, описание, требование выполнять определенные распоряжения и указание условий, при которых эти распоряжения должны быть выполнены, обозначение целей и причин отдаваемых распоряжений. Соответственно, более разнообразными являются структурно-семантические типы предложений.

В духовных грамотах ВКМ и ВКЛ простые предложения тяготеют к зачинам и концовкам: *ПисанУ в ыименю нашомъ Стецковском року 1577, м(е)с(“)ца вктебра 12 дн#* (ТБ, № 67, 1577, с. 320); *А у сей духовной сидел отец мой духовной козмодамьянской с Ямоги игумен Иона* (АФЗХ, II, № 282, 1560–1561, с. 292); в новгородских духовных грамотах, кроме зачина и концовки, простые предложения тяготеют к начальным и конечным блокам содержательной части: *А дати ми святому Николе рубль* (ГВНП, № 250, XV в., с. 262).

Распространены сложные предложения с придаточными определительными: 1) в актах ВКЛ они являются частью огромных периодов и присоединяются с помощью союза *яко*, местоимения *который*: *А по животе ее сыны мои вышепомененые, которые з них лета зУполные*

водлугъ Статуту меть будет, то такъ свою част в семь тестаменте моемъ *вписаную*, "ко и брати своее, которые лет зУполных мети не бУдет, мает до себе вз"т и в целости заховат до възросту лет его (ТБ, № 35, 1591–1592, с. 188). Функционируют их архаические типы: «конструкции с повторением определяемого слова в зависимом предложении, определительные конструкции, состоящие из трех частей с плеонастическим местоимением в третьей части» [352, с. 52–53].

В старорусских духовных придаточная часть может находиться: 1) в препозиции или постпозиции и начинаться с местоимений *кто, что*: *А что мои люди куплени в вел(и)комъ свертиѣ, а тыми с# подл#ть с(ы)н(о)ве моі* (ДДГ, № 1, 1339, с. 8); *по"съ зол(о)тъ с каменьемъ [с женчуги], что ми дал брат мои, кн#з(ь) великии Семен* (ДДГ, № 4, 1358, с. 16); 2) в постпозиции и связываться с главной частью с помощью слова *который*: *А тамгою и иными волостми городскими подл[#тс# сынове] мои; тако же и мыты, которыи в котором оуздѣ, то тому* (ДДГ, № 1, 1339, с. 8). Во всех духовных грамотах функционируют предложения с несколькими придаточными определительными: *А что есмь придобылъ золота, что ми дал б(ог)ъ, и коробочку золотую, а то есмь даль кн#гини сво~и ...* (ДДГ, № 1, 1339, с. 8).

Требование выполнять те или иные распоряжения приводит к активности различного типа конструкций с инфинитивами. В московских духовных грамотах значительно число простых инфинитивных предложений в СБ, указывающих должников и кредиторов завещателя, распоряжения относительно денег: *Дати мне к пречистой богородицы в дом в Осифов монастырь по своей душе на кормы двацетъ рублев деняг* (АФЗХ, II, № 393, 1593, с. 439), в которых наблюдается развитие значения долженствования в плане настоящего [191, с. 283]. В новгородских актах инфинитивные конструкции отмечены только в 22% исследованных документов: *А в ту мою землю внуку моему Кюрилу не вступатися* (ГВНП, № 226, XV в., с. 248). В 96% духовных грамот ВКЛ отмечены конструкции, в которых инфинитивы употребляются вместе с глаголами *мети, належати*: *кому бы в том належало ведати... мають ей, матце своеи, сынове мои ... п[о]ловицУ маетности моее всее вт мала до велика втдати...* (ТБ, № 46, 1596, с. 246).

В духовных грамотах распространены условные предложения. Эти структуры, согласно работам В.И. Борковского [351, с. 80], могут быть рассмотрены одновременно и как сложноподчиненные, и как бессоюзные, соотносимые со сложноподчиненными. Условная конструкция является «важнейшим, основным структурным элементом» [331, с. 81] изложения. Она используется в СБ со значением санкции; при указании обязательной выплаты со стороны наследников; при распоряжении относительно собственности в случае повторного замужества жены. В старорусских духовных грамотах выявлены следующие ти-

пы: 1) конструкция *а кто, который ... будетъ, ино*, на основе которой происходит формирование условного союза *а будетъ*, который «был самым распространенным условным союзом деловой письменности XVI–XVII вв.» [361, с. 230]: *А будетъ Игнатъевымъ дѣтемъ до земли, а куны у нихъ будутъ свои, они дають куны святому Николи, а земля имъ, а Николи 5 сороковъ бѣлъ ...* (ГВНП, № 226, XV в., с. 248); 2) конструкции с союзами *аже, аще, оже*: *Аже кто почне вступатся или в землю, или в пожни, или в лѣсъ, или въ что ни хотя, а то очищивати Прокую з дѣтми ...* (ГВНП, № 121, XV в., с. 179). В духовных грамотах ВКЛ функционируют условные предложения с союзами *а если / естли бы ... , тогда ...*: *А если бых чого не поменила, або не доложила, тогда такъ менованое неменованомУ, #къ неменованое менованомУ, ни в чом шкодити и переказы жадное чинити не мает* (ТБ, № 5, 1579, с. 60).

Особенностью синтаксической организации духовных грамот ВКЛ являются изъяснительные конструкции, которые используются, чтобы передать значение просьбы. Для выражения значения изъяснения используется союз *ижь*, который рассматривается как признак книжной речи, появившийся под влиянием польского языка [352, с. 78]: *Ижь ", бУдУчы втѣ Пана Бога навежоньи великою а вбѣложьною хоробою, ... ижь што-колвекъ живо родитс", то Умерети мусить, а до кресУ замероного прУдѣко бежитъ* (ТБ, № 1, 1588, с. 42–43).

Основной коммуникативной целью жалованных грамот является императивность, включающая в себя разрешение или запрет на разного типа действия. На нее наслаивается повествование о событиях, которые предшествовали созданию акта. Структурно-семантические типы предложений, которые используются в жалованных грамотах для реализации императивной коммуникативной цели, разнообразны.

В старорусских жалованных доминируют двусоставные предложения со сказуемыми в форме глаголов настоящего или будущего времени, инфинитивные, безличные предложения с наречием *не надобѣ*: *А по великого князя слову волостелемъ ихъ волоцкимъ блюсти, а не обидѣти, бога дѣля и святаго дѣля Юрья* (ГВНП, № 86, 1337–1339, с. 143), которые несут на себе оттенок желательности [75, с. 87], а формально ничем не отличаются «от описания процесса как узувального (хабитувального)» [317, с. 15].

Для выражения императивности в грамотах ВКЛ используются 1) конструкции с предикативным наречием *не надобѣ*: *Теж жаловали есьмо его, што ж с тых сел Кортеню подвод не надобѣ давати и стану на намесников полоцких радити* (ПГ, II, № 233, 1499, с. 168); 2) двусоставные полные и неполные предложения с кратким прилагательным *волен*, глаголом *мети* и формами инфинитива: *Мает(ь) пан Станислав и его пани и их дети и напотом будучи их счатки и его ближнии тое имен(ь)е на Низголовѣ держати вечно и непорушно со всимъ с тым, с*

чим купил, и волен он то отдати, продати, заменити, розширити, к своему вжиточному и лепшому обернути, как сам налелеи розумеючи (ПГ, II, № 260, 1505, с. 205).

В жалованных грамотах, состоящих из казусно-мотивировочного и констатирующего разделов, значительное место занимает повествование. Для его передачи используются изъяснительные конструкции, с помощью которых вводится косвенная речь. Такие предложения «не обладают особой модальностью, ... косвенная речь может произноситься как самим говорящим, так и другим лицом» [269, с. 544]. Они оформлялись с помощью союзов, которые условно можно разделить на две группы: «1) союзы, выражающие модальность синтаксического индикатива, не вносящие в изъяснительное значение предложения никаких дополнительных модальных оттенков, 2) союзы, вносящие в изъяснительное значение предложения дополнительные модально-смысловые оттенки ирреальности» [363, с. 270].

В жалованных ВКЛ придаточные изъяснительные дублируются несколько раз, создавая за счет своего повторения кольцевую структуру акта: *Били нам чолом мещане полоцкии на имя Иван а Гридко ... и повели перед нами, што ж еще пращур у их ... великии князь Витовът дал сел(ь)цо ... Ино и перво сего они о том били нам чолом у Кракове, абыхмо им тыи землицы ... потвердили ... а поведил перед нами, иж бы рекома они тыи земли вси моц(ь)ю в людеи наших позаграбили ... И тымы разы они били нам чолом, абыхмо их подлуг тых листов в том не рушили и потвердили быхмо то им нашим листом на вечност(ь)* (ПГ, II, № 252, 1502, с. 189–191). В старорусских жалованных подобные конструкции не являются обязательными: *Что ми бил челом, а сказывает, что де пустынка Нафанайлово строение монастырь, церковь Успение святыа богородици в Славцове, ... а изстарины де таки тот монастырь тянул к тому к моему Сновицкому монастырю* (АФЗХ, I, № 189, 1464, с. 170–171).

Стилистическое своеобразие купчих, духовных и жалованных грамот на уровне структурных типов предложения проявляется 1) в доминировании в купчих грамотах простых предложений; 2) в распространении в духовных грамотах инфинитивных конструкций, сложных определительных и условных предложений; 3) в распространении в жалованных грамотах инфинитивных конструкций и предложений с придаточной изъяснительной.

4.4. Стилистические ресурсы делового, бытового и книжного регистров в синтаксисе актов документов

Особенность синтаксико-стилистического строя старорусских и старобелорусских актов проявляется в функционировании в них стилистических ресурсов делового, книжного и бытового регистров. Стилистическое единство старорусских и старобелорусских актов документов разных жанров проявляется в функционировании синтаксических элементов делового регистра. Функционирование средств бытового и книжного регистров менее значимо.

Стилистические ресурсы делового регистра

К стилистически значимым для актов синтаксическим средствам собственно делового регистра следует отнести 1) на уровне способов выражения членов предложения употребление причастий на -л в функции сказуемого; 2) на уровне строения простого предложения – распространенность пояснительных и уточняющих конструкций, предложений с однородными членами, распространенность пассивных конструкций; 3) на уровне структурно-семантических типов – наличие инфинитивных предложений и сложных предложений с условным значением; 4) на уровне связи отдельных предложений – цепочечное нанизывание предложений.

Употребление сказуемых, выраженных формами причастий на -л, которые «наряду с «исконным» перфектным значением выражали также значение аориста, имперфекта и плюсквамперфекта» [330, с. 79; 268, с. 340–341], характерно для всех исследованных старорусских и старобелорусских актов. В старорусских актах они тяготеют к концовкам, в содержательной части встречаются в одной-двух конструкциях: в придаточных частях, при передаче косвенной речи, при описании индивидуальной ситуации: ... *и у мене купиль Александръ посадникъ четвертую часть...* (ГВНП, № 110, 1393, с. 167). Л-причастия распространены в жалованных ВКЛ, что связано с наличием в структуре актов отдельного раздела, где происходило изложение просьбы адресата, описывалось действие в прошлом, для которого отсутствовали типичные средства выражения, поскольку большинство таких ситуаций индивидуально: *Бил нам чолом ... о том, што перьво сего бояре полоцкии мовили нам о люди его ..., и ж бы тые люди были не под владычыным послушеньством, але бы служили церкви ... и крилошанам ... дань даивали, и под их прысудом жыли ...* (ПГ, II, № 254, 1502, с. 194).

Детализация и стремление точно изложить информацию приводят к функционированию в разных актах рядов однородных членов, которые соединяются бессоюзной связью, при помощи союза *и* и одновременно предлога *с*, при этом имеет место «не только соединительное значение, но и значение усилительное» [74, с. 161]. С помощью однородных членов перечисляются родственники, документы, вещи, указания привилегий и т.д. Прослеживается «отсутствие у пишущего навыков делать обобщения, подбирать родовое понятие к видовым» [349, с. 61]: *в Корхлскои землѣ в Жоравьѣ рѣкѣ противъ церкви село и пожни и ловища, отчину отца моего Ивана*

Ортемьина, и на морѣ в Корѣлѣ между пяти родовъ, и в Выгу рѣкѣ в Золотѣи участокъ, и в Шуи рѣкѣ участокъ, и в Кѣмѣ рѣкѣ участокъ, и в Килбоостровѣ, и по морскому берегу и земля и вода, и лѣсъ полѣшии, и пожни, и ловища, и на лонѣ между пятіа роды, куды ходя[ть] корѣлскіи дѣти (ГВНП, № 328, XV в., с. 312).

Пояснительные конструкции наиболее значимы для духовных ВКЛ: среди рассмотренных актов XVI в. более 80% – это документы, в которых пояснение вводится с помощью союза *то есть*: *вси речы мои и рухомые вѣт мала до велика, то есть, золото, серебро, шаты, цын, мед ...* (ТБ, № 81, 1578, с. 395).

Распространенность пассивных конструкций [29, с. 8] в актах ВКЛ подтверждает мысль о сформированности в XVI в. синтаксически значимых признаков делового стиля в старобелорусских актах: *Тело мое грешное, абы "ко земл", земли вѣдано, и было поховано водлугъ вбычаю хрест"нсого на полю моем властном под грушою, подле дороги, котора# идет с Кобрын" до Городца, а негде индеи* (ТБ, № 18, 1590, с. 109).

В русских актовых документах эти конструкции редки. Они представлены: 1) в концовках жалованных грамот при указании на место, где была выдана или написана грамота: *Писана на Москве лета 7054-го августа в 6 день* (АМСМ, № 82, 1546, с. 95); 2) при указании на отсутствие других сделок с передаваемой собственностью или ссылки на записанные ранее распоряжения: *А тех [моих] людей мои прикажъщѣики наделят всех по списку, кому что написана* (АФЗХ, II, № 40, 1507–1515, с. 41).

Значение долженствования передается в актах конструкциями с инфинитивами. Это предложения, в которых инфинитивы выступают как сказуемые или как дополнения, относящиеся к адресату акта. Анализ актов показывает, что частотность употребления таких предложений обусловлена местом создания грамоты. В актах ВКЛ они отмечены в 73% купчих, 96% духовных и 98% жалованных, в то время как в купчих ВКМ – 12%, в купчих НК – 21%: *... дозволили ему и тымъ листомъ нашимъ дозволяемъ и даемъ в томъ именьи его Буцевичах корчму вольную збудовати и в ней мед, пиво и вино горелое доброволне держати и тымъ безъ шкоды коръчом наших шинковати* (КЗ, LXIII, № 22, 1556, с. 69).

По замечанию В.М. Живова, наиболее яркой чертой синтаксической организации делового языка является цепочечное нанизывание. Выделено два доминирующих признака таких конструкций: 1) «рема первой предикативной конструкции повторяется как тема второго... и т.д.» [164, с. 234], 2) в роли начинательных выступают союзы *и, да, а*. Такие конструкции представлены во всех исследованных актах: *Ино послѣ сего тоѣ земли всим намъ братѣником по имѣни ... под вѣсподином архиеп(и)ск(о)пом Ивнуою, вл(а)д(ы)кою полоцкымъ, не поискывати. А хто промѣж нас, а либо ближних наших имѣт(ь) поискы-*

вати, ино тот дастъ воспод(и)но нашоу . . . ег(о) м(и)л(о)сти вину 20-цат(ь) рублей (ПГ, II, № 196, 1487, с. 113).

Стилистические ресурсы бытового регистра

Особенность языка актовых текстов проявляется в функционировании синтаксических средств бытового регистра, благодаря которым за счет «разговорных и всем понятных форм речи» [218, с. 118] происходит постоянное обновление делового языка. Это характерно для тех частей текста, где излагаются индивидуальные ситуации [125, с. 80–84]. К стилистически значимым явлениям бытового регистра следует отнести 1) на уровне способов выражения членов предложения – повтор предлогов; 2) на уровне строения простого предложения – наличие вводных конструкций, обращений, инверсий и творительного социативного; 3) на уровне структурно-семантических типов – неполные и бессоюзные предложения.

Повторы предлогов были охарактеризованы А.А. Шахматовым, В.И. Борковским, С.П. Обнорским и А.Н. Стеценко [361, с. 110], А.П. Майоровым [280, с. 15]. Появление таких конструкций обусловлено стремлением к логическому выделению необходимой информации и нечеткостью синтаксических связей, характерных для устной речи: *за пьвную суму пенези, за шести копу грошеи* (НИАБ, 1598, ф. 1751, оп. 3, д. 1, л. 166, об.).

В текстах функционируют вводные и вставные замечания: *овраг, и врагом вверх на колодязище, и от колодязища вверх межсею на дуб по Васильеву землю Оклячеева – налеве земля Богоявленского монастыря и Васильева земля Оклячеева – направо земля Сиротинского сельца в Московском уезде во Жданском стану* (АМСМ, № 34, 1529/1530, с. 38), контаминации различного типа, при которых «структура начала предложения расходится со структурой его конца, так как говорящий . . . соскальзывает с одной синтаксической конструкции на другую» [120, с. 230]: *Што которые дворы и села на Руси покУпили есмо навечность, а ишиое позакуповали в розных панов и зем"н, ино кгда Богъ Створител з воли Своее Светое нас вбеюх з сего света зберет, тогды тые имен" . . .* (ТБ, № 75, 1570, с. 357–358).

Обращения в документах XIV–XV вв. обусловлены сохранением в текстах фрагментов существования акта в устной форме. Наиболее ярко это проявляется в новгородских актах: *А вы, бояре двиньскіи, и житьи люди, и купци, бороните купчину Сергьева монастыря* (ГВНП, № 95, 1448–1454, с. 151); творительный социативный характерен для грамот разных жанров: *архимандрита Арона з братьею* (АСЭИ, II, № 394, с. 401); инверсии значимы для разговорной стихии, так как наиболее важная информация обычно помещается в начало предложения, что приводит к появлению особых атрибутивных и глагольных конструкций [280, с. 14]: *Такеж в той его земли*

купленои Щолвенъской седять сябры тых людей, што ему тыи земли продали, на имя Тречевичи (ПГ, II, № 238, 1500, с. 173).

Неполные предложения характерны для содержательной части актов. В грамотах отмечен пропуск сказуемого, зафиксированный в документах разных жанров и мест создания. Сказуемое пропускается при описании границ или места нахождения собственности, при передаче собственности адресату: *А на дворе хором горенка на подызицы да сени с подсеньем...* (ВН, № 5, 1590, с. 120); *то святому Спасу, а Кугыку не надобѣ* (ГВНП, № 121, XV в., с. 179).

Е.Ф. Карский подчеркивает разговорный характер бессоюзных предложений и их соотнесенность со сложноподчиненными предложениями [196, с. 218–219]; А.П. Майоров отмечает, что их функционирование в деловых памятниках объясняется продуктивностью «в разговорной речи» [280, с. 16]; Л.А. Глинкина указывает на цепочки смежных предложений, сливающихся в единое слабо организованное бессоюзное сложное целое [125, с. 81]: *Тогда ", звышъпоменена# кн(е)г(и)н# Ганна Кошерска", симъ тестаментом моимъ възтатною волю мою позвол#ю и моцъ зиполную даю: вси тые дворцы и села помененые с прыселки и з людьми в них вселыми впродречоных п(а)нов, заставленые, водде вписов его м(и)л(ос)ти небожчыка кн#з" малжонка моег(о), также и п(а)ни матки моее, имъ на то даных, его м(и)л(ос)ти п(а)ну воеводе подл"шьскому, п(а)ни малжонцэ и потомъкомъ их м(и)л(ос)ти выкупити ...* (ТБ, № 81, 1581, с. 396). Функционирование средств бытового регистра сходно в старорусских и старобелорусских актовых документах разных жанров и локализовано в содержательной части грамот.

Стилистические ресурсы книжного регистра

В грамотах обнаружены синтаксические явления, характерные для книжного регистра, которые указывали на «оценку пишущим сообщаемого как значимого» [247, с. 21]. К ним следует отнести: 1) на уровне способов выражения членов предложения – сказуемое в форме аориста, книжные формы при выражении различных членов предложения; 2) на уровне строения простого предложения – постпозицию определений, дистантное расположение согласованного определения; 3) на уровне структурно-семантических типов – синтаксические конструкции с книжными союзами и союзными словами: яко, якобы, понеже, дабы.

Сказуемое в форме аориста встречается в новгородских актах. В московских актах, как и в актах ВКЛ, аорист единичен, его появление – результат нарушения стандартного оформления текста. М.Л. Ремнева объясняет употребление аориста как формы, которую изучали и традиционно копировали [331, с. 74]: *Се купи попь Максимъ Иониничъ* (ГВНП, № 135, перв. четв. XV в., с. 196).

В текстах разных жанров фиксируется постпозиция прилагательных: *подаваня н(а)шог[о] г(о)с(по)д(а)рьског[о]* (КЗ, XLIII, № 5, 1555,

с. 50); препозиция родительного падежа принадлежности, который «мог распространяться приложением или определением» [269, с. 476]: *которое земли селищю* (АВК, XXII, № 620, 1570, с. 374); дистантное расположение согласованного определения: *тивина в земли Жомоитской вешв"нского* (ТБ, № 70, 1599, с. 334); ряд книжных форм в завещании духовного лица: *Аз, грешный Кирилло игумен, смотрих, яко постижемя старость, впадох бо в частыя и различныя болезни, ими же ныне сдержимь есмь...* (АСЭИ, II, № 314, 1427, с. 277).

Синтаксические конструкции с книжными предлогами, союзами, частицами, союзными словами *яко*, *понеже*, *дабы* в духовных грамотах ВКЛ: *кн#з" втца н(а)шог(о) дароваль, потому ж, "ко и ишим сестрам старшим моим чел#д неволную подавали* (ТБ, № 62, 1560, с. 302), в новгородских и московских жалованных и духовных. В старобелорусских духовных грамотах *яко* является достаточно распространенным элементом: *Ведже абы се "ко матку свою тые сынове мои шановали и ей заслужовали и в учтивости мели. До того их пилно напоминаю, "ко бы тым рыхлей ласку и милость ее родительскую познали и вдержжат могли* (ТБ, № 103, 1592, с. 482).

Для актовых текстов характерно наличие книжных черт [330, с. 66], частотны синтаксические элементы книжного регистра в духовных грамотах.

Общность синтаксико-стилистических ресурсов текстообразования в старорусских и старобелорусских актах XIV–XVI вв. разных жанров проявляется в сходстве стилистических функций средств связности. Во всех актовых документах союзы маркируют начало СБ, местоимения повторно указывают на объекты или на субъекты сделок, используются для организации внутритекстовых анафорических связей, повторы усиливают значимость указанной информации, синтаксический параллелизм выполняет выделительно-логическую функцию.

Сходство старорусских и старобелорусских актов проявляется в использовании синтаксико-стилистических ресурсов простого предложения: для каждого жанра типичными являются средства выражения подлежащих и сказуемых, употребление второстепенных членов (согласованных определений, обстоятельств со значением времени и места). Для старорусских и старобелорусских актовых документов разных жанров характерно употребление определенных структурно-семантических разновидностей предложений, состав которых определяется коммуникативными целями актов. Во всех исследованных текстах доминирующими являются синтаксические средства делового регистра, а употребление средств бытового и книжного регистров зависит от жанра акта и места его создания. В диахронии во всех актах прослеживается усложнение синтаксической структуры.

Различия в использовании синтаксико-стилистических ресурсов текстообразования между старорусскими и старобелорусскими актами

проявляются в составе средств связности, в особенностях употребления структурно-семантических разновидностей предложений, в количественных показателях синтаксических средств разных регистров в актах.

В период XIV–XVI вв. в старобелорусских актах по сравнению со старорусскими более разнообразными являются средства связности: функционируют сочетания причастий и прилагательных *верхуописаный*, *вышейпомененый*, лексемы, формирующие последовательность изложения. В грамотах ВКЛ распространены пассивные конструкции, употребляются разные типы сложных предложений, что свидетельствует о более высоком уровне проявления синтаксических характеристик делового стиля в старобелорусских актах по сравнению со старорусскими. Наблюдается усложнение синтаксической организации актов, адресантами которых выступали лица, имеющие высокий социальный статус.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование актовых текстов XIV–XVI вв. позволяет сделать следующие выводы.

Сравнительно-сопоставительное лингвостилистическое исследование значительного корпуса актовых документов требует учета как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Определяющим параметром при этом является жанровый параметр. Жанры актовых документов, созданных в разных государственных образованиях, следует определять на основе целевой установки акта. Это позволяет сравнивать тексты с разными самоназваниями, но с одной коммуникативной целью. От жанровой характеристики текстов зависят особенности структурно-смысловой организации актов, набор лексико-фразеологических и стилистико-синтаксических ресурсов текстообразования.

Структурно-смысловую организацию текстов можно представить как иерархичную систему, включающую в себя линейные последовательности смысловых единиц, позволяющих определить локальные и жанровые характеристики актов. Схема построения актового документа включает в себя следующие элементы: смысловой блок – смысловой фрагмент – раздел – часть – текст. Для вербализации смысловых единиц используются устойчивые конструкции – типичные синтаксические модели с относительно постоянным лексическим составом, в пределах которых выявлены лексико-фразеологические средства различной степени устойчивости. При введении параметров типичной / индивидуальной информации, наличия или отсутствия фразеологизированности / терминологизированности / метафоричности / метонимичности определяются такие единицы, как формулы, устойчивые и свободные сочетания.

Синтаксическая организация актов репрезентирует такие стилевые качества, как точность, информативность, однозначность. Ее особенности в актовых документах проявляются в функционировании средств связности; в способах выражения главных и второстепенных членов простого предложения; в распространении отдельных структурно-семантических разновидностей предложений; в соотношении в каждом жанре средств делового, бытового и книжного регистров. Собственно языковые особенности актов связаны с социальными характеристиками адресанта и адресата грамоты, среди которых обозначены официальные и частные, коллективные и индивидуальные субъекты.

Общность структурно-смысловой организации старорусских и старобелорусских актовых документов обусловлена наличием универсальных принципов ее построения: во всех текстах выявлены оформляющая и содержательная части, которые состоят из разных смысловых

блоков. Блоки могут быть как общими для актов разных жанров (смысловые блоки со значением указания границ, именованя писца, указания даты и места создания акта), так и встречающимися только в одном жанре (блоки со значением указания цены, лиц, присутствующих на отводе, в купчих грамотах) или на одной территории (блок со значением извещения в актах ВКЛ).

В течение XIV–XVI вв. общей для всех актов документов является тенденция усложнения структурно-смысловой организации текстов: 1) происходит формирование оформляющей части; 2) увеличивается объем содержательной части как за счет появления новых смысловых блоков, так и за счет распространения уже существующих блоков факкультативными компонентами.

Различия в структурно-смысловой организации актов обусловлены уровнем сформированности оформляющей и содержательной частей. К концу XVI в. оформляющая часть старобелорусских актов включает в себя зачин и концовку, в то время как в старорусских актах идет процесс формирования трехчастной структуры. Зачины обязательны только в духовных и в части жалованных грамот ВКМ и НК. В купчих элементы, относящиеся к зачину, включены в содержательную часть. В содержательной части и концовке старобелорусских актов документов выдерживается строгая последовательность презентации смысловых блоков, которая отсутствует в старорусских актах.

Общность стилистической организации старорусских и старобелорусских актов документов проявляется в сходных текстообразующих функциях формул, устойчивых и свободных сочетаний. Во всех актах в зачине формулы выполняют функции констатации законности фиксируемых распоряжений, в концовках с помощью формул удостоверяется юридическая сила документа, в содержательной части репрезентируются юридические понятия, круг которых обусловлен жанром акта. Устойчивые сочетания используются для вербализации типичных юридических действий или распоряжений. Они выполняют функцию констатации, долженствования, запрета. В описательных фрагментах текста используются свободные сочетания, которые включены в типичные синтаксические модели.

Различия старорусских и старобелорусских актов проявляются в составе устойчивых единиц: для старобелорусских документов характерны терминологизированные формулы, обозначающие типы правовых отношений, типы собственности и денежных средств, которые не употребляются в старорусских актах. В состав старобелорусских актов документов к концу XVI в. входят лексемы *листъ*, *малжонка*, *малжонокъ* и т.п., заимствованные из польского языка. В новгородских актах с XV в. фиксируется замена лексемы *рукописание* лексемой ду-

ховная или сочетанием *духовная грамота*, использование конструкции *кому мне что дати и на комъ мне что взяти*.

Общность синтаксико-стилистических ресурсов текстообразования в старорусских и старобелорусских актах проявляется в сходстве стилистических функций средств связности (союзов, повторов, местоимений и синтаксического параллелизма). Союзы выполняли функции обозначения начала смысловых блоков, их присоединения к предыдущим блокам. Местоимения использовались для повторного обозначения субъектов и объектов сделок, для реализации связи текстовых единиц. Повторы как средство стилистической организации актов выполняли функцию усиления значимости уже указанной информации. Для духовных грамот значим синтаксический параллелизм, с помощью которого организуются отдельные предложения в составе текстового фрагмента.

С помощью главных и второстепенных членов предложения реализуются такие характеристики актов документов, как точность, однозначность, императивность и обобщенность. Точность языка актов проявляется в употреблении обстоятельств с пространственным, временным, причинным значением; императивность – в употреблении сказуемых в формах инфинитива, повелительного наклонения, сочетаний с частицей *не*, имеющих обязательный, предписывающий характер; однозначность – в повторах подлежащих, выраженных формами личных имен; обобщенность – в широком распространении дополнений и подлежащих, выраженных формами местоимений *кто, никто, все*.

Употребление структурно-семантических разновидностей предложений связано с жанром актов: в купчих грамотах, где предъявляется информация и описывается собственность, распространены простые и сложные предложения с определительными отношениями. В духовных грамотах стилистически значимы инфинитивные предложения и предложения с условными отношениями. В жалованных грамотах, имеющих казусно-мотивировочный раздел, важны предложения с изъяснительными отношениями. В диахронии для всех актов характерно усложнение синтаксической организации текстов.

Отличие старобелорусских текстов от старорусских проявляется 1) в составе средств связности, так как для старобелорусских актов характерны: а) прилагательные и причастия, подвергающиеся прономинализации; б) конструкции *што ся дотычеть*; в) лексемы, с помощью которых формируется последовательность изложения: *напервей, затымь, наперодь, потомь*, которые в XIV–XVI вв. не встречаются в старорусских текстах; 2) в купчих и духовных грамотах ВКЛ возможно употребление сложных предложений с изъяснительными и целевыми отношениями; 3) в белорусских актах широко распространены синтаксические средства делового регистра (пассивные конструкции, инфинитивные предложения).

Выявлена взаимосвязь между социальным статусом субъектов деловой коммуникации и особенностями лингвостилистической организации актов: высокий социальный статус адресанта, его отнесенность к коллективным или индивидуальным официальным лицам определяют четкость структурно-смысловой организации актовых документов, употребление большого числа формул и устойчивых сочетаний, доминирование на синтаксическом уровне осложненных и сложных предложений, императивность акта. Наиболее ярко личностное начало проявляется в духовных грамотах.

В старорусских духовных грамотах лиц невысокого социального статуса содержатся распоряжения, касающиеся в основном возврата долгов или передачи земли церкви. В духовных грамотах, составленных от имени владельцев с высоким социальным статусом, преобладают блоки, в которых фиксируются отдаваемые распоряжения и подробно описывается имущество. Духовные великих и удельных князей имеют общегосударственное значение и в стилистическом отношении приближаются к жалованным грамотам. Структурно-смысловая организация старобелорусских духовных грамот, составленных от имени мещан, проще, чем структурно-смысловая организация грамот, составленных от имени представителей дворянского сословия.

В духовных выявлены нарушения структурно-смысловой организации зачина при изложении необычных причин составления завещания; переплетение смысловых блоков и смысловых фрагментов; совмещение средств делового, бытового и книжного регистров.

СЛОВАРЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ

Зачин – компонент оформляющей части, предваряющий основное содержание и включающий в себя сакральные конструкции, именование адресанта и адресата акта, извещение.

Концовка – компонент оформляющей части, расположенный после основного содержания и включающий сведения о дате и месте создания акта, именовании свидетелей, писца, информацию о закреплении акта печатью.

Оформляющая часть – часть текста, включающая в себя два компонента: зачин и концовку.

Раздел – структурный элемент содержательной части, включающий в себя указание причин обращения с просьбой или распоряжение.

Свободное сочетание – сочетание слов, использующееся для вербализации индивидуальной информации и характеризующееся смысловой самостоятельностью составляющих лексем.

Смысловой блок – относительно самостоятельный содержательный компонент текста. Определенные последовательности смысловых блоков организуют тексты актовых документов.

Смысловой фрагмент – группа смысловых блоков, объединенная общностью темы.

Содержательная часть – часть текста, включающая в себя основную информацию документа.

Устойчивая конструкция – синтаксическая модель с относительно постоянным лексическим составом, используемая для вербализации смысловых блоков.

Устойчивое сочетание – лексико-синтаксическая единица, постоянно повторяющаяся в определенной текстовой позиции, служащая для вербализации типичной информации и характеризующаяся смысловой самостоятельностью составляющих лексем.

Формула – лексико-синтаксическая единица, постоянно повторяющаяся в определенной текстовой позиции, служащая для вербализации типичной информации и характеризующаяся фразеологической, метафорической, метонимической или терминологической обусловленностью составляющих лексем.

Формуляр – определенный состав и порядок следования смысловых блоков, конструкции, используемые для их вербализации в тексте документа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акимова, Э.Н. Историческая лингвистика текста: инновационные подходы в исследованиях / Э.Н. Акимова // Вестн. Нижегород. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 427–430.
2. Акимова, Э.Н. Категории текста в диахроническом аспекте / Э.Н. Акимова // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 окт. 2011 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 68–71.
3. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 1978. – 224 с.
4. Акты, издаваемые Археографическою комиссією, высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ: в 39 т. / Вильна : Тип. Губерн. правления, 1865–1915. – Т. 2 : Акты Брестскаго земскаго суда : [1431–1793 гг.]. – 1867. – 372 с.
5. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією : в 39 т. / Вильна : Тип. Губерн. правления, 1865–1915. – Т. 3 : Акты Брестскаго градскаго суда : [1401–1699 гг.]. – 1870. – 436 с.
6. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією : в 39 т. / Вильна : Тип. Губерн. правления, 1865–1915. – Т. 5 : Акты Брестскаго и Гродненскаго градскихъ судовъ, съ присовокупленіемъ привилегій на землевладніе въ Брестской и Кобринской экономіяхъ : [1388–1783 гг.] / предисл. С. Шолковича. – 1871. – 513 с.
7. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією : в 39 т. / Вильна : Тип. Губерн. правления, 1865–1915. – Т. 6 : 1) Акты Брестскаго градскаго суда (поточные), 2) Акты Брестскаго подкоморскаго суда, 3) Акты Брестской магдебургіи, 4) Акты Кобринской магдебургіи и 5) Акты Каменецкой магдебургіи / предисл. И.Я. Спрогиса. – 1872. – 739 с.
8. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією : в 39 т. / Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1865–1915. – Т. 8 : Акты Виленскаго градскаго суда : [1755–1790 гг.] / предисл. И. Спрогиса. – 1875. – 760 с.
9. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією : в 39 т. / Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1865–1915. – Т. 9 : Акты Виленскаго земскаго суда, магистрата, магдебургіи и конфедерации : [1493–1797] / предисл. С. Шолковича. – 1878. – 665 с.
10. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією : в 39 т. / Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1865–1915. – Т. 17 : Акты Гродненскаго земскаго суда : [1539–1565 гг.] / предисл. К. Снитко. – 1890. – 633 с.

11. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссіею для разбора древнихъ актовъ : в 39 т. / Вильна : Тип. А.Г. Сыркина, 1865–1915. – Т. 22 : Акты Слонимскаго земскаго суда : [1555–1570] / предисл. К. Снитко. – 1895. – 535 с.

12. Акты, издаваемые Коммиссіею, высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ : в 39 т. / Вильна : Тип. А.К. Киркора, 1865–1915. – Т. 1 : Акты Гродненскаго земскаго суда : [1540–1795 гг.]. – 1865. – 401 с.

13. Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссіею: в 5 т. / СПб. : Тип. Э. Праца, 1863. – Т. 1 : 1361–1598. – 1863. – 301 с.

14. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Акты Соловецкаго монастыря 1479–1571 гг. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. И.З. Либерзон. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1988. – 274 с.

15. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: Б.Д. Греков (отв. ред.). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – Т. 1 : Акты из архива Троице-Сергиева монастыря / сост. и примеч. С.Б. Веселовскаго. – 1952. – 804 с.

16. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: Л.В. Черепнин (отв. ред.). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – Т. 2 / сост. И.А. Голубцов. – 1958. – 727 с.

17. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–XVI вв. : в 3 т. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: Л.В. Черепнин (отв. ред.). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964. – Т. 3 / сост. И.А. Голубцов. – 1964. – 687 с.

18. Акты феодальнаго землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: С.В. Бахрушин (отв. ред.). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1956. – Ч. 1 / подгот. к печати Л.В. Черепнин. – 1951. – 400 с.

19. Акты феодальнаго землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: Л.В. Черепнин (отв. ред.). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1956. – Ч. 2 / сост. и подгот. к печати А.А. Зимин. – 1956. – 663 с.

20. Акты феодальнаго землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: Л.В. Черепнин (отв. ред.). – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951–1956. – Ч. 3 / сост. Л.В. Черепнин. – 1961. – 443 с.

21. Акты феодальнаго землевладения и хозяйства : акты Московскаго Симонова монастыря (1506–1613) / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. Л.И. Ивина. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1983. – 352 с.

22. Амади, Ш.А. Разговорное и письменное начало в синтаксической организации деловых текстов последней трети XVIII века: на материале тюменских распорядительных, просительных документов и записей допросов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ш.А. Амади ; Нижневарт. гос. гуманитар. ун-т. – Тюмень, 2008. – 22 с.

23. Андреев, В.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. / В.Ф. Андреев ; отв. ред. В.Л. Янин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 143 с.

24. Анічэнка, У.В. Дзеяслоўныя формы прошлага часу ў беларускай мове па матэрыялах Літоўскай метрыкі XV–XVI стст. : дыс. ... канд. філал. навук / У.В. Анічэнка. – Мінск, 1955. – 342 с.

25. Анічэнка, У.В. Мовы ўсходніх славян : вуч. дапаможнік для філал. фак. ВНУ / У.В. Анічэнка. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 318 с.

26. Антонович, А.К. Вопросы фонетики белорусского актового языка XVI в.: По материалам судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566–1567 гг. / А.К. Антонович // Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та. – Вильнюс, 1960. – Т. 30 : Языкознание, вып. 2. – С. 85–113.

27. Антонович, А.К. Графика и орфография судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566–1567 гг. / А.К. Антонович // Уч. зап. высш. учеб. завед. Лит. ССР. Языкознание. – Вильнюс, 1961. – Т. 3. – С. 207–219.

28. Аракчеев, В.А. Крестьяне в социальной структуре средневековой Руси (XIV – первая половина XVI в.) / В.А. Аракчеев // Cah. du monde russe. – 2005. – Vol. 46, № 1/2. – P. 107–114.

29. Артамонов, В.Н. Функционально-стилистический анализ текста : учеб. пособие / В.Н. Артамонов. – Ульяновск : Ульян. гос. техн. ун-т, 2004. – 54 с.

30. Археографический ежегодник за 1957 год / Акад. наук СССР, Отд-ние ист. наук Археогр. комис. ; под ред. М.Н. Тихомирова. – М. : Наука, 1958. – 520 с.

31. Археографический ежегодник за 1967 год / Акад. наук СССР, Отд-ние истории Археогр. комис. ; под ред. В.И. Шункова. – М. : Наука, 1969. – 366 с.

32. Астахина, Л.Ю. Лексика с качественной семантикой в деловой письменности XVII в. / Л.Ю. Астахина // Вопросы исторической семантики русского языка. Межвузовский тематический сб. науч. тр. / Калининград. гос. ун-т ; под ред. А.И. Дубяго, Р.В. Алимпиевой. – Калининград, 1989. – С. 38–45.

33. Астахина, Л.Ю. Лексика царских грамот фонда Оружейной палаты РГАДА (подарки крымским послам) / Л.Ю. Астахина // Северное Причерноморье. К истокам славянской культуры. (V Чтения памяти

академика О.Н. Трубачева) : материалы конф., Алупка, 25–30 сент. 2008 г. – Киев; М., 2008. – С. 12–19.

34. Астахина, Л.Ю. Лексическая содержательность путивльских писцовых книг XVII в. / Л.Ю. Астахина // Слово в синхронии и диахронии: лексико-семантический аспект: сб. науч. тр. / Тверской гос. ун-т. – Тверь, 1993. – С. 106–112.

35. Астахина, Л.Ю. Русские сельскохозяйственные книги как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Ю. Астахина ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1974. – 22 с.

36. Астахина, Л.Ю. Семантические и словообразовательные связи регионального слова / Л.Ю. Астахина // Вестн. КГУ имени Н.А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 72–76.

37. Астахина, Л.Ю. Способы обозначения чисел в деловом языке XVI–XVII вв. (формирование категории числительных) / Л.Ю. Астахина // Жанрово-стилевая специфика лексики русского языка XVI–XVII вв.: межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1987. – С. 125–134.

38. Афанасьева, О.Е. Имена собственные в деловых документах Поонежья в XVI–XVII вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.Е. Афанасьева ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2010. – 193 с.

39. Багрянцева, Г.И. Филологический анализ документного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.И. Багрянцева ; Моск. гос. ун-т. – М., 1986. – 24 с.

40. Баландина, А.А. Лексика иконописи XVI–XVIII вв. (на материале севернорусской и среднерусской деловой письменности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Баландина ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 1997. – 18 с.

41. Баракова, О.В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.В. Баракова. – СПб., 2004. – 548 л.

42. Баракова, О.В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.В. Баракова ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 40 с.

43. Баракова, О.В. Названия старорусских документов, относящихся к таможенному делу, и текстовые реминисценции в них / О.В. Баракова // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 40–48.

44. Баракова, О.В. Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка XVII века (на материале книг таможен Северного речного пути) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.В. Баракова ; Вологод. гос. ун-т. – Вологда, 1995. – 16 с.

45. Бахилина, Н.Б. Лексика / Н.Б. Бахилина // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот / В.И. Борковский [и др.] ; под ред. В.И. Борковского. – М., 1955. – С. 167–189.

46. Безбородова, Ю.В. Отражение развития делового стиля в лексическом составе приходо-расходных книг XVIII в. / Ю.В. Безбородова // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия : материалы IX Междунар. науч. конф., Нижневартовск, 23–24 нояб. 2012 года / Нижневарт. гос. ун-т. – Нижневартовск, 2012. – С. 248–253.

47. Безбородова, Ю.В. Приходо-расходные книги Свято-Троицкого мужского монастыря (к. XVIII – н. XIX вв.) как лингвистический источник: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.В. Безбородова. – Тюмень, 2005. – 203 л.

48. Беларускі архіў = Archivum alboruthenicum = Weissrussisches archiv : у 3 т. / Ін-т беларус. культуры, Гіст.-археал. каміс. – Мінск : Ін-т беларус. культуры, 1927–1930. – Т. 1 : XVI–XVII ст. : матэрыялы і дак. да гісторыі Беларус.-Літоўс. дзяржавы і г. Магілёва з архівасховаў Магілёва, Масквы і Кракава / Ар. Смоліч (адк. рэд.) [і інш.]. – 1927. – 299 с.

49. Беларускі архіў = Archivum alboruthenicum = Weissrussisches archiv : у 3 т. / Ін-т беларус. культуры, Гіст.-археал. каміс. – Мінск : Ін-т беларус. культуры, 1927–1930. – Т. 2 : XV–XVI ст. : матэрыялы і дак. да гісторыі Беларус.-Літоўс. дзяржавы і г. Магілёва з архівасховаў Магілёва, Масквы і Кракава / Ар. Смоліч (адк. рэд.) [і інш.]. – 1928. – 391 с.

50. Белкина, Е.М. Относительное подчинение в московской деловой и бытовой письменности XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.М. Белкина ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1979. – 16 с.

51. Белоруссия в эпоху феодализма : сб. док. и материалов : в 3 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. М-ва внутр. дел БССР ; редкол.: А.И. Азаров [и др.]. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959–1961. – Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века / сост. З.Ю. Копыцкий. – 1959. – 516 с.

52. Белькова, А.Е. Контекстуальные средства создания референтной определенности в метрических книгах Тюменского Духовного Правления XIX в. / А.Е. Белькова // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2009. – № 5. – С. 79–82.

53. Белькова, А.Е. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления как жанр деловой письменности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Е. Белькова ; Нижневарт. гос. гуманитар. ун-т. – Сургут, 2009. – 21 с.

54. Белькова, А.Е. Языковая репрезентация концепта брак в метрических книгах: формулярный анализ / А.Е. Белькова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 8. – С. 1–17 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-8-36>. – Дата доступа : 20.06.2015.

55. Биктимирова, Ю.В. Вариативность падежных форм имен существительных в скорописных памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. / Ю.В. Биктимирова // Учен. записки ЗабГГПУ. Сер., Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 37–43.

56. Биктимирова, Ю.В. Морфология именных частей речи в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.В. Биктимирова ; Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Красноярск, 2012. – 25 с.

57. Биктимирова, Ю.В. Некоторые особенности употребления имен прилагательных в языке памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. / Ю.В. Биктимирова // Гуманитарный вектор. – 2011. – № 4 (28). – С. 184–191.

58. Биктимирова, Ю.В. Особенности употребления числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. / Ю.В. Биктимирова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер., Язык. Литература. Культура. – 2013. – № 1. – С. 91–100.

59. Биктимирова, Ю.В. Становление падежной парадигмы единственного числа существительных женского рода по памятникам деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. / Ю.В. Биктимирова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер., Язык. Литература. Культура. – 2012. – № 2. – С. 78–83.

60. Биньковская, М.В. Из истории функционирования предлога на в деловых документах второй половины XVIII – начала XIX в. / М.В. Биньковская // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер., Лингвистика. – 2011. – Вып. № 1. – С. 4–6.

61. Биньковская, М.В. Формирование предлогов со значением условия и уступки в деловом языке второй половины XVIII века (по материалам ОГАЧО) / М.В. Биньковская // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер., Лингвистика. – 2008. – Вып. № 1 (101). – С. 39–41.

62. Биньковская, М.В. Функционирование лексических предлогов, оформляющих предложный падеж, в деловых документах второй половины XVIII в. / М.В. Биньковская // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 13–21.

63. Благова, Н.Г. Деловой язык и языковая ситуация в Московской Руси XVII в. / Н.Г. Благова // Материалы международного съезда русистов в Красноярске, 1–4 окт. 1997 г. : в 2 т. / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Администрация Краснояр. края. Ком. по делам культуры и искусства Краснояр. края, Краснояр. гос. пед. ун-т [и др.]. – Т. 1. – Красноярск: КГПУ, 1997. – С. 44–46.

64. Благова, Н.Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века: (на материале Уложения 1649 г.) / Н.Г. Благова. – СПб.: Изд. С.-Петербур. ун-та, 1998. – 104 с.

65. Благова, Н.Г. Становление русской юридической терминологии в начальный период формирования национального языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н.Г. Благова ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 33 с.

66. Блинова, О.В. Деформация средств выражения грамматической связности как следствие воспроизводимости текста : (на материале грамоток XVI–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.В. Блинова ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 23 с.

67. Богданова, И.В. Управление как тип синтаксической связи в курганской деловой письменности XVIII в. / И.В. Богданова // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста: сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 22–28.

68. Бондарчук, Н.С. Тверская деловая письменность XVII–XVIII веков : учеб. пособие / Н.С. Бондарчук ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1986. – 78 с.

69. Бондарчук, Н.С. Устойчивые сочетания в тверской деловой письменности XVII–XVIII вв. на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях / Н.С. Бондарчук, Р.Д. Кузнецова // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии : сб. тез. докл. / Псков. гос. пед. ин-т ; под ред. Л.Я. Костючук. – Псков, 1994. – С. 20–22.

70. Борисова, Е.Н. К вопросу о региональной деловой письменности XVII–XVIII вв. как источнике изучения истории лексики русского литературного языка / Е.Н. Борисова // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М.: Наука, 1987. – С. 37–42.

71. Борисова, Е.Н. К проблеме формирования нормированной разновидности русского литературного языка / Е.Н. Борисова // Русская историческая лексикография и лексикология : межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. гос. пед. ин-т ; редкол.: А.Д. Васильев (отв. ред.) [и др.]. – Красноярск : КГПИ, 1989. – С. 75–85.

72. Борисова, О.В. Из истории лексики судебного дела на Русском Севере / О.В. Борисова // Русская региональная лексикология и лексикография : межвуз. сб. науч. тр. / М-во образования Рос.

Федерации. Вологод. гос. пед. ун-т ; отв. ред. О.И. Новоселова. – Вологда : ВГПУ, 1999. – С. 55–69.

73. Борисова, О.В. Терминология судебного дела на Русском Севере (на материале деловой письменности XV–XVII веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.В. Борисова ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2000. – 18 с.

74. Борковский, В.И. Синтаксис / В.И. Борковский // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот / В.И. Борковский [и др.] ; под ред. В.И. Борковского. – М., 1955. – С. 144–166.

75. Борковский, В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение / В.И. Борковский. – Львов : Тип. Львов. гос. ун-та, 1949. – 391 с.

76. Борковский, В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение / В.И. Борковский ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 186 с.

77. Боярская, О.В. Имена прилагательные с семантикой физического признака в южноуральской и зауральской деловой письменности конца XVIII в. / О.В. Боярская // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 28–42.

78. Бубнова, Е.С. К изучению фразеологии письменного наследия Великого Княжества Литовского / Е.С. Бубнова // Язык и межкультурные коммуникации : II Междунар. науч. конф. – Минск : БГПУ – Вильнюс : ВПУ, 2009 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bsru.by/handle/doc/2367>. – Дата доступа : 24.06.2015.

79. Будзько, І.У. Пісьмовая спадчына гістарычнай Полаччыны: мова і тэксталогія / І.У. Будзько, Э.В. Ярмоленка // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2008. – № 4. – С. 112–117.

80. Булахаў, М.Г. Прыметнік у беларускай мове / М.Г. Булахаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1964. – 199 с.

81. Булыка, А.М. Беларуская мова канца XV – пачатку XVI ст. / А.М. Булыка // Скарына і яго эпоха / В.А. Чамярыцкі (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – С. 157–208.

82. Булыка, А.М. Даўнія запазычанні беларускай мовы / А.М. Булыка ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 383 с.

83. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 254 с.

84. Булыка, А.М. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы / А.М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 175 с.

85. Булыка, А.М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А.М. Булыка, А.І. Жураўскі, І.І. Крамко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.

86. Быкова, Т.В. Место документов культурно-просветительных и учебных заведений г. Тобольска XVIII века в русском общекультурном пространстве / Т.В. Быкова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер., Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 20 (235). – Вып. 56. – С. 45–49.

87. Ваганова, К.Р. Формулы предписания в деловом языке первой половины XIX века (на материале разыскных указов) / К.Р. Ваганова // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. – 2004. – № 13 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/formuly-predpisanija-v-delovom-yazyke-pervoy-poloviny-xix-veka-na-materiale-razysknyh-ukazov>. – Дата доступа : 24.06.2015.

88. Вафеев, Р.А. Фамилии тюркского происхождения в ревизских сказках города Тобольска XVIII века: структурно-семантический аспект / Р.А. Вафеев, М.С. Выхрыстюк, Г.Ч. Файзуллина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2012. – № 23. – С. 32–35.

89. Ващенко, Т.Ф. Некоторые данные о составе лексики отказных книг / Т.Ф. Ващенко // История русского языка: памятники XI–XVIII вв. : сб. науч. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. С.И. Коткова, Н.П. Панкратова. – М., 1982. – С. 147–157.

90. Великий Новгород во второй половине XVI в. : сб. док. / Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. древ. актов ; сост. К.В. Баранов. – СПб. : Дм. Буланин, 2001. – 274 с.

91. Викторова, Н.В. Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов конца XVIII – начала XIX в. (по материалам Государственного архива Челябинской области) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Викторова. – Челябинск, 1993. – 207 л.

92. Виноградов, В.В. Задачи стилистики / В.В. Виноградов // Стилистика: Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1963. – С. 5–93.

93. Виноградов, В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1958. – 138 с.

94. Винокур, Г.О. О задачах истории языка / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1959. – С. 207–226.

95. Винокур, Г.О. Русский язык. Исторический очерк / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1959. – С. 11–110.

96. Владимирова, О.В. Порядок слов в синтаксисе русских деловых документов конца XVIII века (на материале документов Курганского городского хозяйственного управления 1799 года) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.В. Владимирова ; Курган. гос. ун-т. – М., 2000. – 20 с.

97. Воборжил, Л. Лексические и другие средства когезии текста (на материале русского договора) / Л. Воборжил / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusistika.upol.cz/publikace/voboril_kohezekoherence. – Дата доступа : 15.05.2011.

98. Волков, С.С. Изменения в лексике делового языка Московской Руси первой трети XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С.С. Волков ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – Л., 1962. – 20 с.

99. Волков, С.С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства / С.С. Волков. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 164 с.

100. Волков, С.С. Силевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.С. Волков ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1980. – 44 с.

101. Волынская, А.В. Хозяйственные книги севернорусских монастырей XVI–XVII вв. как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Волынская ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1992. – 18 с.

102. Выхрыстюк, М.С. Деловая письменность г. Тобольска XVIII века и ее отношение к книжно-славянскому и народно-разговорному языку / М.С. Выхрыстюк // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение : тр. и материалы междунар. науч. конф., Казань, 4–7 мая 2007 г. : в 2 т. / Казан. гос. ун-т [и др.] ; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань, 2007. – Т. 1. – С. 110–112.

103. Выхрыстюк, М.С. К вопросу о выработке формуляра делового текста г. Тобольска второй половины XVIII века / М.С. Выхрыстюк // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 16. – С. 34–39.

104. Выхрыстюк, М.С. К вопросу о порядке слов текстов деловой письменности конца XVIII в. (по материалам госархива г. Тобольска) / М.С. Выхрыстюк // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2008. – № 3. – С. 30–35.

105. Выхрыстюк, М.С. Книжно-славянское и народно-разговорное начало в рукописных деловых текстах Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века / М.С. Выхрыстюк // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их

воплощение в современной русистике : сб. науч. ст. / Тюмен. гос. ун-т ; сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. – Тюмень, 2010. – С. 229–234.

106. Выхрыстюк, М.С. Рукописные документы Тобольского мужского Знаменского монастыря XVIII века в Тобольском архиве / М.С. Выхрыстюк // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л.М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 34–41.

107. Выхрыстюк, М.С. Структура скорописных деловых документов Тобольского мужского Знаменского монастыря II половины XVIII века / М.С. Выхрыстюк // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири : материалы 25-й юбилейной междунар. конф. «Славянские духовные традиции в Сибири», посвященной Дню славянской письменности и культуры / Тюмен. гос. ун-т ; отв. ред. Н.К. Фролов. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002. – С. 46–51.

108. Выхрыстюк, М.С. Тобольская письменность XVII–XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / М.С. Выхрыстюк ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 49 с.

109. Вярхоў, П.В. Лічэбнік у беларускай мове (параўнальна з рускай і ўкраінскай мовамі) / П.В. Вярхоў. – Мінск : Выдавецтва БДУ, 1961. – 36 с.

110. Галай, О.М. Бытовая лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке (на материале письменных памятников XV–XVII вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О.М. Галай. – Минск, 1977. – 18 с.

111. Галенчанка, Г. Метрыка Вялікага княства Літоўскага / Г. Галенчанка, М. Спірыдонаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭН, 1999. – Т. 5 : М – Пуд. – С. 121–128.

112. Галинская, Е.А. Из исторической фонетики русских говоров западной диалектной зоны / Е.А. Галинская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1995. – № 3. – С. 57–68.

113. Галинская, Е.А. Рефлексы фонемы <ять> в смоленском диалекте начала XVII в. / Е.А. Галинская // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 94–100.

114. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – 5-е изд., стер. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 139 с.

115. Ганцовская, Н.С. Синтаксическая фразеологизация в многокомпонентном сложноподчиненном предложении / Н.С. Ганцовская // Активные процессы в области фразеологии : сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т ; под ред. Г.А. Селиванова. – Иваново, 1984. – С. 84–95.

116. Ганькова, Е.Г. Приходно-расходные книги севернорусских монастырей как жанр деловой письменности допетровского времени: на материале рукописей Николо-Корельского монастыря : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.Г. Ганькова. – Архангельск, 2006. – 235 л.

117. Гардзееў, М.Ю. Запісы-тэстаменты полацкіх мяшчан часоў вайны 1654–1667 гг. як пісьмовыя гістарычныя крыніцы / М.Ю. Гардзееў // Гісторыя Беларусі : новае ў даследаванні і выкладанні : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 27 сак. 1999 г. : у 2 ч. / Бел. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: У.В. Тугай [і інш.]. – Мінск, 1999. – Ч. 2. – С. 39–42.

118. Гауч, О.Н. Жанровое своеобразие организационно-распорядительных документов деловой письменности XVIII века (на материале ТФГАТО) / О.Н. Гауч // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17). – С. 221–233.

119. Гауч, О.Н. Жанровое своеобразие судебно-следственных документов в делопроизводстве второй половины XVIII века (на примере материалов Тобольского филиала государственного архива Тюменской области) / О.Н. Гауч // Научный диалог. – 2014. – № 9 (33). – С. 14–23.

120. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка / А.Н. Гвоздев. – 4-е изд. – М. : URSS : КомКнига, 2005. – 407 с.

121. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; гал. рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2011. – 32 вып.

122. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / А.Я. Баханькоў [і інш.] ; пад рэд. А.Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 339 с.

123. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах : у 4 т. / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1936–1954. – Т. 1 : IX–XVIII стст. / склад. : В.К. Шчарбакоў, К.І. Кернажыцкі, Д.І. Даўгяла. – 1936. – 694 с.

124. Глинкина, Л.А. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI–XVII веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Л.А. Глинкина ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1962. – 26 с.

125. Глинкина, Л.А. Элементы народно-разговорного языка в текстах южноуральских деловых бумаг XVIII века / Л.А. Глинкина // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л.М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 76–85.

126. Глухих, Н.В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – начала XIX в. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала) : автореф. дис. ...

д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Глухих ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2008. – 48 с.

127. Глухих, Н.В. Категория текстовой модальности в деловом эпистолярном письме конца XVIII – начала XIX века / Н.В. Глухих // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 50–65.

128. Голованова, О.И. Жанровая классификация документов следственных дел второй половины XVIII века / О.И. Голованова // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 65–78.

129. Голованова, О.И. Лингвоисторический анализ жанра «освидетельствование» в судебном производстве 2-й половины XVIII в. / О.И. Голованова // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 236–241.

130. Голованова, О.И. Тюменские следственные дела 1782–1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и историколингвистического анализа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.И. Голованова ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2008. – 24 с.

131. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка : учеб. пособие [Электронный ресурс] / И.Б. Голуб. – Моск. гос. ун-т печати. – М., 2002. – Режим доступа : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/>. – Дата доступа : 15.11.2011.

132. Горбань, О.А. Региональные документы XVIII века в аспекте категории темпоральности / О.А. Горбань // Вестн. Вол. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2014. – № 4. – С. 7–16.

133. Горбань, О.А. Региональные документы XVIII века: аспекты лингвистического описания / О.А. Горбань, Е.М. Шептухина // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2013. – № 3. – С. 76–84.

134. Городилова, Л.М. Деловая письменность приенисейской Сибири XVII в. и региональная историческая лексикография : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.М. Городилова. – Хабаровск, 2004. – 507 л.

135. Городилова, Л.М. О классификации и лингвистической ценности рукописных источников региональной исторической лексикографии / Л.М. Городилова // Российский лингвистический ежегодник, 2006 / Иркут. гос. ун-т ; редкол.: Т.М. Григорьева (гл. ред.) [и др.]. – Иркутск, 2006. – Вып. 1. – С. 91–101.

136. Городилова, Л.М. Православные личные имена в деловой письменности XVII в. / Л.М. Городилова / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravostok.ru/>. – Дата доступа : 23.06.2015.

137. Городилова, Л.М. Росписные списки воевод как лингвистический источник / Л.М. Городилова // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л.М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 3–14.

138. Горшков, А.И. О предмете истории русского литературного языка / А.И. Горшков // Вопр. языкознания. – 1978. – № 6. – С. 3–14.

139. Горшкова, О.В. Фразеология московских грамот XIV–XV вв. как характерная особенность делового стиля русского языка / О.В. Горшкова // Сборник статей по языкознанию : проф. Моск. ун-та акад. В.В. Виноградову [в день его 60-летия] / Моск. гос. ун-т ; под общ. ред. А.И. Ефимова. – М., 1958. – С. 125–130.

140. Горшкова, О.В. Язык московских грамот XIV–XV вв. (лексика и фразеология) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.В. Горшкова ; Моск. гос. ун-т. – М., 1951. – 15 с.

141. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; подгот.: В.Г. Гейман [и др.] ; под ред. С.Н. Валка. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 407 с.

142. Груца, А.П. Развіццё складаназалежнага сказа ў беларускай мове (на матэрыяле помнікаў пісьменнасці XIV–XVII стст. і сучасных народных гаворак) / А.П. Груца. – Мінск, 1970. – 270 с.

143. Груцо, А.П. Категория вида и времени в истории русского и белорусского языков / А.П. Груцо // Русский язык и литература. – 2011. – № 2. – С. 56–59.

144. Груцо, А.П. Развитие сложноподчиненного предложения в белорусском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / А.П. Груцо. – Минск, 1968. – 39 с.

145. Груша, А.І. Беларуская кірылічная палеаграфія : вучэб. дапаможнік для студэнтаў гіст. фак. / А.І. Груша. – Мінск : БДУ, 2006. – 142 с.

146. Груша, А.І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст. / А.І. Груша. – Мінск : Бел. навука, 2006. – 215 с.

147. Груша, А.І. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII стст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / А.І. Груша. – Мінск : БелНДІДАС, 2003. – 166 с.

148. Груша, А.І. М'яноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства

Літоўскага ў апошняй трэці XIV – першай трэці XVI ст. / А.І. Груша. – Мінск, 2010. – 96 с.

149. Гумбольдт, В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 307–323.

150. Дайлиденас, Р.Й. Литуанизмы в старобелорусской деловой письменности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Р.Й. Дайлиденас ; Акад. наук БССР, Ин-т языкознания. – Минск, 1989. – 24 с.

151. Демидов, Д.Г. Указательные местоимения русского языка в исторической ретроспективе и перспективе: связанные и свободные функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Д.Г. Демидов ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2011. – 42 с.

152. Дернович, О.И. Бои за язык: дефиниция официального канцелярского языка Великого Княжества Литовского в современных белорусской, литовской и украинской историографии / О.И. Дернович // LDK kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos [Электронный ресурс] : Vtarptautinės konf., Vilnius–Seinai, 12–14 lapkričio 2008 : pranešimų tezės / Lietuvių kalbos inst. – Vilnius, 2008. – Режим доступа : http://www.lki.lt/LKI_LT/images/Naujienos/tezes.pdf. – Дата доступа : 18.04.2011.

153. Дерунова, А.А. Названия документов в письменном наследии Великого Княжества Литовского / А.А. Дерунова // Язык и межкультурные коммуникации : II Междунар. науч. конф., Вильнюс–Минск, 12–15 мая 2009 г. : в 3 ч. / Вильнюс. пед. ун-т, Белорус. гос. пед. ун-т ; редкол.: Л. Плыгавка [и др.]. – Вильнюс, 2009. – Ч. 2. – С. 22–25.

154. Дерягин, В.Я. Варьирование в формулах деловой речи XV–XVII вв. / В.Я. Дерягин // Восточные славяне: Языки. История. Культура : к 85-летию акад. В.И. Борковского : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М., 1985. – С. 243–248.

155. Дерягин, В.Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важские денежные отписки XVI–XVII вв.) / В.Я. Дерягин // Источники по истории русского языка : сб. ст. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; ред. д-р филол. наук С.И. Котков, канд. филол. наук В.Я. Дерягин. – М., 1976. – С. 3–37.

156. Дерягин, В.Я. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов / В.Я. Дерягин // Вопр. языкознания. – 1980. – № 4. – С. 97–107.

157. Дерягин, В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В.Я. Дерягин ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1980. – 50 с.

158. Дзядова, А.С. Культурна-гістарычная канатацыя фразеалагізмаў у старабеларускай мове XIV–XVIII стст. / А.С. Дзядова //

Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 крас. 2008 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; навук. рэд.: Л.П. Кунцэвіч, Н.В. Паляшчук. – Мінск, 2008. – С. 252–257.

159. Дзярновіч, А.І. Дэфініцыі афіцыйнай мовы ВКЛ: паміж сацыялінгвістыкай і гістарычнымі дыскурсамі / А.І. Дзярновіч // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову (к 90-летию со дня рождения) : сб. науч. трудов. Вып. II / редкол. : Г.А. Цыхун (отв. ред.), А.Н. Гордей (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2015. – С. 61–64.

160. Догушева, Е.А. Морфологические особенности памятников рязанской деловой письменности XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Догушева; Моск. пед. ун-т. – М., 1997. – 14 с.

161. Дубоніс, А. Праблемы Літоўскай Метрыкі: погляд з Вільнюса / А. Дубоніс. – Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. II. – Мінск : Athenaeum – Адзел спецыяльных гістарычных навук ІГ НАНБ, 2003. – С. 16–32.

162. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; отв. ред. С.В. Бахрушин. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 587 с.

163. Емельянова, С.Е. Наименование адресата и адресанта в деловых письмах ранненововерхненемецкого периода (на примере писем имперской канцелярии Максимилиана I) / С.Е. Емельянова // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 241–242.

164. Живов, В.М. Автономность письменного узуса и проблема преимущества в восточнославянской средневековой письменности / В.М. Живов // Славянское языкознание : XII Междунар. съезд славистов, Краков, 1998 г. : докл. рос. делегации / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз. ; отв. ред. О.Н. Трубачев. – М., 1998. – С. 212–247.

165. Живов, В.М. Гуманистическая традиция в развитии грамматического подхода к славянским литературным языкам в XV–XVII вв. / В.М. Живов // Славянское языкознание : XI Междунар. съезд славистов, Братислава, сент. 1993 г. : докл. рос. делегации / Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз. ; отв. ред. Н.И. Толстой. – М., 1993. – С. 106–121.

166. Живов, В.М. О связности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа / В.М. Живов // Слово в тексте и в словаре : сб. ст. к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз., Ин-т проблем передачи информ. ; отв. ред.: Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. – М., 2000. – С. 573–581.

167. Живов, В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков / В.М. Живов. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 655 с.

168. Живов, В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры : сб. / В.М. Живов. – М. : Яз. славян. культуры, 2002. – 758 с.

169. Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века: Культурная и языковая политика Петра I. Западноевропейские теории и их русская рецепция. Духовенство и традиции духовной литературы / В.М. Живов. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 590 с.

170. Жураўскі, А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / А.І. Жураўскі ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1961. – Т. 1. – 371 с.

171. Жураўскі, А.І. Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; А.І. Жураўскі (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 317 с.

172. Жураўскі, А.І. Мова Статута // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 502–506.

173. Жураўскі, А.І. Характар знешніх узаемаадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянскімі мовамі ў пачатковы перыяд яе фарміравання / А.І. Жураўскі, І.І. Крамко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 40 с. – (АН БССР. Беларус. камітэт славістаў. VII Міжнар. з'езд славістаў. Доклады).

174. Закар'ян, М.М. Древнерусская юридическая лексика в языке Литовского Статута 1588 года / М.М. Закар'ян // LTSR MA MD. – Kalbotyra, 1962. – Т. 4. – Р. 171–195.

175. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 867 с.

176. Зализняк, А.А. Древнерусские энклитики / А.А. Зализняк ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 280 с.

177. Зализняк, А.А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте / А.А. Зализняк // Исследования по структуре текста : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т.В. Цивьян. – М., 1987. – С. 147–181.

178. Захарова, Ю.Г. Сольвычегодские таможенные книги XVIII века как источник для исторической лексикологии / Ю.Г. Захарова // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л.М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 60–69.

179. Захарова, Ю.Г. Сольвычегодские таможенные книги XVIII века как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.Г. Захарова ; Хабар. пед. ун-т. – Хабаровск, 2002. – 21 с.

180. Зіманскі, В.Э. Мова беларускай пісьменнасці ранняга перыяду (на матэрыяле Вісліцкага статута XV ст.) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / В.Э. Зіманскі ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2002. – 21 с.

181. Зинкявичюс, З. Восточная Литва в прошлом и настоящем : перевод / З. Зинкявичюс. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1996. – 387 с.

182. Зиновьева, Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология / Е.И. Зиновьева. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. – 236 с.

183. Зиновьева, Е.И. Историко-культурный аспект изучения фразеологизмов обиходно-бытового языка Московской Руси / Е.И. Зиновьева // Славянская фразеология и паремиология в XXI в. : сб. науч. ст. / Междунар. ком. славистов, Комис. по славян. фразеологии ; под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск, 2010. – С. 42–46.

184. Зиновьева, Е.И. Стилеобразующие средства и фрагменты языковой картины мира в деловой письменности XVI–XVII вв. (на материале записных кабальных книг) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Е.И. Зиновьева; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2001. – 38 с.

185. Золтан, А.К. Западно-великорусские языковые контакты в области лексики XV века : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.К. Золтан. – М., 1984. – 140 л.

186. Золтан, А.К. предыстории русского «государь» / А.К. Золтан // Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў / М.Р. Прыгодзіч, А.А. Прыгодзіч. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 112–151.

187. Зуева, О.В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О.В. Зуева ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 25 с.

188. Ивина, Л.И. Формулярный анализ купчих грамот Центральной Руси (Переславская земля) конца XIV–XV вв. / Л.И. Ивина // Сообщения Ростовского музея [Электронный ресурс] / Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». – Ростов, 2003. – Вып. 13 : Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. – Режим доступа : <http://rostmuseum.ru/publication/srm/013/ivina01.html>. – Дата доступа : 24.01.2011.

189. Инютина, Т.С. Вариативность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.С. Инютина ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2009. – 27 с.

190. Иссерлин, Е.М. Официально-деловой стиль : учеб. пособие / Е.М. Иссерлин ; Моск. полигр. ин-т. – М., 1970. – 41 с.

191. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / В.И. Борковский [и др.] ; под ред. В.И. Борковского. – М. : Наука, 1978. – 447 с.

192. Калмыкова, Т.С. Местоимения в деловом языке второй половины XVIII века: семантика, грамматика, функционирование : по арх. материалам : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.С. Калмыкова ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2004. – 21 с.

193. Кандаурова, Т.Н. К вопросу о традиционных словосочетаниях-штампах в древнерусских памятниках XI–XIV вв. / Т.Н. Кандаурова // Вопросы языкознания и русского языка : сб. ст. / Моск. гос. пед. ун-т ; под ред. И.А. Василенко. – М., 1970. – С. 114–157. – (Учен. записки / Моск. гос. пед. ун-т ; № 355).

194. Капылоў, І.Л. Тапанімія беларускіх дзелавых помнікаў XV–XVIII стст. : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / І.Л. Капылоў ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2001. – 20 с.

195. Карский, Е.Ф. Белорусы : в 3 т. / Е.Ф. Карский. – Варшава : Тип. Варшав. Учеб. Округа, 1903–1922. – Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. – 1903. – 466 с.

196. Карский, Е.Ф. Белорусы : в 3 т. / Е.Ф. Карский. – Варшава : Тип. Варшав. Учеб. Округа, 1903–1922. – Т. 2 : Язык белорусского племени, вып. 3 : Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. – 1912. – 347 с.

197. Карский, Е.Ф. Главнейшие течения в русском литературном языке / Е.Ф. Карский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е.Ф. Карский ; отв. ред. В.И. Борковский. – М., 1962. – С. 130–138.

198. Карский, Е.Ф. Что такое древнее западнорусское наречие / Е.Ф. Карский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е.Ф. Карский ; отв. ред. В.И. Борковский. – М., 1962. – С. 253–262.

199. Качалкин, А.Н. Имя русского документа / А.Н. Качалкин // Рус. речь. – 2002. – № 1. – С. 71–76.

200. Качалкин, А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. / А.Н. Качалкин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. – Ч. 1 : Жанры русского документа допетровской эпохи. – 119 с.

201. Качалкин, А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи : в 2 ч. / А.Н. Качалкин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1988. – Ч. 2 : Филологический метод анализа документов. – 111 с.

202. Качалкин, А.Н. Названия деловых бумаг в XVIII веке / А.Н. Качалкин // Рус. речь. – 2003. – № 2. – С. 79–84.

203. Качалкин, А.Н. Названия допетровских деловых текстов / А.Н. Качалкин // Рус. речь. – 2002. – № 2. – С. 73–80.

204. Качалкин, А.Н. Простые, составные названия и ключевые слова в документах / А.Н. Качалкин // Рус. речь. – 2002. – № 6. – С. 84–88.

205. Качалкин, А.Н. Разные названия и значения одного документа / А.Н. Качалкин // Рус. речь. – 2003. – № 1. – С. 87–92.

206. Качалкин, А.Н. Русские документы до XVIII века / А.Н. Качалкин // Образоват. портал «Слово» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.portal-slovo.ru/philology/37378.php?ELEMENT_ID=37378. – Дата доступа : 15.03.2011.

207. Качалкин, А.Н. Семантика слова в названиях документов / А.Н. Качалкин // Рус. речь. – 2002. – № 4. – С. 74–77.

208. Качалкин, А.Н. Слово и дело (риторика делового общения в ее предметно-языковых характеристиках) / А.Н. Качалкин // Слово. Текст. Язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fixed.ru/prikling/conf/stilsist2/slovowajfvxw_rz1.html. – Дата доступа : 20.03.2011.

209. Качалкин, А.Н. Сокращенные названия документов / А.Н. Качалкин // Рус. речь. – 2002. – № 5. – С. 71–73.

210. Каштанов, С.М. Из истории русского средневекового источника : акты XI–XVI вв. / С.М. Каштанов ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 1996. – 263 с.

211. Каштанов, С.М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. / С.М. Каштанов // Вспомогательные исторические дисциплины : сб. ст. / Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – Л., 1976. – Т. 8 / редкол.: С.Н. Валк (отв. ред.) [и др.]. – С. 69–81.

212. Каштанов, С.М. Очерки русской дипломатики / С.М. Каштанов ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1970. – 502 с.

213. Каштанов, С.М. Русская дипломатика : учеб. пособие / С.М. Каштанов. – М. : Высш. шк., 1988. – 231 с.

214. Кириллов, Ю.В. Об изменениях в структуре и формуляре деловых документов XVII в. при включении их в состав таможенных книг (на примере одной памяти) / Ю.В. Кириллов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер., Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2008. – № 5. – С. 92–94.

215. Кириллов, Ю.В. Псковские таможенные книги как лингвистический источник (общерусские и местные особенности в аспекте становления языковых норм) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.В. Кириллов ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 22 с.

216. Кожин, А.Н. Описательные типы текста в деловой письменности XVII в. / А.Н. Кожин // История русского языка и лингвистическое источниковедение : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. В.В. Иванов, А.И. Сумкина. – М., 1987. – С. 116–123.

217. Кожина, М.Н. Статус исторической стилистики / М.Н. Кожина // *Stylistyka / Pol. Acad. of Sciences, Inst. of Pol. Philology.* – Opole, 1993. – Roczn. 2. – С. 15–32.

218. Колесов, В.В. Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.

219. Колесов, В.В. Общие понятия исторической стилистики / В.В. Колесов // *Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Петрозав. гос. ун-т ; редкол.: З.К. Тарланов (отв. ред.) [и др.].* – Петрозаводск, 1990. – С. 16–36.

220. Колтунова, Е.А. Статистический анализ местоименного склонения в деловой нижегородской письменности XIV–XVII вв. / Е.А. Колтунова // *Структурная и прикладная лингвистика : межвуз. сб. / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. А.С. Герда.* – 1987. – Вып. 3. – С. 138–143.

221. Комарова, Л.Э. Синтаксические данные тюменских челобитных XVII – первой четверти XVIII века / Л.Э. Комарова // *Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике : сб. / Тюмен. гос. ун-т ; сост., отв. ред. Л.М. Байдуж.* – Тюмень, 2010. – С. 254–263.

222. Комарова, Л.Э. Тюменские челобитные XVII – первой четверти XVIII в. как лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Э. Комарова ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2000. – 27 с.

223. Комлева, Н.В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Комлева. – Вологда, 2004. – 221 л.

224. Копосов, Л.Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности : учеб. пособие / Л.Ф. Копосов. – М. : Моск. обл. пед. ин-т, 1991. – 83 с.

225. Копосов, Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология) / Л.Ф. Копосов. – М. : МПУ, 2000. – 287 с.

226. Кортава, Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка / Т.В. Кортава. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 109 с.

227. Косивцова, А.В. Модели субъектно-объектных конструкций в деловом тексте XVIII века / А.В. Косивцова // *Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике : сб. науч. ст. / Тюмен. гос. ун-т ; сост., отв. ред. Л.М. Байдуж.* – Тюмень, 2010. – С. 139–144.

228. Косов, А.Г. Корпус жанров и жанровое соотношение деловых документов конца XVIII в. / А.Г. Косов // *Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент. – 2 окт.*

2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 256–264.

229. Косов, А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII в. (на материале рукописных и печатных текстов объединенного государственного архива Челябинской области) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Г. Косов. – Челябинск, 2004. – 273 л.

230. Костючук, Л.Я. Из истории псковской лексики и фразеологии : учеб. пособие / Л.Я. Костючук. – Псков : Изд-во Псков. гос. пед. ин-та, 1992. – 66 с.

231. Костючук, Л.Я. Некоторые наблюдения над трафаретными выражениями в древнерусских деловых документах (по грамотам XI–XIV вв.) / Л.Я. Костючук // Теория и методика преподавания русского языка / Ленингр. гос. пед. ун-т ; редкол.: А.Г. Руднев (отв. ред.) [и др.]. – Л., 1968. – С. 156–169.

232. Костючук, Л.Я. Повторяемость словосочетаний и фразеологизация в древнерусском языке (на материале псковских летописей) / Л.Я. Костючук // Активные процессы в области фразеологии : сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т ; под ред. Г.А. Селиванова. – Иваново, 1980. – С. 67–73.

233. Костючук, Л.Я. Процессы становления и функционирования устойчивых сочетаний слов в псковских памятниках письменности и народных говорах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.Я. Костючук ; Ленингр. гос. пед. ин-т. – Л., 1983. – 48 с.

234. Костючук, Л.Я. Псковская фразеология в ее прошлом и настоящем (в связи с общими вопросами фразеологии) / Л.Я. Костючук. – Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т, 1983. – 82 с.

235. Костючук, Л.Я. Слово в текстах прошлого и настоящего (к проблеме динамической системы в лексике) / Л.Я. Костючук // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия : сб. ст. / гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда, 2007. – С. 712–716.

236. Котков, С.И. Деловая письменность и литературный язык / С.И. Котков // Рус. речь. – 1980. – № 5. – С. 105–113.

237. Котков, С.И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII в. / С.И. Котков ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1964. – 312 с.

238. Котков, С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка / С.И. Котков ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1980. – 293 с.

239. Котков, С.И. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1968. – 338 с.

240. Котков, С.И. Московская речь в начальный период становления русского литературного языка / С.И. Котков ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1974. – 359 с.

241. Котков, С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков / С.И. Котков ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1970. – 317 с.

242. Котков, С.И. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII в. / С.И. Котков ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. В.В. Иванов. – М. : Наука, 1986. – 154 с.

243. Котков, С.И. Старинная русская деловая письменность в ее отношении к литературному языку / С.И. Котков // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. В.Г. Демьянов, Н.И. Тарабасова. – М., 1991. – С. 122–144.

244. Крамко, І.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. / І.І. Крамко, А.К. Юрэвіч, А.І. Яновіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – Т. 1. – 342 с.

245. Крамко, І.І. Сінтаксіс слоні́мскіх актаў XVI ст. (складаны сказ) / І.І. Крамко ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 67 с.

246. Крысько, В.Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность / В.Б. Крысько. – 2-е изд. – М. : Азбуковник, 2006. – 485 с.

247. Кудрявцева, Е.А. Элементы церковно-славянской традиции в деловой письменности начала XVIII века (на материале документов Туруханского Троицкого монастыря) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Кудрявцева ; Сибир. федер. ун-т. – Барнаул, 2007. – 23 с.

248. Кузнецов, А.М. Краткие и полные формы прилагательных в деловой и бытовой письменности Северо-Западной Руси XI–XIII вв. в сопоставлении с оригинальными текстами Успенского сборника XII–XIII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.М. Кузнецов ; Моск. гос. ун-т. – М., 1984. – 16 с.

249. Кузнецова, А. Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма, в современном русском литературном языке / А. Кузнецова // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Сер. гуманитар. наук. – 2005. – № 6. – С. 112–116.

250. Купчинський, О.А. Розвиток галицько-волинського документа в контексті міжслов'янських зв'язків XIII–XIV ст. / О.А. Купчинський // З історії міжслов'янських зв'язків : зб. наук. пр. / Акад. наук УРСР, Ін-т суспіл. наук ; редкол.: Ф.І. Стеблій (відп. ред.) [та ін.]. – Київ, 1983. – С. 25–45.

251. Кушнерук, С.П. Документная лингвистика (русский деловой текст) : учеб. пособие / С.П. Кушнерук. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 96 с.

252. Кушнерук, С.П. История русской деловой письменности. Лингвистика старорусских деловых текстов / С.П. Кушнерук // Документная лингвистика : учеб. пособие / С.П. Кушнерук. – 2-е изд. – М., 2008. – С. 67–71.

253. Кыркунова, Л.Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Г. Кыркунова ; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2007. – 19 с.

254. Лаппо-Данилевский, А.С. Очерк русской дипломатики частных актов / А.С. Лаппо-Данилевский ; подгот. текста А.И. Андреева ; с испр. и доп. Е.А. Ростовцева. – СПб. : Сев. звезда, 2007. – 283 с.

255. Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) / Б.А. Ларин. – М. : Высш. шк., 1975. – 327 с.

256. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / А.Я. Баханькоў [і інш.] ; пад рэд. А.Я. Баханькова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.

257. Леонова, Ю.Ю. Лексические средства объективация просьбы в челобитных XVII века / Ю.Ю. Леонова // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 406–411.

258. Леонова, Ю.Ю. Языковая объективация просьбы в челобитных XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 05.25.02 / Ю.Ю. Леонова ; Тул. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2013. – 18 с.

259. Литвина, А.Ф. Аренга: Судьба латинской формулы в восточнославянских документах / А.Ф. Литвина // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред.: Т.М. Николаева. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 315–352.

260. Литвина, А.Ф. Латинские заимствования в формуляре документов Великого Княжества Литовского / А.Ф. Литвина // Hungaro-Baltoslavica 2000: Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: миграция слов, выражений, идей : материалы междунар. науч. конф., Будапешт, 5–7 апр. 2000 г. / Будапешт, 2000. – С. 85–87.

261. Литвина, А.Ф. Преамбула средневековых русских завещаний как литературный жанр / А.Ф. Литвина // Славянское языкознание : материалы конф. к XIII Международному съезду славистов, Москва, июнь 2002 г. / Отд. ист. филол. наук РАН, Национальный комитет славистов Российской Федерации ; отв. ред. А.М. Молдован. – М. : Институт русского языка РАН, 2003. – С. 162–172.

262. Литвина, А.Ф. Русский деловой документ и византийские нормы / А.Ф. Литвина // Диалог в культуре и истории : тезисы конф. молодых ученых, Москва, окт. 1993 г. / РАН, Институт славяноведения и балканистики, Научный центр общеславянских исследований ; отв. ред. Т.Н. Молошная. – М., 1993. – С. 14–15.

263. Литвина, А.Ф. Своим целым умом: пути проникновения формулы в восточнославянские документы / А.Ф. Литвина // Балто-славянские исследования : сб. науч. тр. / РАН, Ин-т славяноведения ; под науч. ред. В.В. Иванова. – М., 1999. – С. 570–583.

264. Литвина, А.Ф. Семантика и синтаксис формул в деловых документах XIII–XVII вв.: (На материале рус., белорус. и укр. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ф. Литвина ; Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1995. – 27 с.

265. Литвина, А.Ф. Славянская и неславянская норма: порядок слов в текстах XVIII в. / А.Ф. Литвина // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании : сб. ст. / РАН, Институт славяноведения и балканистики, отв. ред. Т.Н. Молошная. – М., 1993. – С. 103–111.

266. Литовская Метрика = Lietuvos metrika / Вильнюс. ун-т. – Вильнюс : Изд-во Вильнюс. ун-та, 1997. – Кн. 4 : Книга судебных дел (1522–1530) : копия конца XVI в. / редкол.: С. Лазутка (отв. ред.) [и др.]. – 683 с.

267. Ломтев, Т.П. Из истории синтаксиса русского языка / Т.П. Ломтев. – 3-е изд., стер. – М. : URSS : КомКнига, 2007. – 77 с.

268. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание : избр. работы / Т.П. Ломтев ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1976. – 381 с.

269. Ломтев, Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка : учеб. пособие / Т.П. Ломтев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 596 с.

270. Ломтев, Т.П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (морфология) : учеб. пособие / Т.П. Ломтев. – М. : Высш. шк., 1961. – 323 с.

271. Лопушанская, С.П. Языковая личность древних русичей (по материалам деловых документов) / С.П. Лопушанская // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики : тез. докл. и сообщ. науч. конф., Екатеринбург, 12–14 мая 1995 г. / Урал. гос. ун-т ; отв. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург, 1995. – С. 10–11.

272. Львов, А.С. К истории слова грамота в древнерусской письменности / А.С. Львов // Исследования источников по истории русского языка и письменности : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; ред.: Л.П. Жуковская, Н.И. Тарабасова. – М., 1966. – С. 88–103.

273. Лядова, Ю.В. К вопросу о статусе соединительных элементов в тексте / Ю.В. Лядова // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел России ; отв. ред. Л.Г. Кашкурович. – М., 2003. – С. 44–53.

274. Мазитова, Л.Л. Варианты словоформ имен существительных мужского рода в родительном падеже единственного числа по памятникам Московской и Нижегородской деловой письменности XVII–XVIII веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Л. Мазитова ; Нижегород. гос. ун-т. – Н. Новгород, 1993. – 27 с.

275. Мазо, С.Э. Диалектные особенности морфологии языка деловых документов г. Томска XVII в. / С.Э. Мазо // Вопросы русского языка и его говоров : сб. ст. / Томск. гос. ун-т. – Томск, 1968. – С. 54–61.

276. Мазурин, М.Д. Описи имущества среднерусских монастырей XVII века как источник исторической лексикологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.Д. Мазурин. – М., 2000. – 29 с.

277. Майоров, А.П. Отражение в региональной деловой письменности XVIII в. фонетических явлений в области согласных русского языка / А.П. Майоров // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2013. – № 10. – С. 66–69.

278. Майоров, А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А.П. Майоров ; отв. ред. А.М. Молдован. – М. : Азбуковник, 2006. – 261 с.

279. Майоров, А.П. Региональный узус деловой письменности XVIII века : по памятникам Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А.П. Майоров ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – Барнаул ; М., 2006. – 44 с.

280. Майоров, А.П. Явочные челобитные как памятники русского языка XVI–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.П. Майоров ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1987. – 19 с.

281. Макушина, А.А. Функционирование глаголов социальных отношений в древнерусском деловом тексте / А.А. Макушина // Вестн. Нижегород. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 615–617.

282. Малышева, И.А. Об одном типе таможенных книг XVIII века (ярмарочные книги) / И.А. Малышева // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л.М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 42–59.

283. Малышева, И.А. Язык Архангельской таможенной книги начала XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.А. Малышева. – М., 1975. – 24 с.

284. Медведев, И.П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт) / И.П. Медведев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – Л. : Наука, 1988. – 260 с.

285. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага = Метрыка Вялікага Княства Літоўскага / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: Г.Я. Галенчанка [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – Кн. 43 : Кніга запісаў (1523–1560) : копія канца XVI ст. / падрыхт. В.С. Мянжынскі. – 167 с.

286. Мизинкова, П.Г. Семантическая структура юридической уголовно-процессуальной терминологии XVII в. (на материале

документов ГАТО) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / П.Г. Мизинкова. – Тюмень, 2004. – 174 л.

287. Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка [і інш.] ; рэд. А.І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 319 с.

288. Мордвинцева, В.С. Жанровая специфика синтаксического состава текстов делового языка (на материале памятников тюменской деловой письменности XVII – начала XVIII в.) / В.С. Мордвинцева // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 268–271.

289. Мордвинцева, В.С. Типология простого предложения в тюменских памятниках деловой письменности XVII – начала XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / В.С. Мордвинцева ; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2005. – 25 с.

290. Морковина, О.В. Проблема взаимоотношения литературы и деловой письменности в традиции древнерусского завещания : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О.В. Морковина ; Ин-т филологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Томск, 2005. – 33 с.

291. Назаревский, А.А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века / А.А. Назаревский. – Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1961. – 80 с.

292. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).

293. Неволина, А.М. Антропонимия купчих грамот г. Тотьмы середины XVII в. / А.М. Неволина // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2010. – Т. 4. – С. 40–43.

294. Никитин, О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.В. Никитин. – М., 2004. – 740 л.

295. Никитин, О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.В. Никитин ; Ин-т лингвист. исслед. Рос. акад. наук. – М., 2004. – 47 с.

296. Никитин, О.В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв. / О.В. Никитин. – М. : Изд-во МГОУ, 2004. – 324 с.

297. Никитин, О.В. Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности / О.В. Никитин. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2011. – 204 с.

298. Никитин, О.В. Региональная этнолингвистика памятников деловой письменности XX – начала XXI вв.: имена, идеи, концепции / О.В. Никитин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/philology/47839.php>. – Дата доступа : 20.06.2015.

299. Николаева, Т.М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики / Т.М. Николаева // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. – 1977. – Т. 36, № 4. – С. 304–313.

300. Новік, М.А. Лексіка Статута Вялікага княства Літоўскага (1588) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / М.А. Новік ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 2003. – 20 с.

301. Новоселова, Н.А. Лингвотекстологический анализ страдательного причастия в южноуральской деловой письменности последней трети XVIII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.А. Новоселова ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 1995. – 28 с.

302. Обнорский, С.П. Избранные работы по русскому языку / С.П. Обнорский. – М. : Учпедгиз, 1960. – 335 с.

303. Обнорский, С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода / С.П. Обнорский. – Л. ; М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. – 199 с.

304. Окунева, Л.В. Формы личных имен в архангельских юридических и экономических памятниках деловой письменности / Л.В. Окунева // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст : сб. науч. ст. : [по итогам III Междунар. конф., Северодвинск, 7–9 окт. 2010 г.] / Помор. гос. ун-т, Северодв. фил. ; сост. и отв. ред.: А.Г. Лошаков, Л.А. Савелова. – Архангельск, 2010. – С. 80–84.

305. Осокина, В.А. Бесприставочные глаголы с суффиксом -ива/-ыва- в составе памятников деловой письменности старорусского периода, не нацеленных на передачу личностно ориентированной информации / В.А. Осокина // Вестн. Удмур. ун-та. – 2012. – № 5–4. – С. 140–146.

306. Палішчук, Н.В. Лексіка фармуляра актаў «Кнігі запісаў» (1522–1552) / Н.В. Палішчук // Гуманітар.-экан. весн. – 2008. – № 3. – С. 98–104.

307. Паляшчук, Н.В. Аб жанравай класіфікацыі тэкстаў Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага / Н.В. Паляшчук // Беларуская пісьмовая спадчына ў кантэксце еўрапейскага культурна-гістарычнага працэсу стагоддзяў: вытокі, традыцыі, уплывы : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 24 мая 2010 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; рэдкал.: А.У. Бразгуноў [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 141–146.

308. Паляшчук, Н.В. Кампазіцыя прывілеяў «Кнігі запісаў» (1522–1552) / Н.В. Паляшчук // Личность – слово – социум : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 апр. 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.В. Фалалеев (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Ч. 1. – С. 151–155.

309. Паляшчук, Н.В. Мова «Трыбунала» (1586) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Н.В. Паляшчук ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 1999. – 20 с.

310. Паляшчук, Н.В. Структура і фармуляр актаў «Кнігі запісаў» (1522–1552 гг.) / Н.В. Паляшчук // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 крас. 2008 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; навук. рэд.: Л.П. Кунцэвіч, Н.В. Паляшчук. – Мінск, 2008. – С. 296–302.

311. Паляшчук, Н.В. Структурна-фармулярны аналіз тэкстаў старабеларускай дзелавай пісьменнасці / Н.В. Паляшчук // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: Д.В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 109–111.

312. Паляшчук, Н.В. Тыпы формул у старабеларускіх дзелавых тэкстах / Н.В. Паляшчук // Беларускае слова: гісторыя і сучаснасць : зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. памяці праф. А.І. Жураўскага, Мінск, 27 кастр. 2009 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. М.Р. Прыгодзіча. – Мінск, 2010. – С. 106–112.

313. Паляшчук, Н.В. Фразеалогія старабеларускай дзелавай пісьменнасці і шляхі яе вывучэння / Н.В. Паляшчук // Язык и социум : материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2010 г.: в 3 ч. Ч. 3 / редкол.: Л.Ф. Гербик (отв. ред.). – Минск : РИВШ, 2011. – С. 162–165.

314. Пивторак, Г.П. История инфинитива в белорусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Г.П. Пивторак; АН БССР, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1964. – 19 с.

315. Пирогова, А.В. Дозорные книги городов Московского государства первой трети XVII в. в аспектах исторической стилистики и лингвистического источниковедения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Пирогова. – Архангельск, 2013. – 27 с.

316. Пирогова, А.В. Топонимическое пространство дозорных книг городов Московского государства первой трети XVII в. / А.В. Пирогова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 4. – С. 91–92.

317. Пичхадзе, А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках / А. Пичхадзе // Вопр. языкознания. – 2010. – № 5. – С. 14–24.

318. Полещук, Н.В. Опыт изучения композиции старобелорусских документальных текстов (на материале привилеев «Книги записей» (1522–1552) / Н.В. Полещук // Вести Ин-та соврем. знаний. – 2009. – № 4. – С. 81–85.

319. Политова, Г.С. Функционирование глагольных форм в текстах доношений (на материале документов тюменской воеводской канцелярии) / Г.С. Политова // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 271–275.

320. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Ин-т истории Акад. наук СССР, 1977. – Вып. 1. – 228 с.

321. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Ин-т истории Акад. наук СССР, 1978. – Вып. 2. – 219 с.

322. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; сост. А.Л. Хорошкевич. – М. : Ин-т истории Акад. наук СССР, 1980. – Вып. 3. – 214 с.

323. Полякова, Е.Н. Лексика пермских памятников XVII – н. XVIII в. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.Н. Полякова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1983. – 32 с.

324. Попова, И.Н. Переписная книга Вологды 1711 г. как жанр и лингвистический источник : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.Н. Попова ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2002. – 19 с.

325. Попова, Л.В. Отражение динамики права в документах южноуральских провинциальных канцелярий XVIII века / Л.В. Попова // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста: сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 117–126.

326. Попова, Н.Е. Язык деловых документов Красноярского острога XVII – н. XVIII в. (фонетика и морфология) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Н.Е. Попова ; Моск. обл. пед. ин-т. – М., 1961. – 25 с.

327. Преферансов, С.А. Отражение социальной структуры общества в региональной деловой письменности 2-й половины XVIII в. (на материале лексики документов Царицынского городского магистрата) / С.А. Преферансов // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 275–281.

328. Прыгодзіч, М.Р. Словакладанне ў гісторыі беларускай мовы : аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук : 10.02.01 / М.Р. Прыгодзіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – 41 с.

329. Рахманин, Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов : учеб. пособие / Л.В. Рахманин. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 1988. – 239 с.

330. Ремнева, М.Л. Литературный язык Древней Руси: некоторые особенности грамматической нормы / М.Л. Ремнева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 142 с.

331. Ремнева, М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. / М.Л. Ремнева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 331 с.

332. Ремнева, М.Л. Специфика норм церковнославянского языка русской редакции как литературного языка Древней Руси / М.Л. Ремнева // Доклады по проблемам языкознания / М.Л. Ремнева, Л.В. Златоустова, Н.Н. Запольская ; Моск. гос. ун-т. – М., 1993. – С. 3–24. – (К IX Международному съезду славистов в Братиславе).

333. Руднева, С.Ф. К вопросу о жанровой классификации старорусской деловой письменности / С.Ф. Руднева // Русский язык : система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 95–99.

334. Руднева, С.Ф. Особенности формуляра отписок XVII века (на материале отписок сибирского приказа) / С.Ф. Руднева // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. – 2009. – № 5. – С. 21–25.

335. Рудозуб, Е.Н. Стилеобразующие средства на уровне слова в документах XVII века (на примере жанра «Память») / Е.Н. Рудозуб // Вестн. Омс. ун-та. – 1998. – Вып. 3. – С. 51–54.

336. Русанова, С.А. Трансформация приказной памяти в условиях преобразования регионального делопроизводства в первой половине XVIII в. / С.А. Русанова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – № 10. – С. 70–74.

337. Свяжынскі, У. Праблема ідэнтыфікацыі афіцыйнай мовы Вялікага Княства Літоўскага / У. Свяжынскі / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kamunikat.fontel.net>. – Дата доступа : 14.06.2015.

338. Селиванов, Г.А. К общей характеристике активных процессов в области фразеологии / Г.А. Селиванов // Активные процессы в области фразеологии : сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т ; под ред. Г.А. Селиванова. – Иваново, 1980. – С. 3–13.

339. Селиванов, Г.А. Несколько страниц из истории русского словообразования и фразеобразования / Г.А. Селиванов // Активные процессы в области фразеологии : сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т ; под ред. Г.А. Селиванова. – Иваново, 1984. – С. 4–18.

340. Селиванов, Г.А. Фразеология новгородских договорных грамот XIII–XIV вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.А. Селиванов ; Сарат. гос. ун-т. – Саратов, 1953. – 21 с.

341. Селищев, А.М. О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка / А.М. Селищев // Вопр. языкознания. – 1957. – № 4. – С. 57–63.

342. Семенова, О.Р. О жанре челябинских рапортов/репортов XVIII века. Лексические данные челябинских репортов XVIII в. / О.Р. Семенова // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста : сб. ст. / Челяб. гос. пед. ун-т ; под ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2008. – С. 135–139.

343. Сидоренская, Н.Д. Хозяйственные книги Псково-Печерского монастыря XVII в. и их информативность / Н.Д. Сидоренская // Вестн. Псков. гос. пед. ун-та. Сер., Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – Вып. 3. – Псков : ПГПУ им. С.М. Кирова, 2008. – С. 95–98.

344. Симашко, Т.В. Употребление антропонимов в текстах архангельских документов XVI–XVIII вв. / Т.В. Симашко // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст : сб. науч. ст. : [по итогам III Междунар. конф., Северодвинск, 7–9 окт. 2010 г.] / Помор. гос. ун-т, Северодв. фил. ; сост. и отв. ред.: А.Г. Лошаков, Л.А. Савелова. – Архангельск, 2010. – С. 75–80.

345. Сліж, Н. Шляхеція тэстаменты XVI – пачатку XVIII ст. / Н. Сліж, М. Гардзеў // Гістарычны альманах. – 2000. – Т. 3. – С. 90–110.

346. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1975–2006. – 27 вып.

347. Смольников, С.Н. Антропонимия в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв. / С.Н. Смольников. – Вологда, 2005. – 118 с.

348. Соколова, И.Г. Видо-временная система в памятниках русской и украинской деловой письменности XV в. / И.Г. Соколова // Вопросы русского языкознания : сб. ст. / Ташк. гос. ун-т ; отв. ред. М.Б. Крылова. – Ташкент, 1970. – С. 37–72. – (Научные труды / Ташк. гос. ун-т ; вып. 390).

349. Соколова, М.А. Очерки по языку деловых памятников XVI в. / М.А. Соколова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 191 с.

350. Солганик, Г.Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – М. : Флинта : Наука, 1997. – 252 с.

351. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В.И. Борковского. – М. : Наука, 1972. – 158 с.

352. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: сложноподчиненные предложения / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В.И. Борковского. – М. : Наука, 1973. – 358 с.

353. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: типы простого предложения / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В.И. Борковского. – М. : Наука, 1968. – 291 с.

354. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: члены предложения / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В.И. Борковского. – М. : Наука, 1968. – 297 с.

355. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. Акад. наукъ, 1893–1912. – 3 т.

356. Старикова, Г.Н. Наименование лиц в томской деловой письменности XVII в. / Г.Н. Старикова // Жанрово-стилевая специфика лексики русского языка XVI–XVIII вв. : межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. гос. пед. ин-т ; отв. ред. В.Н. Рогова. – Красноярск, 1987. – С. 110–116.

357. Старикова, Г.Н. Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность / Г.Н. Старикова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер., Филология. – 2015. – № 1 (33). – С. 51–65.

358. Старикова, Г.Н. Противоборство формы и содержания в именах с оценочными суффиксами (на материале сибирской деловой письменности XVII в.) / Г.Н. Старикова // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 6 / Институт лингвистических исследований РАН ; отв. ред. С.С. Волков, О.С. Мжельская. – СПб., 2012. – С. 108–112.

359. Статина, Н.В. Динамика учетно-регистрационных документов Флоро-Лаврской церкви села Белоярского в аспекте лингвистического источниковедения (по архивным материалам конца XVIII – начала XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Статина ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2010. – 23 с.

360. Сташайтене, В.П. Лексика Литовской метрики (книг судных дел) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.П. Сташайтене ; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1965. – 16 с.

361. Стеценко, А.Н. Исторический синтаксис русского языка : учеб. пособие / А.Н. Стеценко. – М. : Высш. шк., 1977. – 352 с.

362. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева [и др.] ; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 694 с.

363. Структура предложения в истории восточнославянских языков / Р.Б. Кершиене [и др.] ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. В.И. Борковского. – М. : Наука, 1983. – 303 с.

364. Сумкина, А.И. Зависимость синтаксического строя некоторых памятников деловой письменности XVIII в. от их содержания / А.И. Сумкина // История русского языка: памятники XI–XVIII вв. : сб. науч. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. С.И. Коткова, Н.П. Панкратова. – М., 1982. – С. 232–257.

365. Сысуева, Р.П. Памятники местной деловой письменности XVIII в. как лингвистический источник (по данным Курганского областного архива) / Р.П. Сысуева, И.А. Шушарина // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л.М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 23–34.

366. Тарабасова, Н.И. О некоторых особенностях языка деловой письменности / Н.И. Тарабасова // Источниковедение и история русского

языка : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; ред.: С.И. Котков, В.Ф. Дубровина. – М., 1964. – С. 157–173.

367. Тарабасова, Н.И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. / Н.И. Тарабасова // Исследования по лингвистическому источниковедению : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; ред.: С.И. Котков, О.А. Князевская. – М., 1963. – С. 144–155.

368. Тарабасова, Н.И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. / Н.И. Тарабасова ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. С.И. Котков. – М. : Наука, 1986. – 162 с.

369. Тарланов, З.К. О предмете и задачах исторической стилистики русского языка / З.К. Тарланов // Историческая стилистика русского языка : межвуз. сб. науч. тр. / Петрозав. гос. ун-т ; редкол.: З.К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск, 1990. – С. 4–15.

370. Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад. : А.Ф. Аляксандрава, В.У. Бабкова, І.М. Бобер ; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2012. – 736 с.

371. Тихомирова, Е.А. Старорусские данные грамоты: особенности текстовой и синтаксической организации / Е.А. Тихомирова // Ежегодные лингвистические чтения, 3 дек. 2004 г. [Электронный ресурс] : сб. докл. / Великотырн. ун-т, филол. фак. ; редкол.: Г.Н. Гочев [и др.]. – Великое Тырново, 2006. – Режим доступа : http://www.uni-vt.bg/pages/677/uplft/Cheteniya_2004.pdf. – Дата доступа : 25.05.2012.

372. Токарев, Г.В. Лексико-фразеологические средства выражения просьбы в челобитных XVII века / Г.В. Токарев, Ю.Ю. Леонова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. – 2011. – № 2. – С. 50–54.

373. Токмачева, И.Б. Поручные записи как памятники русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.Б. Токмачева ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1984. – 17 с.

374. Томашевич, Ф.И. Фразеология белорусского языка XIV–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Ф.И. Томашевич ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1980. – 22 с.

375. Тропникова, М.В. Названия денежных единиц в сольвычегодских таможенных книгах XVIII века / М.В. Тропникова // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования : сб. науч. тр. / Хабар. пед. ун-т ; под науч. ред. Л.М. Городиловой. – Хабаровск, 2002. – С. 70–76.

376. Трофимова, О.В. Жанровый аспект грамматики должествования (на материале тюменской деловой письменности XVIII века) / О.В. Трофимова // Русский язык: исторические судьбы и современность [Электронный ресурс] : тр. III Междунар. конгр. исслед. рус. яз., Москва, 20–23 марта 2007 г. / Моск. гос. ун-т, филол. фак. – М.,

2007. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/11.pdf>. – Дата доступа : 13.07.2008.

377. Трофимова, О.В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.В. Трофимова. – СПб., 2002. – 507 л.

378. Трофимова, О.В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О.В. Трофимова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 42 с.

379. Трофимова, О.В. К вопросу о субстантивных словосочетаниях в тюменском деловом дискурсе конца XVIII века / О.В. Трофимова // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике : сб. науч. ст. / Тюмен. гос. ун-т ; сост., отв. ред. Л.М. Байдуж. – Тюмень, 2010. – С. 155–160.

380. Трофимова, О.В. Синтаксический строй русских промеморий / О.В. Трофимова // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 окт. 2011 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – С. 96–99.

381. Трофимович, Т.Г. Актовые книги городских магистратов среди источников по истории белорусского языка / Т.Г. Трофимович // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: Д.В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 145–149.

382. Трофимович, Т.Г. Восточнославянская историческая фразеология : состояние и перспективы изучения / Т.Г. Трофимович // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 крас. 2008 г. / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; навук. рэд.: Л.П. Кунцэвіч, Н.В. Паляшчук. – Мінск, 2008. – С. 36–41.

383. Трофимович, Т.Г. К наблюдениям над старорусской фразеологией / Т.Г. Трофимович // Русский язык : система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 105–108.

384. Трофимович, Т.Г. К осознанию задач и путей развития сравнительно-исторической стилистики восточнославянских языков / Т.Г. Трофимович // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск: «Белорусский Дом печати», 2013. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – С. 58–62.

385. Трофимович, Т.Г. О возможностях качественной оценки исторической фразеологии / Т.Г. Трофимович // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятые жуковские чтения : материалы международного симпозиума. – Великий Новгород, 2011. – Т. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bsru.by/handle/doc/4178>. – Дата доступа : 23.06.2015.

386. Трофимович, Т.Г. От понятийных категорий к языковым: род старорусских предметных имен / Т.Г. Трофимович // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. / редкол. : И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2006. – Ч. 1. – С. 103–106.

387. Трофимович, Т.Г. Современное состояние и перспективы развития исторической стилистики восточнославянских языков / Т.Г. Трофимович // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию проф. П.П. Шубы) : сб. материалов V Междунар. науч. конф., Минск, 11–12 окт. 2011 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 63–67.

388. Трофимович, Т.Г. Сравнительно-историческая стилистика восточнославянских языков в аргументации их статуса в период конца XIV–XVII века / Т.Г. Трофимович // Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зб. навук. арт. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2013. – С. 63–66.

389. Трофимович, Т.Г. Старорусская и старобелорусская правовая фразеология (состав, происхождение, номинативные функции) / Т.Г. Трофимович // Славянская фразеология и паремиология в XXI в. : сб. науч. ст. / Междунар. ком. славистов, Комис. по славян. фразеологии ; под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск, 2010. – С. 47–52.

390. Трофимович, Т.Г. Старорусская и старобелорусская фразеология в сравнительно-сопоставительном аспекте и исторической ретроспективе / Т.Г. Трофимович // Русский язык в контексте национальной культуры : материалы 2-й Междунар. науч. конф. – Саранск, 2012 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bsru.by/handle/doc/4190>. – Дата доступа : 23.06.2015.

391. Трофимович, Т.Г. Типология предметной номинации в языке старорусской деловой письменности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Т.Г. Трофимович ; Ин-т языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси. – Минск, 2003. – 38 с.

392. Трофимович, Т.Г. Фразеология Соборного уложения 1649 года в связи с общими проблемами восточнославянской исторической фразеологии / Т.Г. Трофимович // Русский язык: система и функционирование : материалы междунар. науч. конф. – Минск : БГУ,

2011 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bspu.by/handle/doc/4176>. – Дата доступа : 23.06.2015.

393. Трофимович, Т.Г. Восточнославянская историческая фразеография в настоящем и будущем / Т.Г. Трофимович, Н.В. Полешук // Русский язык : система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 мая 2009 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 108–111.

394. Тупикова, Н.А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала XVII века / Н.А. Тупикова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2007. – № 6. – С. 168–173.

395. Тупикова, Н.А. Структурно-функциональные свойства документов в составе архивного фонда Царицынского городского магистрата / Н.А. Тупикова, С.А. Преферансов // Вестн. ЧелГУ. – 2011. – № 28. – С. 106–108.

396. Турмачева, Н.А. О типах формальных и логических связей в сверхфразовом единстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.А. Турмачева ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1973. – 23 с.

397. Успенский, Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.): языковая история Древней Руси и ее эволюция / Б.А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – 239 с.

398. Филин, Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1981. – 327 с.

399. Филиппова, И.С. Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской области / И.С. Филиппова // История русского языка: памятники XI–XVIII вв. : сб. науч. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. С.И. Коткова, Н.П. Панкратова. – М., 1982. – С. 258–286.

400. Хмелевская, Е.С. Синтаксис сложноподчиненного предложения грамот Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. (относительные и условные конструкции) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.С. Хмелевская ; Акад. наук БССР, Ин-т языкознания. – Минск, 1955. – 18 с.

401. Ходзін, С.М. Крыніцы гісторыі Беларусі / С.М. Ходзін. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 1999. – 192 с.

402. Цыбикова, В.А. Глаголы велеть и приказать в деловой письменности XVIII в. (на примере письменных памятников Забайкалья) / В.А. Цыбикова // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации : тр. и материалы второй Всерос. науч.-практ. конф., Тюмень, 30 сент. – 2 окт. 2010 г. : в 2 ч. / Тюмен. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Трофимова [и др.]. – Тюмень, 2010. – Ч. 1. – С. 286–291.

403. Цыбикова, В.А. Семантико-стилистические особенности глаголов распоряжения в деловом языке XVIII в. (на материале Забайкальской деловой письменности) / В.А. Цыбикова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2011. – № 10. – С. 60–63.

404. Чайкина, Ю.И. Антропонимы в местных документах XVI–XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда) / Ю.И. Чайкина // Проблемы русистики : материалы всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию профессора кафедры русского языка ТГУ О.И. Блиновой / Томск. гос. ун-т ; под ред. Т.А. Демешкиной. – Томск, 2001. – С. 178–182.

405. Чайкина, Ю.И. Женские имена (начало XVIII века) / Ю.И. Чайкина // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. – М. : Школа-пресс, 1994. – С. 66–74.

406. Чайкина, Ю.И. К вопросу о периодизации некалендарных личных имен на Руси / Ю.И. Чайкина // Проблемы текста : материалы науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. – Вологда, 2006. – С. 19–24.

407. Чайкина, Ю.И. Мужские некалендарные личные имена в русском языке XI–XIV вв. (на материале новгородских берестяных грамот) / Ю.И. Чайкина // XVII Ломоносовские междунар. науч. чтения : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова». – Архангельск, 2005. – Вып. 1. – С. 122.

408. Чащина, Е.А. Лексика финансовой сферы в русском языке XV–XVI веков / Е.А. Чащина // Вестн. Помор. ун-та. Сер., Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 96–101.

409. Чащина, Е.А. Лексический состав титулатуры в памятниках деловой письменности Московской Руси XV–XVII веков / Е.А. Чащина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 22. – С. 140–143.

410. Чащина, Е.А. Особенности языка памятников деловой письменности Московской Руси (на материале явочных челобитных XVII века) / Е.А. Чащина // *Investigationes Linguisticae* [Электронный ресурс]. – Poznan, 2005. – Vol. 12. – Режим доступа : http://msk-slovar16-17v.narod.ru/czaszczyna_inve12.pdf. – Дата доступа : 18.05.2011.

411. Чащина, Е.А. Отписки как один из видов деловой письменности Московской Руси / Е.А. Чащина // Вестн. Северного (Арктического) федерал. ун-та. Сер., Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 118–122.

412. Чащина, Е.А. Юридическая лексика в памятниках деловой письменности Московской Руси / Е.А. Чащина // Вестн. Северного (Арктического) федерал. ун-та. Сер., Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 95–99.

413. Черепнин, Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. : в 2 ч. / Л.В. Черепнин ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. : Изд-во АН СССР, 1967. – Ч. 2. – 428 с.

414. Шакун, Л.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дапаможнік / Л.М. Шакун. – 2-е выд., перапрац. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 319 с.

415. Шакун, Л.М. Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы : вучэб. дапаможнік / Л.М. Шакун. – Мінск, 1960. – 223 с.

416. Шакун, Л.М. Помнікі дзелавой пісьменнасці як крыніцы гісторыі беларускай літаратурнай мовы / Л.М. Шакун // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2009. – № 2. – С. 18–22.

417. Шапир, М.И. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники / М.И. Шапир // Russ. Linguistics. – 1989. – Vol. 13, № 3. – P. 271–309.

418. Шилина, С.А. Языковая личность Ивана IV : на материале документов XVI–XVII веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С.А. Шилина. – Брянск, 2003. – 232 с.

419. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи : сб. ст. / Саратов. гос. ун-т ; редкол.: В.Е. Гольдин (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.

420. Юрицына, И.Ю. Статейные списки в системе письменности русского литературного языка конца XVI – начала XVIII веков (историко-лингвистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.Ю. Юрицына. – Алматы, 2000. – 20 с.

421. Якубинский, М.П. История древнерусского языка / М.П. Якубинский ; с предисл. и под ред. В.В. Виноградова. – М. : Учпедгиз, 1953. – 368 с.

422. Янин, В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. : хронол. коммент. / В.Л. Янин ; Акад. наук СССР, Отд-ние истории. – М. : Наука, 1991. – 383 с.

423. Янкоўскі, Ф.М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапаможнік / Ф.М. Янкоўскі. – 3-е выд. – Мінск : Выш. шк., 1989. – 301 с.

424. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos inst. – Vilnius, 1998. – Kn. 25 : 1387–1546 : užrašymų kn. 25 / parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. – 436 s.

425. Stang, Chr.S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk / Chr.S. Stang. – Oslo : Kommis. hos J. Dybwad, 1939. – 148 S. – (Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo: Historisk-filosofisk klasse ; № 9).

426. Stang, Chr.S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen / Chr.S. Stang. – Oslo : Kommis. hos J. Dybwad, 1935. – 166 S. – (Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo: Historisk-filosofisk klasse ; № 2).

Научное издание

КЛИМКОВИЧ Ольга Александровна

**ФОРМУЛЯР СТАРОРУССКИХ И СТАРОБЕЛОРУССКИХ
ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XIV–XVI ВЕКОВ**

Монография

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Корректор	<i>А.Н. Фенченко</i>
Компьютерный дизайн	<i>Л.Р. Жигунова</i>

Подписано в печать2015. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,47. Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 100 экз. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.